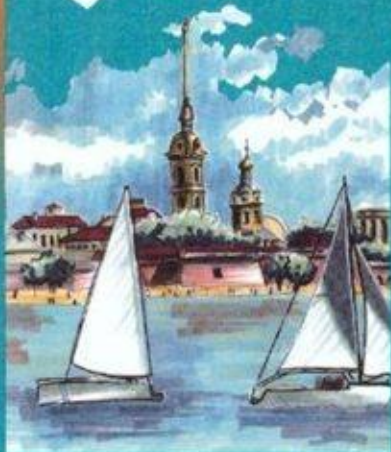

Родная русская Литература

9

Родная русская Литература

Учебное пособие
для общеобразовательных
организаций

Москва
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
2021

9

класс

Авторы: О. М. Александрова, М. А. Аристова, Н. В. Беляева,
И. Н. Добротина, Ж. Н. Критарова, Р. Ф. Мухаметшина

Условные обозначения

Работа в паре

Работа в группе

Задание повышенной сложности

Проект

Размышляем над прочитанным

Прочитаем и обсудим

Теоретические сведения:

Россия — Родина моя

Русские традиции

Русский характер — русская душа

Родная русская литература. 9 класс : учеб. пособие для обучающихся образоват. организаций / [О. М. Александрова и др.]. — М. : Просвещение, 2021. — 191 с. : ил. — ISBN 978-5-09-076929-7.

Учебное пособие предназначено для изучения учебного предмета «Родная (русская) литература», входящего в предметную область «Родной язык и родная литература».

В него включены произведения русской литературы, в которых наиболее ярко выражено их национально-культурное своеобразие. Особенностью пособия является расширенный историко-культурный комментарий к произведениям.

Каждый из проблемно-тематических блоков содержит ключевые понятия, отражающие духовную и материальную культуру русского народа в их исторической взаимосвязи. Работа с учебным пособием способствует приобщению к литературному наследию русского народа в контексте единого исторического и культурного пространства России.

Соответствует Федеральному государственному стандарту основного общего образования.

УДК 373:821.161.1+821.161.1(075.3)
ББК 83.3(2=411.2)я721

ISBN 978-5-09-076929-7

© Издательство «Просвещение», 2021
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2021
Все права защищены

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ – РОДИНА МОЯ

«ПРЕДАНЫЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ»

Гроза двенадцатого года.....	6
«Как не две тученьки не две грозныя...». <i>Русская народная песня</i>	9
В. А. Жуковский	11
Певец во стане русских воинов	11
А. С. Пушкин	16
Бородинская годовщина	17
Полководец	17
«Вы были дети и герои...»	21
И. И. Лажечников	22
Новобранец 1812 года	23
М. И. Цветаева	29
Генералам двенадцатого года	29

ГОРОДА ЗЕМЛИ РУССКОЙ

«Люблю тебя, Петра творенье!...»	32
А. С. Пушкин	36
«Город пышный, город бедный...»	37
О. Э. Мандельштам	38
Петербургские строфы	39
А. А. Ахматова	42
Стихи о Петербурге («Вновь Исакий в облаченьи...»)	43
Давид Самойлов	46
Над Невой («Весь город в плавных разворотах...»)	47
Л. В. Успенский	48
Записки старого петербуржца (глава «Фонарики-сударики»)	49

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

Степь раздольная	57
И. З. Суриков	61
«Уж ты, степь ли моя, степь Моздокская...». <i>Русская народная песня</i>	62
В степи	64

П. А. Вяземский	66
Степь	67
А. П. Чехов	68
Степь	70

РУССКИЕ ТРАДИЦИИ

ПРАЗДНИКИ РУССКОГО МИРА

Августовские Спасы	76
К. Д. Бальмонт	83
Первый спас	84
Е. А. Евтушенко	85
«Само упало яблоко с небес...»	86
Б. А. Ахмадулина	88
Ночь упаданья яблок	90
Е. И. Носов	92
Яблочный Спас	94

ТЕПЛО РОДНОГО ДОМА

Родительский дом	104
А. П. Платонов	106
На заре туманной юности (главы рассказа)	108
В. П. Астафьев	118
Далёкая и близкая сказка (рассказ из повести «Последний поклон»)	119

РУССКИЙ ХАРАКТЕР — РУССКАЯ ДУША

«НЕ ДО ОРДЕНА. БЫЛА БЫ РОДИНА...»

Великая Отечественная война	134
Н. П. Майоров	136
Мы	137
М. В. Кульчицкий	139
«Мечтатель, фантазёр, лентяй-завистник!...»	141
Ю. М. Нагибин	143
Ваганов	144

Е. И. Носов	151
Переправа	152

ЗАГАДКИ РУССКОЙ ДУШИ

Судьбы русских эмигрантов	160
Б. К. Зайцев	162
Лёгкое бремя	163
А. Т. Аверченко	166
Русское искусство	167

О ВАШИХ РОВЕСНИКАХ

Прощание с детством	172
Ю. И. Коваль	173
От Красных ворот	174

ЛИШЬ СЛОВУ ЖИЗНЬ ДАНА

«Припадаю к великой реке...»	185
И. А. Бродский	186
Мой народ	186
С. А. Каргашин	188
«Я — русский! Спасибо, Господи!..»	188

РОССИЯ — РОДИНА МОЯ

«ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ»

Гроза двенадцатого года

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог?

А. С. Пушкин

Двенадцатый год — это народная эпопея, память о которой перейдёт в века и не умрёт, покуда будет жить русский народ.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Дело казаков Платова под Миром 9 июля 1812 года. Худ. В. В. Мазуровский. 1912

Из первых уст

▶ Война 1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании. Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать

вторгшихся в Россию галлов и с ними двенадцать языцы, если бы народ по-прежнему остался в оцепенении... Мне теперь ещё помнятся слова шедшего около меня солдата: «Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла!» В рядах даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий; каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле.

И. Д. Якушкин, участник Отечественной войны 1812 года ◀

В судьбе многих народов есть особо значимые события, которые не просто становятся испытаниями силы и стойкости, но и знаменуют поворотные моменты в истории страны. Для России такой исторической вехой стала Отечественная война 1812 года, когда на борьбу с нашествием армии Наполеона поднялся весь народ — от простого солдата, крестьянина до офицеров и генералов армии. «Дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло всё нашествие» — так писал об этом спустя полвека Лев Николаевич Толстой в романе-эпопее «Война и мир», наиболее масштабном художественном полотне, посвящённом этому грандиозному событию. Память о нём стала важнейшей чертой русского национально-го самосознания и остаётся актуальной до наших дней.

Вы уже знаете многие произведения русских писателей о войне 1812 года — участников сражений и тех, кто осмысливал их позже. Ярким свидетельством того, что эта война сохранилась в народной памяти как поистине эпохальное событие, служат произведения фольклора, одно из которых вы читаете в этом разделе.

Бородинскому сражению — самой важной и ожесточённой битве Отечественной войны — посвящены многие произведения искусства: живописи, музыки, скульптуры и даже архитектуры, например знаменитый храм Христа Спасителя в Москве, построенный на всенародные жертвования, разрушенный в 30-е годы XX века и восстановленный уже в наше время. И, конечно, эта битва изображена в многочисленных литературных произведениях. «Недаром помнит вся Россия про день Бородина», — писал Лермонтов в стихотворении, посвящённом 25-й годовщине этого сражения. Для нас, отметивших уже 200-летний юбилей Бородинской битвы, особой ценностью обладают свидетельства очевидцев, одним из которых был Василий Андреевич Жуковский.

17 (29) августа 1812 года В. А. Жуковский, как и многие его современники, вступил в Московское ополчение, когда враг уже приближался к древней столице. «Я благословил Жуковского на брань: он вчера выступил отсюда навстречу неприятелю», — писал Кутузов своему другу, отдавая дань мужеству знаменитого уже к тому времени поэта-романтика, которого мало кто мог себе представить в роли бойца. Так Жуковский не только стал участником Бородинского сражения, но и прошёл путь с русской армией, громившей французов, вплоть до Вильны. Стихотворение «Певец во стане русских воинов» (1812), которое вы читаете, сложилось не сразу: поэт

много раз читал его перед своими друзьями-офицерами, постоянно внося коррективы. В результате «Певец...» ещё до публикации разошёлся в многочисленных списках. Вот как говорил об этом ещё один участник войны, будущий известный писатель И. И. Лажечников: «Часто в обществе военном читаем и разбираем «Певца во стане русских воинов», новейшее произведение г. Жуковского. Почти все наши выучили уже сию пиесу наизусть. <...> Какая Поэзия! Какой неизъяснимый дар увлекать за собою душу воинов! <...> Довольно сказать, что «Певец во стане русских воинов» сделал эпоху в русской словесности и — в сердцах воинов!»

С исторической позиции оценивал события Отечественной войны 1812 года А. С. Пушкин. В стихотворении «Бородинская годовщина» (1831) поэт подчёркивает значимость победы русского народа над войском Наполеона для дальнейшего развития не только нашей страны, но и всей Европы.

Содружество муз

► В стихотворении «Полководец» (1835), посвящённом одному из самых ярких, но недооценённых современниками военачальников — М. Б. Барклаю-де-Толли, Пушкин поднимает философскую проблему, характерную для его позднего творчества: гений и толпа, которая не способна понять значение его деяний. Интересно, что непосредственным толчком к созданию этого стихотворения послужила картина английского художника Дж. Доу, ставшая одной из центральных в галерее портретов героев Отечественной войны 1812 года. Картина была выполнена им в 1819—1829 гг. по заказу императора Александра I и размещена в Зимнем дворце. Ныне Военная галерея 1812 года — одна из центральных в экспозиции музея Эрмитаж в Санкт-Петербурге — интереснейший с исторической и художественной точек зрения памятник подвигу нашего народа, воспетому в многочисленных произведениях русских писателей и поэтов. ◀

М. Б. Барклай-де-Толли.
Худ. Дж. Доу. 1819—1829

Размышляем над прочитанным

1. Вспомните, какие произведения русских писателей об Отечественной войне 1812 года вы читали. Что вам в них особенно запомнилось?

2. Как вы понимаете слова писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Двенадцатый год — это народная эпопея, память о которой перейдёт в века...»?

3. Расскажите, что вы узнали об участии в войне 1812 года поэта В. А. Жуковского. О каких ещё русских поэтах — участниках этой войны — вы знаете?

4. С творчеством какого художника связано стихотворение А. С. Пушкина «Полководец» и почему?

Прочитайте русскую народную песню и стихотворения В. А. Жуковского и А. С. Пушкина о войне 1812 года и подумайте, какая мысль объединяет столь разные произведения.

Как не две тученьки не две грозных...

Русская народная песня

Подпись: «Не удалось тебе нас переладить на свою погудку: попляши же, басурман, под нашу дудку!»

Худ. И. И. Тербенёв. 1812

Как не две тученьки не две грозных

Вместе соходились —

Как две силы-армеюшки

Вместе соезжались:

Как одна сила-армеюшка

Она Царя Белого,

Как вторая сила-армеюшка

Короля французского.

Господа ли генералушки

Вместе соходились.

Они думали крепку думушку

Работаем со словом

Погудка (нар.-поэт.) — напев, мелодия. // Присказка, прибаутка.

Басурман (устар., неодобр.) — иноземец, иноверец.

Все заедино:

«А когда же у нас, братцы,

Будет бой-батальница?

На осенний первый праздничек, братцы,

На *Семёнов день*».

Как Семёнов день приходит, братцы,

Как гора валит;

Как Семёнов день проходит, братцы,

Как река бежит.

Как ударили из пушек, братцы,

Из винтовочек —

Покаталися с могучих плеч

Головушки,

Полилася басурманская кровь

На все четыре стороны.

Историко-культурный комментарий

► **Семёнов день** — традиционный народный и церковный праздник, знаменующий начало осени и Новолетие (начало нового года) по православному календарю; отмечается 14 сентября (1 сентября по старому стилю); другое название — Симеон-летопроводец (буквально: лето провожающий). В христианской традиции этот праздник связан с именем святого Симеона Столпника, а в народных поверьях — с началом бабьего лета. На Руси этот день обычно отмечали весёлыми гуляньями, играми и подготовкой к свадебным смотринам. ◀

Размышляем над прочитанным

1. К какому известному вам фольклорному жанру следует отнести песню «Как не две тученьки не две грозныя...»? Аргументируйте свой ответ. Какие ещё народные песни этого жанра вы знаете?

2. О каких двух «силах-армеюшках» говорится в народной песне? Кого в песне называют *Царь Белый* и *Король французский* и почему?

3. Какое историческое событие описывается в этой народной песне? Что в тексте соответствует историческим фактам, а что можно отнести к художественному вымыслу?

4. Прочитайте рубрику «Историко-культурный комментарий». С какими традиционными праздниками и обрядами связан *Семёнов день*? Как вы думаете, соответствуют ли чувства, с которыми описываются изображённые в песне события, этому празднику? Аргументируйте свой ответ, опираясь на текст песни.

5. Какие традиционные для русского устного народного творчества художественные приёмы используются в этой песне? Приведите примеры.

6*. Рассмотрите рисунок — карикатуру, выполненную художником И. И. Теребенёвым — автором популярной серии из 43 гравюр, высмеивавших Наполеона и его армию (так называемые «Теребенёвские листы»). Обратите внимание на подпись к рисунку, стилизованную под народную речь

(такие подписи были сделаны ко всем 43 карикатурам). Как вы считаете, соответствует ли эта карикатура и подпись к ней по настроению и смыслу народной песне «Как не две тученьки не две грозныя...»? Докажите свою позицию.

Василий Андреевич Жуковский

Литературные имена России

► **Василий Андреевич Жуковский** (1783—1852) — русский поэт, переводчик, основоположник романтизма в русской литературе, автор элегий и баллад, среди которых как переводные, так и оригинальные произведения, реформатор русской поэзии. В балладе «Светлана» (1812) впервые в русской литературе воплощён образ национальной героини. С 1815 года В. А. Жуковский участник литературного объединения «Арзамас», борвшегося с архаическими традициями в русской словесности. В 1818 году В. А. Жуковский стал действительным членом Академии Российской.

Отмечая особую роль поэта в развитии русской литературы, критик В. Г. Белинский сказал: «Без Жуковского мы не имели бы Пушкина».

В. А. Жуковский.
Худ. О. А. Кипренский.
1816

Прочитайте стихотворение В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов». Какому событию Отечественной войны 1812 года посвящено это стихотворение? Вспомните, кто ещё из русских поэтов писал об этом событии.

Певец во стане русских воинов

(В сокращении)

Певец

На поле бранном тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здесь светит нам луна,
Здесь кров небес над нами. <...>

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменят?
О родина святая,

Русская кавалерия атакует французскую пехоту. Бородино.
Худ. Д. Дайтон. Около 1813

Работаем со словом

Родные (*устар.*) — родители.

Ратный (*устар. и высок.*): здесь — воин.

Бранные (*устар. и высок.*) — военные.

Супостат (*устар. и высок.*) — неприятель, противник, враг.

Тот наш, кто первый в бой летит
На гибель супостата,
Кто слабость павшего щадит
И грозно мстит за брата;
Он взором жизнь даёт полкам;
Он махом мощной длани
Их мчит во счётенье врагам,
В средину шумной брани:
Ему веселье битвы глас,
Спокоен под громами:
Он свой последний видит час
Бесстрашными очами.

Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?
Там всё — там родных милый дом;
Там наши жёны, чада;
О нас их слёзы пред творцом;
Мы жизни их ограда;
Там девы — прелесть наших дней,
И сонм друзей бесценный,
И царский трон, и прах царей,
И предков прах священный.
За них, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

Воины

За них, за них всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.
<...>

Певец

Сей кубок ратным и вождям!
В шатрах, на поле чести,
И жизнь и смерть — всё пополам;
Там дружество без лести,
Решимость, правда, простота,
И нравов непритворство,
И смелость — бранных красота,
И твёрдость, и покорство.
Друзья, мы чужды низких уз;
К венцам стезёю правой!
Опасность — твёрдый наш союз;
Одной пылаем славой.

Хвала тебе, наш бодрый вождь,
Герой под седи́нами!
Как юный ратник, вихрь, и дождь,
И труд он делит с нами.
О сколь с израненным челом
Пред строем он прекрасен!
И сколь он хладен пред врагом
И сколь врагу ужасен!
О диво! се орёл пронзил
Над ним небес равнины...
Могущий вождь главу склонил;
Ура! кричат дружины.

Лети ко прадедам, орёл,
Пророком славной мести!
Мы твёрды: вождь наш перешёл
Путь гибели и чести;
С ним опыт, сын труда и лет;
Он бодр и с сединою;
Ему знаком победы след...
Доверенность к герою!
Нет, други, нет! не предана
Москва на расхищенье;
Там стены!.. в рощах вся она;
Мы здесь — и Бог наш мщенье.
<...>

Воины

Вожди славян, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна к вам зовет: мсть!
Вселенная: спасенье!
<...>

Певец

Но светлых облаков града
Уж утро возвещает;
Уже восточная звезда
Над холмами играет;
Редет сумрак; сквозь туман
Проглянули равнины,
И дальний лес, и тихий стан,
И спящие дружины.
О други, скоро!.. день грядёт...
Недвижны рати бурны...
Но... Рок уж жребию берёт
Из таинственной урны.

Работаем со словом

Стезя́ (устар. и высок.) — путь, дорога.
Длань (устар. и высок.) — рука, ладонь.
Во срéтенье (устар.) — навстречу.
Ўрна (устар.) — сосуд, ваза.
Бразды́ (устар.) — конские удила, узда.

Работаем со словом

Перун — в славянской мифологии: верховный бог-громовержец, покровитель князя и дружины.

О новый день, когда твой свет
Исчезнет за холмами,
Сколь многих взор наш не найдёт
Меж нашими рядами!..
И он блеснул!.. Чу!.. вестовой
Перун по холмам грянул;
Внимайте: в поле шум глухой!
Смотрите: стан воспрянул!
И кони ржут, грызя бразды;
И строй сомкнулся с строем;
И вождь летит перед ряды;
И пышет ратник боем.

Друзья, прощанью кубок сей!
И смело в бой кровавый
Под вихорь стрел, на ряд мечей,
За смертью иль за славой...
О вы, которых и вдали
Боготворим сердцами,
Вам, вам все блага на земли!
Щит промысла над вами!..
Всевышний царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
В завет: здесь верная любви,
Там сладкого свиданья!

Воины

Всевышний царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
В завет: здесь верная любви,
Там сладкого свиданья!

Сентябрь — октябрь 1812 г.

Историко-культурный комментарий

► ...наш бодрый вождь, / Герой под сединами — речь идёт о Михаиле Илларионовиче Голенищеве-Кутузове (1745—1813), знаменитом русском полководце, генерале-фельдмаршале, ученике и соратнике А. В. Суворова. Кутузов участвовал во многих военных кампаниях и проявил себя как талантливый военачальник.

17 (29) августа 1812 года он был назначен главнокомандующим русской армией, поскольку пользовался уважением и доверием не только среди офицеров и солдат, но и сре-

Портрет князя
М. И. Голенищева-Куту-
зова. Худ. Р. М. Волков.
1813

ди всего народа. Стал первым в истории России полным кавалером ордена Святого Георгия.

Лети ко прадедам, орёл, / Пророком славной мести — по верованиям многих древних народов, кружащий над войском орёл предвещал победу полководцу и его армии. Как писал в примечаниях к стихотворению сам В. А. Жуковский, «знамение сие не обмануло и нас на достопамятном Бородинском поле. Когда российский вожь устраивал полки свои, орёл пролетел над ним при радостных кликах воинов и был верным предтечею гибели врагов наших».

(Примечания В. А. Жуковского и Д. В. Дашкова ко второму изданию «Певца во стане русских воинов», май 1813 г.) ◀

Размышляем над прочитанным

1. Прочитайте полный текст стихотворения В. А. Жуковского. В чём отличие этого стихотворения от других известных вам произведений русских писателей и поэтов, посвящённых Бородинской битве?

2. Обратите внимание на особенность построения стихотворения: в нём на призывы Певца отвечают Воины. Как вы можете охарактеризовать образ Певца? Как вы думаете, в чём заключается смысл собирательного образа Воинов?

3. Каждый из куплетов Певец посвящает определённой теме. Назовите эти темы и прочитайте строки, в которых выражается отношение к ним Певца и Воинов.

4. Каким предстаёт в стихотворении Жуковского образ вождя? Назовите его имя и кратко расскажите о нём. В каких ещё произведениях русских писателей нарисован образ этого полководца? Что в них общего и чем они различаются?

5. Прочитайте заключительную строфу стихотворения, начинающуюся с картины рассвета. Кому она посвящена? Каким настроением проникнута?

6*. Найдите и прочитайте в стихотворении «Певец во стане русских воинов» пейзажные зарисовки. С какими событиями они связаны? Какие средства художественной выразительности используются в этих фрагментах?

7. Рассмотрите иллюстрацию в учебнике к стихотворению Жуковского — картину «Русская кавалерия атакует французскую пехоту. Бородино» Дениса Дайтона (1792—1827), современника этих событий. Какой момент этой битвы запечатлён на картине? Какие строки из стихотворения Жуковского подходят для описания этой картины и почему?

Круг чтения

► Жуковский В. А. Стихотворения.

В. А. Жуковский в воспоминаниях современников.

Немзер А. С. При свете Жуковского: очерки истории русской литературы.

Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского. ◀

► Для позднего творчества А. С. Пушкина характерно углублённое внимание к историческим и философским проблемам, осмысление политических событий прошлого и настоящего России, вдумчивое и взвешенное отношение к государственным и военным деятелям. Об этом свидетельствуют такие произведения, как роман «Капитанская дочка» (1836) и поэма «Медный всадник» (1833). К этому же периоду творчества относятся стихотворения «Бородинская годовщина» и «Полководец».

Стихотворение «Бородинская годовщина» впервые было напечатано в брошюре «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина». Поводом к его созданию послужили события, связанные с Польским восстанием 1830—1831 гг. (Польша до 1917 года входила в состав Российской империи.) Эти события вызвали большой резонанс среди ряда европейских политиков, которые призывали Европу вмешаться в этот внутренний конфликт. День взятия русскими войсками Варшавы 26 августа 1831 года совпал с годовщиной Бородинской битвы 1812 года, что послужило основой для исторических параллелей, которые проводит в стихотворении поэт. Пушкин напоминает о времени нашествия армии Наполеона и о той роли, которую сыграла Россия в её разгроме и освобождении европейских стран от захватчиков.

Стихотворение «Полководец» было напечатано в 1836 г. в третьем томе журнала «Современник» и сразу вызвало противоречивую реакцию, связанную с непривычной для того времени пушкинской трактовкой роли в Отечественной войне 1812 года генерала-фельдмаршала М. Б. Барклая-де-Толли. Как мы уже говорили, толчком к созданию стихотворения стало посещение во время пасхального праздничного приёма в Зимнем дворце картинной Военной галереи, где среди других работ представлен портрет М. Б. Барклая-де-Толли работы Дж. Доу. Подпись под стихотворением подтверждает это: «7 апреля 1835. Светлое воскресенье. СПб. Метель и мороз». Вместе с тем это стихотворение связывает с поздней лирикой Пушкина тема взаимоотношений выдающейся личности и толпы.

Показательно, что первоначальное название стихотворения «Барклай-де-Толли», сохранившееся на страницах черновика, было более конкретно и прямо указывало на его героя. Но в ходе работы над текстом Пушкин усилил некоторые акценты, связанные с осмыслением философских проблем, что отразилось в окончательном названии «Полководец», под которым это стихотворение появилось в печати. ◀

Прочитайте стихотворения А. С. Пушкина «Бородинская годовщина» и «Полководец» и подумайте, какие события в современной поэту жизни России побудили его обратиться к её историческому прошлому — Отечественной войне 1812 года.

Бородинская годовщина

(Фрагмент)

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда её вела!..
Но стали ж мы пятою твёрдой
И грудью приняли напор
Племён, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.
И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русской штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славянков кровь;
Но тяжко будет им похмелье;
Но долго будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под злагом северных полей! <...>»

1831

Вид Бородинского поля.
Худ. В. Эберле. 1843

Работаем со словом

Тризна — в христианской религии: церковный обряд похорон или поминовения усопшего.

Размышляем над прочитанным

1. Как в стихотворении «Бородинская годовщина» выражено отношение автора к истории и современности?

2. В стихотворении «Бородинская годовщина» поэт напоминает своим оппонентам о героизме русского народа во времена Наполеоновских войн. Найдите в тексте слова и выражения, которые создают образ народа-победителя.

3*. В строке «И равен был неравный спор» используется особый художественный приём. Назовите этот приём. Как вы понимаете эту строку?

4. Прочитайте заключительную часть стихотворения, построенную на основе сопоставления пира и боя. Какие образы здесь используются? Что они помогают выразить? О каком «тесном, хладном новоселье» говорит поэт?

Полководец

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистью свободной и широкой
Её разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,

Работаем со словом

Фави — бог полей и лесов, покровитель пастухов и охотников в древнеримской мифологии.

Вотще (устар.) — напрасно, тщетно.

Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жён,
Ни плясок, ни охот, — а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.

Из них уж многих нет; другие, коих лики
Ещё так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой...
Но в сей толпе суровой
Один меня влечёт всех больше. С думой новой
Всегда останавлиюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжёлой.
Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье, —
Но Доу дал ему такое выраженье.
О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принёс земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шёл один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый не взлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплён могущим убежденьем,
Ты был непоколебим пред общим заблужденьем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь! как ратник молодой,
Свинца весёлый свист заслышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, —
Вотще! —

.....
.....

О люди! жалкий род, достойный слёз и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведёт в восторг и в умиление!

1835

Историко-культурный комментарий

► **О вождь несчастливый!** — Михаил Богданович Барклай-де-Толли (1761—1819), князь, генерал-фельдмаршал, полный кавалер ордена Святого Георгия. Во время Отечественной войны 1812 года был назначен командующим 1-й Западной армией, но фактически стал во главе всей русской армии. Ещё в 1807 году М. В. Барклай-де-Толли представил Александру I два плана войны, если Наполеон вторгнется на территорию России: наступательный и оборонительный. Последний подразумевал отступление вглубь страны, чтобы постепенно истощить превосходящие силы противника.

С самого начала Отечественной войны 1812 года Барклай-де-Толли придерживался своего плана стратегического отступления. Это стало для многих основанием для подозрения непопулярного в армии военачальника в измене, особенно учитывая его происхождение (родители полководца имели немецко-шотландские корни). Это привело к тому, что на пост главнокомандующего был назначен любимый армией и народом М. И. Кутузов. Героизм и мужество, проявленные Барклаем-де-Толли во время Бородинской битвы, заставили многих его противников отдать ему дань уважения, однако по заслугам оценить вклад Барклая-де-Толли в спасение страны от захватчиков смогли лишь потомки. Не признанный современниками, он всегда превыше всего ставил интересы Отечества. «Русский по рождению и со своей судьбой неотделим от России», — так говорил Барклай-де-Толли, всей жизнью доказавший справедливость этих слов. ◀

Размышляем над прочитанным

1. Какому герою Отечественной войны посвящено стихотворение «Полководец»? Что вы знаете об этом военачальнике? Как вы думаете, почему спустя 20 лет после окончания войны Пушкин обратился в своём творчестве к этой исторической личности?

2. Стихотворение можно разделить на три тесно взаимосвязанные, но относительно самостоятельные части. Выделите эти части и назовите главную тему каждой из них. Как вы могли бы их озаглавить?

3. О какой особой «палате» в царских чертогах говорится в стихотворении? В чём её особенность? С каким настроением лирический герой описывает увиденное в ней?

4. Почему на портрет полководца лирический герой глядит с «грустью тяжёлой»? Как передаются в описании портрета черты личности полководца?

 5. Почему полководец назван «вождь несчастливый»? Какие факты его биографии вспоминает поэт и почему? Приведите примеры из текста.

6. Прочитайте заключительные строки стихотворения. Как вы думаете, почему после подробного описания картинной галереи и личности героя одного из портретов поэт приходит к выводу: «О люди! жалкий род, достойный слёз и смеха!»? Согласны ли вы с этой позицией? Аргументируйте свою точку зрения.

7*. После публикации стихотворения «Полководец» появился отклик на него Л. И. Голенищева-Кутузова — родственника прославленного военачальника М. И. Кутузова. Автор обвинил Пушкина в том, что поэт «позволил себе такой совершенно неприличный вымысел». В ответ Пушкин опубликовал «Объяснение» в журнале «Современник», фрагмент из которого представлен в рубрике «Из первых уст». Прочитайте его и выскажите своё суждение об этом споре.

Из первых уст

► Вы упрекаете стихотворца в несправедливости его жалоб; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оценены, награждены. Так, но кем и когда?.. Конечно, не народом и не в 1812 году. Минута, когда Барклай принуждён был уступить начальство над войсками, была радостна для России, но тем не менее тяжела для его stoического сердца. Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ ожесточённый и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску, ему подвластному, окружённый враждою, извистый злоречием, но убеждённый в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом.

Слава Кутузова не имеет нужды в похвале чьей бы то ни было, а мнение стихотворца не может ни возвысить, ни унижить того, кто низложил Наполеона и вознёс Россию на ту степень, на которой она явилась в 1813 году.

А. С. Пушкин. Объяснение ◀

Круг чтения

► Пушкин А. С. Воспоминания в Царском Селе, Клеветникам России, Бородинская годовщина (полностью), Перед гробницею святой...

Нечаев С. Ю. Барклай-де-Толли.

Глинка В. М., Помарнацкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. ◀

«Вы были дети и герои»

▶ Отечественная война — особая, она не только приносит людям страшное горе, страдания и смерть, но и выявляет в них самые лучшие черты, воодушевляя на подвиги во имя спасения Родины. Не случайно как в далёком 1812 году, так и в XX столетии во время Великой Отечественной войны многие совсем ещё молодые люди так стремились принять участие в боевых действиях, внести свой вклад в победу над врагом. Вы уже читали произведения В. О. Богомолова, Э. Н. Веркина, Б. Л. Васильева о том, как даже дети оказывались героями войны с немецко-фашистскими захватчиками. Но и на войне 1812 года было немало юных героев, которые закалялись в огне сражений и становились опытными бойцами, молодыми военачальниками. Многие из них погибли на поле битвы, но память о них не исчезнет. Читая произведения художественной литературы, приходя в картинные галереи и музеи, мы можем вновь увидеть эти юные вдохновенные лица, отдать им дань уважения и почёта.

Особенно интересны свидетельства тех, кто сам прошёл этот трудный путь взросления во время Отечественной войны 1812 года. Среди таких произведений — автобиографический очерк И. И. Лажечникова «Новобранец 1812 года» (1858). Для будущего писателя именно этот год стал переломным моментом в его жизни: вопреки воле родителей он тайно бежал из дома и поступил в ополчение, отказавшись от должности адъютанта при штабе, служил в полку, участвовал во многих сражениях и прошёл путь до Парижа, был награждён орденом Святой Анны. Военные впечатления легли в основу первого большого произведения Лажечникова, которое принесло ему известность, — «Походные записки русского офицера» (1820). Уже будучи знаменитым писателем, автором исторических романов «Ледяной дом», «Басурман» и других произведений, Лажечников вновь обратился к событиям далёкой юности: он написал цикл мемуаров, который открывался очерком «Новобранец 1812 года». Вспоминая о своей юности, писатель воссоздал дух того времени, портреты исторических лиц, выделяя среди них Барклая-де-Толли, которому вслед за Пушкиным отдал дань заслуженного уважения.

Спустя столетие к теме Отечественной войны 1812 года и её молодым героям обратилась М. И. Цветаева в стихотворении «Генералам двенадцатого года» (1913). Необычна история создания этого произведения. Оно написано в тревожной атмосфере накануне Первой мировой войны, но рассказывает не о современниках, а о героях прошлого. При этом стихотворение посвящено Сергею Эфрону, мужу Цветаевой, офицеру русской армии. В романтическом образе «молодых генералов» слились черты героев 1812 года и горячо любимого мужа, о котором Цветаева писала: «Он необычайно благороден и красив, прекрасен внешне и внутренне». В роду Сергея Эфрона со стороны матери, урождённой Дурново, были участники войны 1812 года, а портрет генерал-майора И. Н. Дурново находится в Военной галерее Эрмитажа. Здесь же и портрет героя стихотворения, человека с удивительной и трагической судьбой, погибшего на Бо-

родинском поле, Александра Алексеевича Тучкова — четвёртого из знаменитых братьев Тучковых, героев войны 1812 года. Дочь Цветаевой Ариадна Эфрон рассказала о том, насколько важен был это образ, вдохновивший поэта: «...На толкучке, в той, старой Москве, которую я ещё застала ребёнком... мама купила чудесную круглую высокую (баночку? коробочку?) из папье-маше с прелестным романтическим портретом Тучкова-четвёртого в мундире, в плаще на алой подкладке — красавец! И... перед красотой Тучкова не устояла, — вот и стихи! Коробочка эта сопровождала маме всю жизнь, стояла на её столе, с карандашами, ручками». Так в стихотворении Цветаевой удивительным образом сошлись события прошлого и настоящего, соединилось восприятие истории и личной жизни поэта. ◀

Вопросы и задания

1. Вспомните, какие произведения русских писателей о юных героях Великой Отечественной войны вы читали. Что роднит этих героев с молодыми героями войны 1812 года?
2. Как вы думаете, что побудило знаменитого автора исторических романов И. И. Лажечникова обратиться к воспоминаниям об Отечественной войне 1812 года?
3. Какие события личной жизни отразились в творческом восприятии М. И. Цветаевой героев прошлого — Отечественной войны 1812 года?

Иван Иванович Лажечников

Литературные имена России

► **Иван Иванович Лажечников** (1792—1869) — известный русский писатель, один из основоположников русского исторического романа, мемуарист, драматург. Первый опыт исторической прозы И. И. Лажечникова роман «Последний Новик» (1831—1833), посвящённый победам России в Северной войне, имел огромный успех. За ним последовали романы: «Ледяной дом» (1835), рассказывающий об эпохе императрицы Анны Иоанновны, и «Басурман» (1838), сюжет которого связан с временем правления Иоанна III. Эти и другие произведения писателя принесли ему заслуженную славу мастера исторической прозы. В конце жизни он обратился к жанру мемуаров, создал автобиографическую трилогию: очерк «Новобранец 1812 года» (1858), повесть «Беленькие, чёрненькие, серенькие» (1856) и роман «Немного лет назад» (1862). ◀

И. И. Лажечников.
Худ. А. В. Тыранов.
1834

Прочитайте фрагмент автобиографического очерка И. И. Лажечникова «Новобранец 1812 года» и стихотворение М. И. Цветаевой «Генералам двенадцатого года» и подумайте, в чём сходство мотивации авторов для обращения к событиям исторического прошлого России.

Новобранец 1812 года

(Фрагмент)

С рассветом были мы уже на дороге к Рязани. Близ почтовой станции (не помню названия деревни) расположили мы свой табор для полдневания. Раскинутые по лугу бесчисленные палатки, табун коней, оглашающих воздух ржанием своим, зажжённые костры, многолюдство, пестрота возрастов и одежд, немолчное движение — всё это представляло зрелище прекрасное, но могло ли это зрелище восхитить нас? Я пошёл с несколькими помещиками и купцами прогуляться по деревне. Когда мы подходили к станционному дому, возле него остановилась колясочка: она была откинута. В ней сидел — Барклай-де-Толли. Его сопровождал только один адъютант. При этом имени почти всё, что было в деревне, составило тесный и многочисленный круг и обступило экипаж. Смутный ропот пробежал по толпе... Немудрено... Отступление к Москве расположило ещё более умы против него; кроме государя и некоторых избранников, никто не понимал тогда великого полководца, который с начала войны до бородинской отчаянной схватки сберёг на плечах своих судьбу России, охваченную со всех сторон ещё неслыханною от века силою военного гения и столь же громадною вещественною силою. Но ропот тотчас замолк: его мигом сдержал величавый, спокойный, холодный взор полководца. Ни малейшая тень смущения или опасения не пробежала по лицу его. В этом взоре не было ни угрозы, ни гнева, ни укоризны, но в нём было то волшебное, не разгадываемое простыми смертными могущество, которым наделяет провидение своего избранника и которому невольно покоряются толпы, будучи сами не в состоянии дать отчёта, чему они покоряются. Мне случалось видеть, как этот холодный, спокойный, самоуверенный взгляд водил войска к победе, как он одушевлял их при отступлении (из-под Бауцена и окрестностей Парижа, когда мы в первый раз подходили к нему). Русский солдат, всегда недовольный ретирадами, не роптал тогда, потому что, смотря на своего предводителя, уверен был, что не побеждён, а отступает ради будущей победы.

День был ясный, коляска стояла под тенью липы, урвавшей на улице несколько густых сучьев из-за плетня деревенского сада. Барклай-де-Толли скинул фуражку, и засиял голый, как ладонь, череп, обессмертенный кистью Дова и пером Пушкина. При этом движении разнородная толпа обнажила свои головы. Вскоре лошади были готовы, и экипаж исчез в клубах пыли. Но долго ещё стояла толпа на прежнем месте, смущённая и огро́млённая видением великого человека.

Работаем со словом

Полднева́ние (*устар.*) — отдых после обеда или полдника.

Ретира́да (*устар.*) — отступление.

Дов — имеется в виду Дж. Доу.

► Из-под Бауцена — имеется в виду сражение при Бауцене, в 40 км от Дрездена, 20—21 мая 1813 года между армией Наполеона и объединённой русско-прусской армией под командованием русского генерала П. Х. Витгенштейна, которое закончилось отступлением союзников и заключением перемирия.

Граф Остерман-Толстой — генерал русской армии, герой войны 1812 года, командовал 4-м пехотным корпусом 1-й Западной армии Барклая-де-Толли, в Бородинском сражении участвовал в боях на батарее Раевского, был контужен, но через несколько дней вернулся в строй. ◀

Не знаю, куда ехал тогда Барклай-де-Толли, но знаю, что 25-го сентября он был в Калуге. Оттуда писал он, именно этого числа, к графу Остерману-Толстому (у которого впоследствии был я адъютантом) письмо, чрезвычайно замечательное по тогдашнему положению бывшего начальника армии. В нём изъяснял он грусть свою, что расстался с русским войском, и приятную уверенность, что в нём остаются полководцы, которые поддержат честь русского имени. <...>

В Рязани пробыли мы недолго. Здесь вскоре узнали, что французам не поздоровилось в Москве и что они, как журавли к осени, начали потягивать на тёплые места, и потому мы возвратились в Коломну.

Здесь я стал вновь проситься у родителей моих позволить мне идти в военную службу и получил опять тот же отказ. Тогда я дал себе клятву исполнить моё намерение во что бы ни стало, бежать из дому родительского и, как я не имел служебного свидетельства, идти хоть в солдаты. Намерению моему нашёл я скоро живое поощрение. В городе явился отставной (помнится, штаб-офицер) кавалерист Беклемишев, поседлый в боях, который, записав сына в гусары, собирался отправить его в армию. С этим молодым человеком ехал туда же гусарский юнкер Ардал., сын богатого армянина. Я открыл им своё намерение; старик благословил меня на святое дело, как он говорил, и обещался доставить в главную квартиру рекомендательное письмо, а молодые люди дали мне слово взять меня с собою. За душой не было у меня ни копейки: коломенский торговец-аферист купил у меня шубу, стоящую рублей 300, за 50 рублей, подозревая, что я продаю её тайно... С этим богатством и дедовскою меховою курткой, покрытой зелёным рытым бархатом, шёл я на службу боевую. Назначен был день отъезда. Все приготовления хранились в глубочайшей тайне. Роковой день наступал — сердце было у меня не на месте. В одиннадцатом часу вечера простился я с матерью, расточая ей самые нежные ласки; с трудом удерживал я слёзы, готовые упасть на её руку; я сказал ей, что хочу ранее лечь спать, потому что у меня очень разболелась голова. И она, будто по предчувствию, необыкновенно ласкала меня и два раза принималась меня благословлять. В своей спальне я усердно молился, прося Господа простить мой са-

мовольный поступок и облегчить горесть и страх моих родных, когда они узнают, что я их ослушался и бежал от них. Меньшему брату, который спал со мною в одной комнате, сказал я, что пойду прогуляться по саду и чтобы он не беспокоился, если я долго не приду. Помолвившись ещё раз, я вышел в сени. Условный колокольчик зазвенел за воротами; я видел, как ямщик на лихой тройке промчался мимо их, давая мне знать, что всё готово к отъезду. Ещё несколько шагов в кремль, где жил Беклемишев, — и я на свободе. Но в сенях встретил меня дядька мой Ларивон. «Худое, барин, затеяли вы, — сказал он мне с неудовольствием, — я знаю все ваши проделки. Оставайтесь-ка дома, да ложитесь спать, не то я сейчас доложу папеньке и вам будет нехорошо». Точно громовым ударомшибли меня эти слова. Я обидно стал упрекать дядьку, что он выдумывает на меня небылицу, заверяя его, что я только хочу пройтись по городу. Но Ларивон был неумолим. «Воля ваша, — продолжал он, — задние сени в сад у меня заперты на замок; я стану на карауле в нижних сенях, что на двор, и не пропущу вас, а если вздумаете бежать силой, так я тотчас подниму тревогу по всему дому. У ворот поставил я караульного, и он то же сделает, в случае удачи вашей вырваться от меня». Тут я переменял упрек на мольбу; я слёзно просил его выпустить меня и нежно целовал его. Но дядька был неумолим. Делать было нечего; надо было оставаться в заключении. Отчаяние мое было ужасно; можно сравнить это положение только с состоянием узника, который подпилит свои цепи и решётку у тюрьмы, готов был бежать, и вдруг пойман... Дядька мой преспокойно сошёл вниз. Проклиная его и судьбу свою, я зарыдал, как ребёнок. Вся эта сцена происходила в верхнем этаже очень высокого дома. Из дверей сеней виден был, сквозь пролом древнего кремля, огонь в квартире старого гусара, который собирался посвятить меня в рыцари. Я вышел на балкон, чтобы взглянуть последний раз на этот заветный огонёк и проститься навсегда с прекрасными мечтами, которые так долго тешили меня. Вдруг, с правой стороны балкона, на столетней ели, растущей подле него, зашевелилась птица. Какая-то неведомая сила толкнула меня в эту сторону. Вижу, довольно крепкий сук от ели будто предлагает мне руку спасения. Не рассуждая об опасности, перелезаю через перила балкона, бросаюсь вниз, цепляюсь проворно за сучок, висну на нём и упираюсь ногами в другой, более твёрдый сучок. Тут, как векша, сплзаю проворно с дерева, обдирая себе до крови руки и колена, становлюсь на земле и пробегаю минуты в три довольно обширный сад, бывший за домом, на углу двух переулков. От переулка, ближайшего к моей цели, был забор сажени в полторы вышины: никакая преграда меня не останавливает.

Перелезаю через него, как искусный вольтижёр. Если бы заставили меня это сделать в другое время, у меня не достало бы на это ни довольно искусства, ни довольно силы. Но таково могущество воли, что оно удесатеряет все способности душевные и телесные.

Работаем со словом

Вѣкша (обл.) — белка.

Сажень (устар.) — старинная русская мера длины, 1 сажень = 213,36 см, которая применялась до введения метрической системы.

Историко-культурный комментарий

► **Вольтижёр** — солдат отборных рот французской армии, формировавшихся из низкорослых людей, которые по этой причине не могли быть гренадёрами или карабинерами. Здесь: шутливое обозначение человека маленького роста. ◀

Перебежать переулок и площадь, разделявшую дом наш от кремля, и влететь в дом, где ожидали меня, было тоже делом нескольких минут. Я прибежал задыхаясь, готовый упасть на пол; на голове у меня ничего не было, волосы от поту липли к разгоревшимся щекам. Мои друзья уже давно ждали меня, сильно опасаясь, не случилось ли со мной какой невзгоды. Старый гусар благословил меня образом, перед которым только что отслужили напутственный молебен; на меня нахлобучили первый попавшийся на глаза картуз, мы сели в повозки и промчались, как вихрь, через город, берегом Коломенки и через Запрудье. Кормили лошадей за 40 вёрст, потом в Островцах. Несколько раз дорогою, казалось мне, нас догоняют; в ушах отзывался топот лошадиный, нас преследующий; в темноте за мной гнались какие-то видения. Сердце трепетало в груди, как голубь. В Москву въехали мы поздно вечером. Неприятель уже оставил город: у заставы на карауле были изюмские гусары; они грелись около зажжённых костров. Русские солдаты, русский стан были для нас отрадными явлениями. Мы благоговейно перекрестились, въезжая в заставу, и готовы были броситься целовать караульных, точно в заутреню светлого Христова Воскресения. И было чему радоваться, было с чем братьям поздравлять друг друга: Россия была спасена!

Историко-культурный комментарий

► **Изюмские гусары** — бойцы 11-го гусарского Изюмского кавалерийского полка под командованием генерала И. С. Дорохова; один из самых старых полков русской армии, героически сражавшийся во время Отечественной войны 1812 года.

Гусарский мёнтик — короткая накидка — плащ, вроде куртки с мехом, пуговицами в несколько рядов и шнурками, форменная одежда гусар. ◀

Москва представляла совершенное разрушение; почти все дома были обгорелые, без крыш; некоторые ещё дымились; одни трубы безобразно высились над ними; оторванные железные листы жалобно стонали; кое-где в подвалах мелькали огоньки. Мы проехали весь город до Калужской заставы, не встретив ни одного живого существа. Только видели два-три трупы французских солдат, валявшихся на берегу Яузы. «Великолепная гробница! — сказал я, обратившись к мо-

сковским развалинам. — В тебе похоронены величие и сила небывалого от века военного гения! Но из тебя восстанет новая могущественная жизнь, тебя оградит новая нравственная твердыня, чрез которую ни один враг не посмеет отныне перейти; да уверится он, что для русского нет невозможной жертвы, когда ему нужно спасти честь и независимость родины».

Мы остановились в селении Троицком (имении моего товарища Ардал.), помнится, верстах в трёх от Москвы. В доме нашли мы величайший беспорядок; казалось, неприятель только что его оставил.

Зеркала были разбиты, фортепиано разломано, уцелевшее платье, в том числе и мальтийский мундир покойного помещика, которое не годилось в дело, валялось на полу. В Троицком прожили несколько дней; здесь, казалось, укрывался я в совершенной безопасности от поисков. Мы ездили раз в Москву, посмотреть, что там делается. Народ с каждым днём прибывал в неё; строились против гостиного двора и на разных рынках балаганы и дощатые лавочки; торговля зашевелилась. Дымились на улицах кучи навоза, зажжённые для ограждения от заразы мёртвых тел.

Нам с товарищами надо было еще объехать деревни Ардал., которые находились в Московской губернии, в ближайших уездах, помнится, Звенигородском и Дмитровском, и собрать оброки, потому что молодой помещик, отправлявшийся в армию, был совершенно без денег. Казалось, время для такого сбора, по случаю военной невзгоды, тяжело налёгшей на эти края, было самое неблагоприятное. Напротив того, крестьяне этих уездов собрали богатую дань с неприятелей, взявших её с Москвы: почти у каждого мужичка были деньги, серебряные или золотые часы, богатые материи, сукна, головы сахару и пр. Крестьяне везде встречали молодого господина с хлебом и солью и немедленно вносили ему оброк, даже часть вперёд. Только в одной деревне они немного заупрямились, но мы, трое юношей (и на меня надели гусарский ментик, и меня опоясали саблею), на сходке загрели саблями, и буйные головы немедленно с повинною преклонились перед грозными воинами, у которых ещё ус не пробивался. Морозы уже наступали; раз, в дороге, желая согреться, я пошёл пешком и, отставши от товарищей, едва не замёрз в виду какой-то господской великоленной дачи, совершенно опустелой. Только что возвратились мы в Троицкое и собирались уже на другой день отправиться в главную квартиру армии (это было поздно вечером), как вбежал ко мне в комнату хозяин и объявил, что приехал мой отец. Не зная, что делать, я спрятался в людскую. Тут, подле меня, лежала на смертном одре какая-то старушка: я слышал предсмертный колоколец; первый раз в жизни видел я, как

Пожар Москвы.

Худ. А. Ф. Смирнов. 1813

человек умирает. Лихорадка трясла меня, но не от этого зрелища, а от страха, что отец узнал моё убежище и приехал исторгнуть меня из него, чтобы вновь теснее связать мою волю. Но вскоре я услышал его голос, нежный, выходящий из любящей души: «Пускай покажется Ваня, — говорил он, — пускай придёт; я его прощаю, я сам благословляю его на службу». Тут, не колеблясь ни минуты, бросился я в его объятия, целовал его руки, обливал их слезами. С груди моей свалился камень. Это была одна из счастливейших минут моей жизни.

На другой день отец повёз меня в Москву и представил беглеца московскому гражданскому губернатору Обр., который возвратился в столицу с должностными чинами. (Он стоял тогда в Леонтьевском переулке.) Губернатор в присутствии многих лиц сделал мне строгий выговор, что я огорчил родителей своим побегом, но приказал, однако ж, тотчас выдать мне служебное свидетельство и вручил мне рекомендательное письмо к главному начальнику московского ополчения. Вскоре приехал я в московское ополчение офицером и через несколько дней был переведён в московский гренадёрский полк. Счастье мне улыбнулось: начальник 2-й гренадёрской дивизии, принц мекленбургский Карл, взял меня к себе в адъютанты.

Вот как 12-й великий год завербовал меня в свои новобранцы.

Историко-культурный комментарий

► Принц мекленбургский Карл — генерал-майор, состоял на русской службе в 1802 — 1814 гг., участник Отечественной войны 1812 года, георгиевский кавалер. ◀

Размышляем над прочитанным

1. Как герою очерка удалось, несмотря на запрет родителей, осуществить свою мечту — пойти на военную службу? Кто ему помог? Какие препятствия ему пришлось для этого преодолеть?

2. Каким вы представляете себе героя очерка? Составьте его словесный портрет, используя слова и выражения из текста. Что в характере и поведении этого героя указывает на то, что он ещё очень молод? Какие черты его личности позволяют предположить, что он станет храбрым воином, защитником Отечества?

3. Прочитайте фрагмент, где описана Москва. В какой период Отечественной войны 1812 года попадает туда герой с его спутниками? Какой предстаёт перед ним Москва? Что его поражает?

4. Какие чувства переполняют героя очерка перед встречей с отцом? Как вы думаете, почему отец простил сына и благословил его на службу в армии?

5*. Прочитайте фрагмент, где описана встреча с М. Б. Барклаем-де-Толли. Сравните портрет полководца, нарисованный в очерке и в стихотво-

рении А. С. Пушкина «Полководец». Как вы думаете, почему в очерке автор отсылает читателя к этому произведению поэта? Аргументируйте свой ответ цитатами из произведений Пушкина и Лажечникова.

Марина Ивановна Цветаева

Литературные имена России

► **Марина Ивановна Цветаева** (1892—1941) — выдающийся русский поэт XX века, переводчик, автор многочисленных поэтических циклов, поэм, драматических произведений, а также эссе и мемуарной прозы. С 1922 по 1939 год жила с семьёй в эмиграции, после возвращения в СССР муж и дочь Цветаевой были репрессированы, её стихи не публиковали. В 1941 году покончила жизнь самоубийством. ◀

Прочитайте стихотворение М. И. Цветаевой «Генералам двенадцатого года». В чём своеобразие отношения поэта XX века к историческим событиям прошлого?

Генералам двенадцатого года

Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след, —
Очаровательные франты
Минувших лет!

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери. Вчера —
Малютки-мальчишки, сегодня —
Офицерá!

Вам все вершины были малы
И мягок — самый чёрствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

Ах, на гравюре полустёртой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвёртый,
Ваш нежный лик,

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна...

О, как, мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать — и гривы
Своих коней.

Работаем со словом

Бáчки — небольшие, не закрывающие щёку бакенбарды.

Бакенбáрды — часть бороды от висков по щекам при выбритом подбородке.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бáчки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало — трое!
Лишь мёртвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы всё могли.

Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?..
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острее —
И весело переходили
В небытие.

Историко-культурный комментарий

► Александр Алексеевич Тучков 4-й (1778—1812) — генерал-майор, герой Отечественной войны 1812 года, младший (четвёртый) из братьев Тучковых, служивших в то время в русской армии — отсюда его наименование Тучков-четвёртый.

На Бородинском поле увлёк за собой полк, бросившись вперёд со знаменем в руках и получив смертельное ранение. Тела обнаружить не удалось, поскольку вся местность у Семёновских флешей была буквально перепахана снарядами.

Портрет А. А. Тучкова.
Худ. Дж. Доу.
Около 1822—1825

Вдова Тучкова, Маргарита Михайловна, урождённая Нарышкина, славившаяся своей красотой, грацией, чудесным голосом, была безутешна: она стала настоятельницей Спасо-Преображенского монастыря, построенного ею на месте гибели мужа. Умерла в 1852 году, до конца сохранив верность памяти мужа и всех павших героев войны. ◀

Размышляем над прочитанным

1. Перечитайте первые пять строф стихотворения. Каким предстаёт в них собирательный образ молодых генералов? Чем он необычен по сравнению с традиционным изображением воинов?

2. Как вы понимаете строки: «Цари на каждом бранном поле и на балу»? Как поэт передаёт быстроту взросления бойца на войне? Какие художественные средства для этого используются?

3. Прочитайте фрагмент стихотворения, посвящённый Тучкову-четвёртому. Что вы знаете об этом герое Отечественной войны 1812 года? Какие особенности личности этого человека привлекли поэта?

4. Насколько точно в стихотворении передаются детали портрета А. А. Тучкова работы Дж. Доу? Где он сейчас находится? Как вы думаете, почему Цветаевой был так дорог именно этот портрет? Аргументируйте свой ответ.

5. Прочитайте заключительные три строфы стихотворения. Как они соотносятся с его началом? Почему образ «златокудрой Фортуны» соединяется с образом матери? Как вы понимаете строки: «И весело переходили в небытие»? Что необычного в этом художественном образе?

6*. В 1918—1920 годах М. И. Цветаева написала свой отклик на события революции и Гражданской войны — стихотворный цикл «Лебединый стан», своеобразным эпиграфом к которому стало стихотворение, посвящённое, как и «Генералам двенадцатого года», Сергею Эфрону. Прапорщик пехотного полка, он ушёл в январе 1918 года в Белую гвардию — Добровольческую армию генерала Л. Корнилова, а после её разгрома, как и многие русские офицеры, оказался за границей. Прочитайте это стихотворение и сравните его со стихотворением «Генералам двенадцатого года». Какие мотивы объединяют эти два произведения?

На кортике своём: Марина —
Ты начертал, встав за Отчизну.
Была я первой и единой
В твоей великопешной жизни.

Я помню ночь и лик пресветлый
В аду солдатского вагона.
Я волосы гоню по ветру,
Я в ларчике храню погоны.

18 января 1918 г.

► *Дурова Н. А.* Записки кавалерист-девицы.

Лажечников И. И. Новобранец 1812 года (полностью), Походные записки русского офицера, Ледяной дом, Последний Новик, Басурман, Колдун на Сухаревой башне, Знакомство моё с Пушкиным.

Саакянц А. А. Марина Цветаева. Страницы жизни и творчества. 1910—1922. ◀

ГОРОДА ЗЕМЛИ РУССКОЙ

«Люблю тебя, Петра творенье!...»

Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад — Онегина глава.
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.

С. Я. Маршак

Город Гоголя, Пушкина, Блока,
Город, помнящий поступь Петра,
Из болота шагнувший в барокко,
Ты достоин резца и пера.

М. С. Лисянский

Петербург при заходе солнца.
Худ. А. П. Боголюбов. 1850

► Россия явилась вдруг с двумя столицами — старою и новою, Москвою и Петербургом. <...>

О Петербурге привыкли думать как о городе, построенном даже не на болоте, а чуть ли не на воздухе. Многие не шутя уверяют, что этот город без исторической святыни, без преданий, без связи с родною страной, город, построенный на сваях и на расчёте. Все эти мнения немного уж устарели, и их пора бы оставить. <...> Петербург построен Петром Великим, как столица новой Российской империи, и Петербург — город неисторический, без предания!.. Это нелепость, не стоящая опровержения! Вся беда вышла из того, что Петербург слишком молод для самого себя и совершенное дитя в сравнении с старушкою-Москвою.

В. Г. Белинский. Петербург и Москва ◀

Санкт-Петербург — второй по значимости город нашей страны, основанный в 1703 году Петром I, был столицей Российской империи с 1712 до 1918 года, когда по решению правительства большевиков столица вновь была перенесена в Москву. С 1914 по 1924 год город назывался Петроградом, а потом был переименован в Ленинград — вплоть до 1991 года, когда ему было возвращено его историческое название — Санкт-Петербург. Санкт-Петербург был и остаётся одним из красивейших городов мира, крупнейшим центром мировой и российской культуры и науки. Это город великолепных архитектурных памятников, дворцов, музеев и театров, грандиозных храмов и соборов, живописных парков, каналов и мостов, расположенный на берегах реки Невы, за красоту его по праву часто именуют Северной Пальмирой. По решению ЮНЕСКО (учреждение Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры) более четырёх тысяч объектов города внесены в список Всемирного наследия: исторический центр с расположенными в нём архитектурными ансамблями, Дворцовой площадью и Невским проспектом, Адмиралтейством, Васильевским островом, Петроградской стороной, а также дворцово-парковые ансамбли пригородов — Петергофа, Павловска, Гатчины и др. Санкт-Петербург по праву называют культурной столицей России: здесь жили и творили знаменитые русские писатели, художники, композиторы, здесь расположены всемирно известные музеи, среди которых Эрмитаж и Государственный Русский музей, многочисленные театры, выставочные и концертные залы, ежегодно проходят фестивали культуры и искусства.

Работаем со словом

Северная Пальмира — образное название Санкт-Петербурга, которое распространилось с середины XVIII века. Название связано древним городом Пальмирой, находящимся на территории современной Сирии, и подчёркивает красоту и величие города.

Петербург, «слишком европейский город», часто сравнивают с Москвой — древней русской столицей. Задуманный и построенный великим реформатором Петром I, для того чтобы «в Европу прорубить окно», чётко и точно распланированный как бы единым росчерком пера, Петербург по своему облику действительно очень сильно отличается от Москвы. Город, более двух веков бывший столицей Российской империи, воплотивший в себе «державный вид» государства, воспринимался неоднозначно. Одним он представлялся как центр государственной власти с её чиновничье-бюрократическим аппаратом, противостоящим интересам простых людей; другим — как город-мираж, вознёсшийся «из тьмы лесов, из топи блат» вопреки воле русского народа, противоречащий самому духу русской истории и культуры, подобно наваждению, которому суждено рассеяться. Но, очевидно, правы те, кто, видя «два лика» этого поразительного, поистине европейского города, говорят о его внутреннем единстве с русской историей и одухотворившей его русской культурой, неотъемлемой частью которой он, безусловно, является.

В истории русской литературы Петербург занимает особое место: дело не только в том, что с этим городом так или иначе связаны жизнь и творчество почти всех русских классиков XIX и XX веков, но и в особом типе взаимосвязи их произведений с Северной столицей России. Современные учёные говорят о Петербургском тексте русской литературы.

Из первых уст

► Но уникален в русской истории Петербург и тем, что ему в соответствии поставлен особый «Петербургский» текст, точнее, некий синтетический свертхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели. <...>

Наиболее значительные именно в свете Петербургского текста имена — Пушкин и Гоголь как основатели традиции; Достоевский как её гениальный оформитель, сведший воедино в своём варианте Петербургского текста своё и чужое, и первый сознательный строитель Петербургского текста как такового; Андрей Белый и Блок как ведущие фигуры того ренессанса петербургской темы, когда она стала уже осознаваться русским интеллигентным обществом; Ахматова и Мандельштам как свидетели конца и носители памяти о Петербурге, завершители Петербургского текста. <...>

При обзоре авторов, чей вклад в создание Петербургского текста наиболее весом, бросаются в глаза две особенности: исключительная роль писателей — уроженцев Москвы (Пушкин, Лермонтов, Достоевский... и др.) и — шире — не-петербуржцев по рождению (Гоголь, Гончаров... и др.), во-первых, и отсутствие в первом ряду писателей-петербуржцев вплоть до заключительного этапа (Блок, Мандельштам, Вагинов), во-вторых. Таким образом, Петербургский текст менее всего был голосом петербургских писателей о своём городе. Устами Петербургского текста говорила Россия, и прежде всего Москва. <...>

В. Н. Топоров ◀

► **Владимир Николаевич Топоров** (1928—2005) — советский и российский лингвист и филолог, академик РАН, член Европейской академии, Семиотического общества США, один из основателей московско-тартуской семиотической школы. Основные направления научных исследований связаны со сравнительно-историческим языкознанием, проблемами поэтики и структуры текста, мифологии и культурологии. В работе «Петербург и „Петербургский текст русской литературы“» ввёл и обосновал понятие **Петербургский текст**. Награждён орденом «Знак Почёта» и рядом зарубежных наград за большой вклад в развитие науки. ◀

Складываясь на протяжении всего XIX и до начала XX века — от Пушкина, золотого века русской литературы, до Блока, Мандельштама, Ахматовой, поэтов Серебряного века, Петербургский текст постепенно приобретал черты, благодаря которым в русское культурное сознание вошли не только хорошо узнаваемые описания, детали, сюжеты и герои, создающие своеобразный портрет города, но и некий общий смысл, значимый для самосознания русского общества.

Из первых уст

► Первое, что бросается в глаза при анализе конкретных текстов, образующих Петербургский текст... — удивительная *близость* друг другу разных описаний Петербурга как у одного и того же, так и у различных (но — и это особенно важно — далеко не у всех) авторов, — вплоть до совпадений, которые в другом случае (но никак не в этом) могли бы быть заподозрены в плагиате, а в данном, напротив, подчёркиваются, их источники не только не скрываются, но становятся именно тем элементом, который прежде всего и включается в игру. <...> Единство Петербургского текста определяется не столько единым объектом описания, сколько *монолитностью* (единство и цельность) максимальной смысловой установки (идеи)...

В. Н. Топоров ◀

При всём единстве Петербургского текста для каждого писателя и поэта, безусловно, характерен свой взгляд на этот удивительный город. В их произведениях появляются те неповторимые черты, приметы, детали Петербурга, которые им особенно дороги, наполнены личными воспоминаниями, вызывают определённые ассоциации и размышления. Вы убедитесь в этом, прочитав некоторые из тех произведений, которые с полным основанием можно включить в Петербургский текст русской литературы.

Вопросы и задания

1. Почему Петербург называют культурной столицей России? Какие культурно-исторические места Петербурга вы знаете?

2. Как вы понимаете слова критика В. Г. Белинского: «Петербург слишком молод для самого себя и совершенное дитя в сравнении с старушкою-Москвою»? Согласны ли вы с его мнением о Москве и Петербурге, приведённым в рубрике «Из первых уст»?

3. Что такое Петербургский текст в русской литературе? Какой учёный ввёл это понятие?

4. С творчеством каких русских писателей и поэтов связаны строки из стихотворений С. Я. Маршака и М. С. Лисянского, приведённые в качестве эпиграфа к этому разделу учебника? Знакомы ли вам произведения этих и других авторов о Петербурге?

Прочитайте стихотворения А. С. Пушкина, О. Э. Мандельштама, А. А. Ахматовой и Д. С. Самойлова, посвящённые Петербургу. Подумайте, какая мысль объединяет эти произведения и что в них выражает особое отношение каждого из поэтов к Петербургу.

Александр Сергеевич Пушкин

Историко-культурный комментарий

► В разные периоды жизнь и творчество А. С. Пушкина были связаны с Петербургом. Впервые он попал в Северную столицу в 1811 году, перед поступлением в Царскосельский лицей, а после его окончания провёл здесь почти три года, с 1817 до 1820 год, перед южной ссылкой.

После возвращения из ссылки в Михайловское поэт прожил в Петербурге год — с октября 1827 по 1828 год, потом часто бывал наездами, а после женитьбы поселился здесь окончательно. Последним его петербургским адресом стал дом № 12 на набережной реки Мойки, где он прожил с семьёй всего четыре месяца — до трагической дуэли. Сейчас в этом доме находится музей-квартира поэта с мемориальной доской, установленной на фасаде: «В этом доме 29 января 1837 года скончался Александр Сергеевич Пушкин».

Петербург занимает особое место в творчестве Пушкина: это город, красота и величие которого воспеты во многих произведениях поэта, главным из которых стала поэма «Медный всадник» (1833), заложившая основы Петербургского текста русской литературы. Это и признание в любви к великому «граду Петрову», восхищение его «стройным, строгим» видом, и в то же время понимание двойственной природы «державного» города, который холоден и безразличен по отношению к бедным людям, живущим в нём.

Пушкин в Петербурге.
Худ. Б. В. Щербаков.
1949

Эта двойственность Петербурга отмечена Пушкиным и в написанном несколькими годами ранее стихотворении «Город пышный, город бедный...» (1828). Как считают исследователи, оно входит в стихотворный цикл, связанный с именем Анны Алексеевны Олениной, к которой поэт испытывал глубокие чувства и на которой даже собирался жениться, но получил отказ. История взаимоотношений поэта и девятнадцатилетней дочери давних друзей Пушкина, семьи президента Академии художеств А. Н. Оленина, отражена в стихотворениях «Её глаза», «Ты и вы», «Не пой, красавица, при мне...», «Предчувствие», «Город пышный, город бедный...» и других стихотворениях этого цикла, завершающегося поэтическим прощанием с возлюбленной — «Я вас любил...» (1829). ◀

Портрет А. А. Олениной.
Худ. О. А. Кипренский.
1828

Вид на Казанский собор со стороны Невского проспекта. Худ. Б. Патерсен. 1800-е

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелёно-бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьётся локон золотой.

Размышляем над прочитанным

1. На какие две смысловые части можно разделить стихотворение? Какой теме посвящена каждая из них?

2. С кем из современниц А. С. Пушкина связывают создание этого стихотворения? Как в нём отразилась история взаимоотношений поэта и его возлюбленной?

3. Как меняется настроение лирического героя в стихотворении? Назовите художественные средства, которые помогают передать эти изменения.

4*. Какую роль играет приём контраста в создании образа Петербурга? Что этот приём помогает выразить? В каких ещё произведениях А. С. Пушкина, связанных с Петербургом, также использовался приём контраста?

Осип Эмильевич Мандельштам

Литературные имена России

► Осип Эмильевич Мандельштам (1891—1938) — один из крупнейших русских поэтов XX века, прозаик, переводчик, эссеист. Эпоха страшных исторических катаклизмов отразилась в трагической судьбе поэта. Начав своё творчество как один из самых ярких представителей Серебряного века и поэзии акмеизма — литературного течения 1910-х годов, в которое входили такие выдающиеся мастера, как А. А. Ахматова и Н. С. Гумилёв, О. Э. Мандельштам в период расцвета своего поэтического дара надолго стал изгоем для официальной советской литературы. Его поэтические сборники — «Камень» (1913), «Tristia» (1922), «Вторая книга» (1923), «Стихотворения» (1928), опубликованные до начала 1930-х годов, а также написанные позже «Воронежские тетради» (1935—1937), эссе и автобиографическая проза стали доступны широкому читателю спустя много лет после их создания. С конца 1920-х годов поэт подвергался резкой критике, его произведения не печатались, по доносу за антисталинские стихи его неоднократно арестовывали и ссылали. В 1938 году по приговору суда О. Э. Мандельштам был отправлен во Владивостокский исправительно-трудовой лагерь и умер по дороге от сыпного тифа. Он был погребён в братской могиле (место захоронения осталось неизвестным). Полностью реабилитировали Мандельштама только в 1987 году, поэтому наследие поэта по-настоящему было заново открыто в 1990-х годах и с тех пор стало одной из самых ярких страниц в истории русской литературы XX столетия.

Петербург, в котором прошло детство и юность О. Э. Мандельштама, стал его подлинной поэтической родиной. Здесь были опубликованы его первые поэтические сборники, здесь он нашёл друзей и творческих единомышленников, здесь к нему пришло признание и заслуженный успех. Куда бы потом ни забрасывала его судьба, поэт всегда стремился вернуться в родной и горячо любимый им город, воспетый во многих его произведениях. ◀

- ▶ Я вернулся в мой город, знакомый до слёз,
До прожилок, до детских припухлых желёз.

О. Э. Мандельштам. Ленинград

Скажу и теперь, не обинуясь, что, семи или восьми лет, весь массив Петербурга, гранитные и торцовые кварталы, всё это нежное сердце города, с разливом площадей, с кудрявыми садами, островами памятников, кариатидами Эрмитажа, таинственной Миллионной, где не было никогда прохожих и среди мраморов затесалась всего одна мелочная лавочка, особенно же арку Генерального штаба, Сенатскую площадь и голландский Петербург я считал чем-то священным и праздничным.

О. Э. Мандельштам. Шум времени ◀

- 📖 Прочитайте стихотворение О. Э. Мандельштама «Петербургские строфы» и подумайте, что особенно дорого поэту в любимом городе и в чём его восприятие близко пушкинскому.

Петербургские строфы

Н. Гумилёву

Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.

Зимуют пароходы. На припёке
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна, — как броненосец в доке,
Россия отдыхает тяжело.

А над Невой — посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства жёсткая порфира,
Как власняница грубая, бедна.

Тяжка обуза северного сноба —
Онегина старинная тоска;
На площади Сената — вал сугроба,
Дымок костра и холодок штыка...

Работаем со словом

Порфи́ра — длинная пурпурная мантия, надеваемая монархами в торжественных случаях.

Влася́ница — грубая волосая одежда, которую носили на голом теле отшельники, монахи в знак смирения.

Работаем со словом

Ялик — небольшая шлюпка с одной или двумя парами вёсел.

Пенька — прядильное волокно из стеблей конопли. Волокна конопли отличаются особой прочностью и стойкостью к солёной воде, поэтому канаты и верёвки из пеньки используют в морском деле.

Черпали воду ялики, и чайки
Морские посещали склад пеньки,
Где, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродят мужики.

Летит в туман моторов вереница.
Самолюбивый, скромный пешеход —
Чудак Евгений — бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянёт!

1913

Историко-культурный комментарий

► **Адмиралтейство** — памятник архитектуры, расположенный на набережной Невы в центральной исторической части Санкт-Петербурга. Это комплекс зданий первой петербургской верфи, которая была построена изначально по чертежу Петра I в 1704—1706 годах и впоследствии неоднократно перестраивалась. В 1719 году над воротами был установлен металлический шпиль и флюгер в форме корабля. Современный вид Адмиралтейство приобрело после перестройки в 1806—1823 годах всего архитектурного комплекса, от которого сохранилась лишь центральная башня с позолоченным шпилем высотой 72 метра («Адмиралтейская игла»), увенчанная кораблем-флюгером, символом Санкт-Петербурга. Новый вид грандиозного сооружения, к которому лучами сходятся три главные магистрали города — Гороховая улица, Невский и Вознесенский проспекты («Адмиралтейский трезубец»), воплотил идею могущества России и её флота. С 1844 года Адмиралтейство окончательно утратило функции верфи — с этого времени здесь располагались различные учреждения, связанные с государственным флотом, а с 2012 года — Главный штаб ВМФ России. ◀

► **Площадь Сената (Сенатская площадь)** — одна из старейших площадей в центральной исторической части Санкт-Петербурга. Своё название получила в 1763 году, когда в здании со стороны Английской набережной (бывший дворец сподвижника Петра I князя А. Д. Меншикова, а потом канцлера А. П. Бестужева-Рюмина) стал размещаться Сенат — высший государственный орган Российской империи. С постройкой нового здания Адмиралтейства в 1823 году окончательно сформировалась восточная часть площади. После открытия в 1782 году памятника Петру I (Медный всадник) площадь переименовали в Петровскую, но все жители города по-прежнему называли её Сенатской. Именно сюда 14 декабря 1825 года вышли восставшие полки, и в 1925 году в честь столетия восстания её переименовали в площадь Декабристов. Своё историческое название Сенатская площадь вновь получила в 2008 году. ◀

Размышляем над прочитанным

1. Какие исторические места Петербурга привлекают особое внимание поэта? Как вы думаете, с чем это связано? Что вы знаете об этих исторических местах? В ответе используйте материалы рубрики «Историко-культурный комментарий».

2. Как в стихотворении представлен Петербург разных эпох? Какие детали помогают увидеть исторический и современный поэту облик города? Найдите и выпишите эти детали.

3. В стихотворении упомянуты имена героев произведений А. С. Пушкина. Назовите эти произведения. Подумайте, почему поэт XX века, изображая в стихотворении современный ему Петербург, обращается к творчеству поэта XIX века. Аргументируйте свой ответ, опираясь на материалы вступительной статьи и рубрики «Из первых уст».

4*. Стихотворение «Петербургские строфы» написано в 1913 году — накануне страшных исторических потрясений: Первой мировой войны, революции и Гражданской войны в России. Как предощущение этих событий отражается в этом стихотворении? Какие художественные средства помогают поэту передать предгрозовую атмосферу?

Анна Андреевна Ахматова

Литературные имена России

► Анна Андреевна Ахматова (1889—1966) (урождённая Горенко) — выдающийся русский поэт XX века, переводчик, автор мемуаров, исследований о А. С. Пушкине. Начало творчества связано с эпохой Серебряного века русской культуры и акмеизмом (первый муж Ахматовой, поэт Н. С. Гумилёв, — один из основоположников этого литературного течения).

Уже первые поэтические сборники — «Вечер» (1912) и «Чётки» (1914) — принесли А. А. Ахматовой огромный успех. Её до-революционное творчество объединяет главная тема — любовь, которая даёт поэту возможность почувствовать и выразить всё многообразие жизни. Благодаря яркому, самобытному таланту Ахматовой женщина в русской поэзии впервые обрела свой голос. Но в эпоху мировых катаклизмов в её творчестве всё сильнее начинают звучать гражданские мотивы.

После революции Ахматова отказалась покидать Россию, хотя здесь на её долю выпало много тяжёлых испытаний: расстрел в 1921 году Н. С. Гумилёва и неоднократные аресты их сына, тяготы военного времени, невозможность свободно печатать свои произведения — только с середины 1950-х годов стали появляться её новые книги. Трудные годы в истории страны поэтически осмыслены в итоговом сборнике «Бег времени» (1965), поэмах «Реквием» и «Поэма без героя», ставших выдающимися явлениями русской литературы XX века. В эти же годы А. А. Ахматова получает международное признание, отмеченное вручением премий и присвоением звания почётного доктора Оксфордского университета.

А. А. Ахматову по праву называют истинной петербурженкой: с этим городом связаны самые счастливые и наиболее тяжёлые годы её жизни, но главное — особый петербургский дух пропитывает всё её творчество. В произведениях поэта не только присутствуют узнаваемые и особо дорогие автору картины любимого города, но и чувствуется её сопричастность высокой русской культуре, воплощённой в петербургском культурно-историческом пространстве. ◀

Из первых уст

- Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

А. А. Ахматова

В час предгрозовой тишины явился поэт, который ласково заглянул в лик обречённого на гибель города и с нежностью описал его, сделав участником своей жизни. Этот поэт — Анна Ахматова.

У Анны Ахматовой Петербург, как и у Блока, выступает в глубине поэтического образа, чаще всего как проникновенный свидетель поэм любви. Петербург — как фон, на котором скользят тени любящих, сообщающий строгость всей картине своим спокойным ритмом.

Н. П. Анциферов ◀

Прочитайте стихотворение А. А. Ахматовой «Стихи о Петербурге». Подумайте, как образ города связан с личными переживаниями поэта.

Стихи о Петербурге

Вид памятника Петру I на Сенатской площади в Петербурге.
Худ. В. И. Суриков. 1870

— 1 —

Вновь Исакий в облаченьи
Из литого серебра,
Стынет в грозном нетерпеньи
Конь Великого Петра.

Ветер душный и суровый
С чёрных труб сметает гарь...
Ах! своей столицей новой
Недоволен государь.

► **Исакий** — здесь: Исаакиевский собор (собор преподобного Исаакия Далматского) — памятник отечественной архитектуры, крупнейший православный храм в Санкт-Петербурге, с 1928 года здесь также действует историко-художественный музей, включающий экспозицию, посвящённую истории строительства собора. Современное здание собора является четвёртым — оно построено в 1818—1858 годах по проекту архитектора О. Монферрана на месте прежнего. Монументальный собор стал не только главным православным храмом, но и уникальным архитектурным сооружением, при воздвижении которого использовались новейшие для того времени технологии. В оформлении собора, включающем более 150 произведений русской монументальной живописи, принимали участие известные мастера середины XIX века, среди которых К. П. Брюллов и Ф. А. Бруни. Неповторимый вид внутреннему убранству собора придают не только многочисленные произведения скульптуры и живописи, но и выполненная русскими мастерами мозаика и крупнейший в России витраж, а также сочетание в отделке цветного камня и позолоты. ◀

— 2 —

Сердце бьётся ровно, мерно.
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.

Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной —
И в руке твоей навеки
Неоткрытый веер мой.

Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним Садам
Месяц розовый воскres, —

Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий.
Вся любовь утолена.

Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера, —
Над Невою темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.

1913

► **Галёрная** — улица в историческом центре Санкт-Петербурга (Адмиралтейский район), которая проходит от Сенатской площади до Ново-Адмиралтейского канала (в XVIII веке назывался Галерным).

Летний сад — памятник садово-паркового искусства в историческом центре Санкт-Петербурга. Изначально создавался как царская резиденция по указу Петра I в 1704 году, лишь в середине XVIII века он стал функционировать как общедоступный парк. В течение всего XVIII и в начале XIX века сад неоднократно преобразовывался, он стал включать не только зелёный массив и Летний дворец императора, но и целый ряд архитектурных сооружений, скульптур, фонтанов, беседок и прудов. Особую роль в создании современного вида Летнего сада сыграли архитекторы Ф. Б. Растрелли и К. И. Росси, а также итальянские мастера XVIII века, чьи скульптурные композиции в разное время приобретались или выполнялись по заказу, — на его территории находятся мраморные скульптуры исторического, аллегорического и мифологического содержания. В настоящее время в Летнем саду выставлены копии этих скульптур, а подлинники находятся в музее Инженерного замка неподалёку. В 1855 году Летний сад дополнила ещё одна статуя — памятник И. А. Крылову (скульптор П. К. Клодт). Летний сад является подлинным украшением города, музеем под открытым небом и любимым местом прогулок жителей и гостей Санкт-Петербурга. ◀

Размышляем над прочитанным

1. Стихотворение А. А. Ахматовой делится на две части. Какой теме посвящена каждая из этих частей? В чём выражается их взаимосвязь?

2. Каким предстаёт Петербург в первой части стихотворения? В каком контексте здесь представлен образ «государя»? Как вы думаете, с творчеством какого поэта XIX века связан этот поэтический образ?

3. Как меняется настроение лирической героини во второй части стихотворения? С каким чувством она рассказывает о своей любовной драме?

4. Как в первой, так и во второй части стихотворения отмечено несколько исторических мест Петербурга. Назовите их и расскажите, что вы знаете о них. Используйте в ответе материалы рубрики «Историко-культурный комментарий».

5*. В стихотворении А. А. Ахматовой любовные переживания переплетены с изображением городского пейзажа. Какими художественными средствами достигается это единство?

Литературные имена России

► Давид Самойлов (1920—1990) (настоящее имя — Давид Самуилович Кауфман) — русский советский поэт и переводчик.

Во время учёбы в МИФЛИ (Московский институт философии, литературы, истории) Давид Самойлов познакомился со многими известными поэтами и участвовал в студенческом творческом семинаре, в общей подборке работ которого в 1941 году было опубликовано его первое стихотворение «Охота на мамонта». Учёбу прервала война: добровольцем Давид Самойлов ушёл на фронт, был тяжело ранен, но вернулся в строй, участвовал в боях за Берлин. Награждён орденом Красной Звезды и несколькими медалями.

После войны Давид Самойлов начал публиковаться как переводчик с чешского, венгерского, литовского, польского и других языков, в том числе переводил стихи для детей. Первая книга стихов Самойлова «Ближние страны» вышла в 1958 году небольшим тиражом, но вызвала несомненный интерес в кругу любителей поэзии и профессионалов. Когда тяжёлый военный опыт был осмыслен и пережит, тема войны стала центральной в его творчестве. Этой теме посвящены многие произведения поэта, но знаковым стало стихотворение «Сороковые», впервые опубликованное в сборнике «Второй перевал» (1963). Поэтические сборники «Дни» (1970) и «Равноденствие» (1972) объединили лучшие стихи поэта, а книга «Слонёнок пошёл учиться» (1961), выдержавшая несколько изданий, обращена к детям. Новые грани таланта Давида Самойлова раскрылись в его драматургии и стихах, посвящённых театральным деятелям, с которыми он тесно общался, участвуя в постановках Театра на Таганке и «Современника». Многие стихи поэта, звучавшие в спектаклях, положены на музыку и стали популярными песнями. Итоговой стала книга воспоминаний «Памятные записки» (1995), опубликованная после смерти поэта: она основана на дневниках, которые писатель вёл с 1962 года.

При всей разносторонности таланта Давида Самойлова в его творчестве особо выделяется пушкинская тема: дело не только в многочисленных реминисценциях, цитатах и отсылках к произведениям великого предшественника, но и во внутренней близости, в сходстве мироощущения поэтов, разделённых большой временной дистанцией, но объединённых русской культурной традицией. Та же внутренняя связь прослеживается в лирике Давида Самойлова и с творчеством поэтов Серебряного века. Эта особенность его поэзии в полной мере проявилась в его стихах, посвящённых петербургской теме. ◀

- Пусть нас увидят без возни,
Без козней, розни и надсады.
Тогда и скажется: «Они
Из поздней пушкинской плеяды».

Д. Самойлов

От Пушкина Самойлов унаследовал искрящуюся лёгкость стиха. И двигался он по жизни так же легко, импровизационно, но за застойной беспечностью Самойлова скрывалась постоянная работа острого, порой безжалостного ума, что особенно ощущается в его дневниках. И почти невесомое перо перепархивало от лубочного скоморошества к пушкинско-шекспировской трагедийности.

Е. А. Евтушенко

Разговор о поэзии Самойлова так или иначе выводит к имени Пушкина... Пушкинские ассоциации часты... Полуцитата, обрывок интонации, намёк — они определяют тон, но сами тотчас же растворяются, поглощённые движением стиха.

И. О. Шайтанов ◀

- 📖 Прочитайте стихотворение Давида Самойлова «Над Невой». Подумайте, в чём заключается особенность изображения Петербурга поэтом.

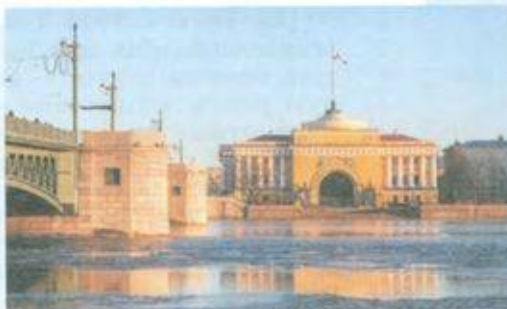
Над Невой

Весь город в плавных разворотах,
И лишь подчёркивает даль
В проспектах, арках и воротах
Классическая вертикаль.

И все дворцы, ограды, здания,
И эти львы, и этот конь
Видны, как бы для любованья
Поставленные на ладонь.

И плавно прилегают воды
К седым гранитам городским —
Большие замыслы природы
К великим замыслам людским.

1963

Размышляем над прочитанным

1. Каким изображает город на Неве поэт? Какие чувства Петербург вызывает у лирического героя стихотворения?

2. Рисуя типичный городской пейзаж Петербурга, поэт употребляет выражение «классическая вертикаль». Как вы думаете, какие архитектурные особенности Петербурга характеризует этот художественный образ?

3. Какие художественные средства использует автор, создавая свой портрет Петербурга? Приведите примеры из текста.

4. Прокомментируйте заключительные строки стихотворения. Как вы думаете, в чём смысл сопоставления «замыслов природы» и «замыслов людских»?

5*. В стихотворении Давида Самойлова, посвящённом Петербургу, можно выделить прямые отсылки и скрытую ассоциативную связь с традициями русской поэзии в изображении этого города. С произведениями каких русских поэтов можно провести такое сопоставление? Назовите эти произведения и приведите примеры из текста.

Лев Васильевич Успенский

Литературные имена России

► **Лев Васильевич Успенский (1900—1978)** — русский советский писатель, лингвист и филолог, публицист, переводчик, член Союза писателей СССР. Ровесник XX века, Л. В. Успенский стал свидетелем и участником важнейших исторических событий эпохи: Февральской и Октябрьской революций, Гражданской и Великой Отечественной войн, был военным корреспондентом на Ленинградском фронте, награждён орденом Красного Знамени.

Поступив в 1925 году на Высшие курсы искусствоведения при Государственном институте истории искусств, он в том же году опубликовал первую научную работу «О русском языке эпохи революции». К этому же времени относятся его первые художественные произведения: фантастический роман «Запах лимона», написанный в соавторстве с Л. А. Рубиновым, книга детских рассказов «Кот в самолёте» и др. Одновременно продолжается научная деятельность Л. В. Успенского в Государственном институте речевой культуры, где его учителями и коллегами были выдающиеся учёные-лингвисты академики В. В. Виноградов и Л. В. Щерба. Тогда же Л. В. Успенский становится одним из организаторов музея «Дом занимательной науки» и заведует научно-познавательным отделом журнала «Костёр».

Интересы в области науки и занятия литературным творчеством определили главное направление деятельности Л. В. Успенского, который по праву считается одним из ярчайших просветителей XX века. После войны он был членом редколлегии популярного научно-художественного альманаха «Хочу всё знать», председателем секции научно-художественной и научно-фантастической литературы Ле-

нинградского отделения Союза писателей СССР. Но особое признание он заслужил как автор научно-популярных книг о языке, адресованных прежде всего юному читателю: «Слово о словах», «Ты и твоё имя», «Имя дома твоего», «Загадки топонимики» и многих других.

В последние годы жизни Л. В. Успенский обратился к жанру мемуаров, написав автобиографическую книгу «Записки старого петербуржца» (1970), ставшую подлинным признанием в любви к родному городу. ◀

Из первых уст

▶ Сколько написано, наговорено, напето про Петербург серо-дымного, мясно-красного, туманно-фантастического, трагедийно-жуткого... Как только не называли его: и каменным Вавилоном, и столицей гнилых лихорадок, и туберкулёзной резиденцией русско-вельможной скуки... Его рисовали чиновным, чванным, надутым городом превосходительных сухарей, больницей, мертвецкой... И видели его таким. А мне всю жизнь было свойственно преимущественно иное — пушкинское, светлое, торжественное, жизнерадостное и озарённое — восприятие его. Не знаю, как вам, мне мой город — Петербург ли, Ленинград ли — всегда был зрим с этой его стороны — одновременно величавый и родной, строгий и ласковый, до боли прекрасный.

Л. В. Успенский ◀

📖 Прочитайте главу из книги Л. В. Успенского «Записки старого петербуржца». Подумайте, как в ней выражено отношение писателя к родному городу. Можно ли его охарактеризовать словами автора из этой же книги, приведёнными в рубрике «Из первых уст»?

Записки старого петербуржца

Глава «Фонарики-сударики» в сокращении

В детские годы мои мне часто приходилось в ранних зимних сумерках возвращаться домой. Сначала — с сопровождающими, из детского сада или из сада обыкновенного; потом — самостоятельно, из первых классов школы.

Откуда бы я ни шёл, я шёл сначала по Нижегородской, мимо низких жёлтых строений академического городка, мимо ворот, с конскими головами на ключевых камнях арок, мимо пятиэтажного дома Крестина, где на весь первый этаж разлеглась очень занимавшая меня своей бесконечной длиной вывеска:

Типо-лито-цинко-графия

Потом я сворачивал на свою Нюстадтскую.

Историко-культурный комментарий

► Нижегородская, Нюстадтская улицы — старые названия улиц в Выборгском районе Санкт-Петербурга. Современные названия: Нижегородская — улица академика Лебедева; Нюстадская — Лесной проспект. ◀

Должно быть, довольно часто дело поворачивалось так, что на некрутом углу двух этих улиц я оказывался как раз в момент зажигания вечерних фонарей.

Сначала — и я об этом помню уже совсем смутно — тут, на окраинной Нюстадтской, редко, на больших расстояниях друг от друга, стояли прямые, некрасивые, по-моему, даже ещё не металлические, а деревянные, столбы, увенчанные наверху простодушными, вовсе архаического и провинциального вида, стеклянными домиками, в виде поставленных на меньшее основание четырёхгранных усечённых пирамид, сверху прикрытых такими же четырёхгранными железными крышами.

В каждом таком «скворечнике» была неприглядная керосиновая лампочка с узким стеклом-фонарём; точно такие же лампы продавались в керосиновых и посудных лавках на общую бытовую потребу. Они горели на окнах, в мелких лавочках. Идя по улице, можно было видеть в окнах первого этажа тут сапожника, там столяра, занимающегося своей работой в зимней преждевременной серой полутьме, в свете — а точнее, в рыжем смутном мерцании — точно такой же лампы, тут — трёхлинейной, там — от великой роскоши — пятилинейной.

Историко-культурный комментарий

► Трёхлинейная, пятилинейная (лампа). Линейность — одна из важнейших характеристик керосиновых ламп, определяемая размером (шириной) фитиля, от которого зависела яркость освещения. Линия — русская мера длины, равная 1/10 (ещё раньше 1/12) дюйма (примерно 2 мм), которая применялась до введения метрической системы. По названию этой меры в народе стали именовать и сами лампы — трёхлинейка, пятилинейка, семилинейка и т. д. ◀

Пониже стеклянного «скворечника» на столбе была переключательная. В сумеречные часы позднего ноября или снежного декабря всюду на окраинах можно было видеть пропахших керосином фонариков. С коротенькой лёгкой лесенкой на плече, с сумкой, где был уложен кое-какой аварийный запас — несколько стёкол, моток фитиля, — фонарик стремглав неёся вдоль уличных сугробов, неустанно перебегая наискось от фонаря на чётной к фонарю на нечётной стороне: расставлены фонари были в шахматном порядке.

Вот он у очередного столба. Лесенка брошена крючьями на перекладину, человек валетает на её ступеньки. Хрустящая дверца откинута, стекло привычным жестом снято... Спичка... Ветер — спичка гаснет, но это бывает редко. Каждый жест на счету, на счету и коробки со спичками. Огонь загорелся, стекло надето, дверца захлопнута... Две, три ступеньки. Лестница на плече, и — по хрустящему, размолотому тяжкими полозьями ломовых извозчиков, перемешанному с конским навозом снегу, по диагонали — к следующему столбу...

Каждый раз, когда я сворачивал на Нюстадтскую, я там, за Ломанским переулком, видел её продолжение, убегающее куда-то в безмерную даль, за Нейшлотский, за Бабурий переулки. Там, по моим тогдашним представлениям, был как бы предел жилого мира. Там, по всему этому неоглядному протяжению, висел фонарищик, оставляя за собой цепочку слабых, боязливых, робко борющихся с ветром, дождем и тьмою огоньков. Но я останавливался.

Историко-культурный комментарий

► Ломанский, Бабурий переулки — старые названия улиц в Выборгском районе Санкт-Петербурга. Современные названия: Ломанский переулок — улица Комиссара Смирнова; Бабурий переулок — улица Смолячкова. ◀

Передо мной разворачивалась страница из задачника: «Фонарищик, перебегая зигзагом через улицу от фонаря к фонарю, зажигает их. За сколько времени успеет он осветить всю улицу, если длина улицы пятьсот семьдесят сажен, ширина двадцать сажен, расстояние между фонарными столбами сорок сажен, а на пробег от фонаря до фонаря...»

Я смотрел, и мне казалось, что такие задачи явно неразрешимы. Как можно их решать, не зная, весел этот фонарищик или печален (я знал одного, который даже шел и с лестницей на плече, и там, на верху столба, вычиркивая спички); есть ли у него дети или нет; где он живет и зачем ему каждый день надо бегать по таким лют песочно-каменным, уходящим в черную даль улицам?..

Впрочем, вполне возможно, что эти мои впечатления относятся уже не к тем фонарям, какие я описал, а к другим, их великолепным наследникам.

На исходе первого десятилетия XX века, летом, когда меня не было в городе, старые простенькие столбы вырыли, металлические «сковорчички» свезли в переплавку или на свалку, и на моей Нюстадтской осенью меня встретили незнакомцы.

Эти фонари были вдвое выше тех. На верху деревянного столба, выше него, поднимался у них длинный, изогнутый плавным завитком кронштейн с блоком. Через блок был перекинут стальной трос, и, крутя рукоятку особого ключа, входящего в паз коробки, подвешенной на столбе внизу, фонарищик теперь спускал оттуда с высоты

необыкновенное чудо техники — новый фонарь, керосинокалильный.

Это было сложное сооружение. Оцинкованный цилиндр больше метра в высоту увенчивался полый металлической баранкой — резервуаром для керосина. По трубкам горючее поступало в горелку в низу цилиндра, внутри откидывающегося в сторону стеклянного литого полушария. Над горелкой, на специальном крючке, подвешивался лёгкий, как из иinea сотканный, кисейный, но пропитанный каким-то несгораемым составом белый колпачок, похожий на большой марлевый напалечник. Зажжённая горелка раскаляла постепенно этот колпачок — он начинал желтеть, потом голубеть и вдруг вспыхивал ослепительно-белым накалом...

Тогда со скрипом фонарищик поднимал махину фонаря — здоровенную дылду, почти в мой тогдашний рост, — наверх, бросал на панель бурые остатки колпачка, сгоревшего вчерашней ночью, и картонную трубочку от нового и после этого пускался, как и раньше, рысцой, наискось через булыжную мостовую, к следующему светильнику.

Теперь улица была освещена несравненно ярче. Висящие на своих кронштейнах груши этих фонарей раскачивал ветер; длинные тени метались по стенам квашинского, крестинского, подобедовского шестизэтажных домов, и нам, жившим тогда в этих домах, уже казалось, что наступил век совершенного торжества осветительной техники. Что же дальше? Чего же ещё желать для Выборгской стороны? И даже «конец мира» как-то удалился от Ломанского в этом керосинокалильном свете. Мир расширился.

Цепь белых ламп виднелась теперь далеко за Нейшлотским, пожалуй, чуть ли не до самого Флюгова переулка... Но если вы вообразите себе этот наш тогдашний свет, он покажется вам современной уличной тьмой. Электрического-то освещения тогда на Выборгской ещё не было; не только окна нижних квартир, но даже «витрины» — а точнее, такие же окна — редких лавок сквозь морозные узоры на стёклах бросали на тротуар мутно-жёлтый свет, и только кое-где — ну скажем, в трактире Ивана Мартыныча Тупицына в деревянном доме на углу Ломанского, да в его же «мясной, зеленой и курятной» лавке напротив — в серединах плотно замороженных окон, сквозь протаянные их жарким дыханием круги, освещали улицу такие же керосинокалильные лампы или новомодные многолинейные лампы «молния».

Впрочем, то, что я только что сказал, относилось к улицам если и не совсем уж захолустным, то даже и для окраин второразрядным (на самых глухих до семнадцатого года нераздельно властвовал простой керосиновый фонаришко).

На улицах средней руки — ну скажем, на набережных Невы — уже тогда светили совсем иной силы и устройства светильники, никому из нас теперь неизвестные, — газовые фонари. Внешний вид их был почти точно скопирован с самых старых фонарей города. Столб, правда, был теперь не деревянный, а ребристый чугунный, с незатейливыми украшениями. Но на нём был укреплен почти такой же, как бывало, состоящий из двух стеклянных пирамид, домик.

Вид на Благовещенский мост. Худ. В. С. Садовников.
1851

Нижняя пирамида, усечённая, была меньшим основанием обращена вниз. Верхняя, глухая, накрывала её острой крышкой.

Издали его было проще простого принять за старого знакомого, но то была уже новая техника — газ.

Газовый свет в городе был разный. В помещениях вы просто поворачивали кранчик, как на газовой плитке наших дней, поднеся спичку к горелке. Над ней вспыхивало широкое, плоское, фестончатое пламя, похожее на засушенный между страницами книги тюльпан. Оно горело и освещало. В театрах, в цирках из множества таких тюльпанчиков собирали даже целые люстры; правда, они давали куда больше тепла, чем света, но вспомним, как восхищался ими Золя в своих романах или Гончаров при описании Лондона.

Уличные газовые фонари были в моё время уже газокалильными. В них зеленовато-белым (белым с празеленью) светом сияли такие же, как в керосинокалильных лампах, «ауэровские колпачки». И их своеобразный свет, отражавшийся в чёрных водах осенней или весенней Невы, в её полынях, в лужах талой воды на поверхности неоглядных ледяных полей, не спутал бы ни с каким другим светом ни один мой ровесник. Только где увидишь их теперь? <...>

Работаем со словом

Ауэровский колпачок — специальный колпачок для газовых ламп, во много раз усиливающий яркость газового пламени благодаря специальной пропитке материала, из которого он был сделан. Его изобрёл в 1885 году австрийский химик, исследователь редкоземельных элементов Карл Ауэр фон Вельсбах (1858—1929), по имени которого и стали называть этот колпачок для ламп.

Празелень (устар.) — иссиня-зеленоватая краска.

В стихах и пьесах Блока горят и качаются петерские фонари всех рангов. Там, где «ночь, улица, фонарь, аптека», там, конечно, окружённый радужным ореолом, светит сквозь приморский густой туман покосившийся провинциальный фонарь самого начала девятисотых годов, почти ничем не отличающийся от того городского масляного фонаря, который «умирал в одной из дальних линий Васильевского острова» почти столетием раньше, в одном из незаключённых набросков Гоголя.

Но у того же Блока пылают злым светом и центральные улицы города, где взвихрённые толпы людей движутся в каком-то сумасшедшем хороводе «я кабаках, в переулках, в извивах, в электрическом сне павлу». Блоковский мягкий петербургский снег, крупными хлопьями таинственно ложащийся на женские вуалетки, то ледоватый, то голубой, падёт, конечно, в лучах газовых или электрических фонарей, гудящих вольтовыми дугами, по-пчелиному жужжащих на тогдашнем Невском, на Морской, над проносившимися санями с медвежьими полостями, над треуголками лиценстов и пажей...

Уже тогда, в раннем моем детстве, в десятых годах века, был в городе и электрический свет. Эти фонари были очень разными: вокруг Таврического сада, вдоль Потёмкинской, вдоль Таврической, вдоль Тверской свет давали невысокие простые светильники на столбах из гнутых железных труб: над яблоками их ламп были укреплены плоские белые тарелки отражателей.

Историко-культурный комментарий

► **Невский, Морская** — Невский проспект, Большая Морская улица — улицы в центральной исторической части Санкт-Петербурга.

Таврический сад — парк в центральной части Санкт-Петербурга, составляющий вместе с расположенным здесь дворцом ландшафтно-архитектурный комплекс. Дворец был петербургской резиденцией князя Г. А. Потёмкина, руководившего военной кампанией против Крымского ханства, завершившейся присоединением Крыма к России. В награду за это получил от Екатерины II титул князя Таврического, поскольку с античных времён Крым часто называли Тавридой.

Потёмкинская, Таврическая, Тверская — улицы в исторической части Санкт-Петербурга рядом с Таврическим садом.

Малая Итальянская — современная улица Жуковского до 1902 года называлась Малой Итальянской; она граничит с Греческим проспектом и Греческой площадью — одной из центральных площадей в исторической части Санкт-Петербурга. ◀

Тут же рядом, на Малой Итальянской, на Греческом, виднелись высоченные фонари — столбы, напоминавшие Эйфелеву башню в миниатюре. Они несли на себе огромные призматические стеклянные коробки, и какое именно устройство пылало в этих коробках — не

могу уж сейчас сказать точно. В ранней юности кто-то уверял меня, что эти мощные решётчатые конструкции остались тут от тех времён, когда они поддерживали на своих вершинах ещё первые свечи Яблочкова, как в Париже. Так это или не так, судить не берусь, но эти «башни», с сильными источниками электрического света наверху, доторжествовали в тех улицах чуть ли не до самой революции.

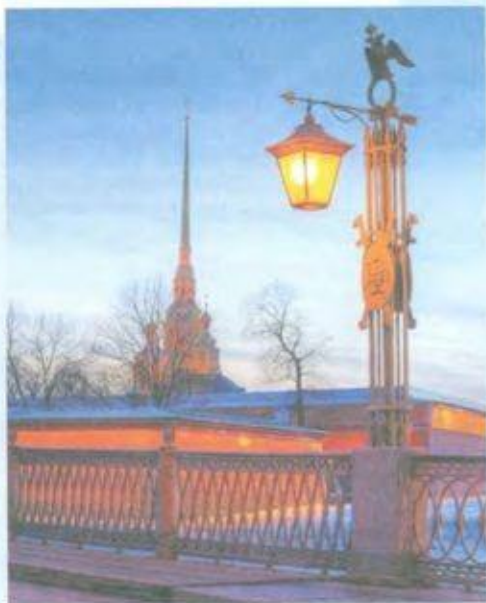
А главные улицы связываются в воспоминании с совершенно другими фонарями. У них были очень высокие столбы, такие же, как у нынешних наших: стройные, сваренные из труб разного перечника. Только наши оканчиваются прямым перекрестьем, поддерживающим тройчатку светящихся шаров, а те заканчивались улиткообразно закрученным подвесом, с которого спускалось большое сияющее яйцо молочного стекла, охваченное тонкой проволоочной сеткой. Внутри столба заключалось подъёмное устройство. Каждое утро фонарщик (он был ещё жив, курилка!) опускал маленькой внутренней лебёдкой это яйцо почти до земли, вынимал из зажимов внутри него и бросал тут же на тротуар обгоревшие (один — конусом, другой — воронкой, кратером, как в учебниках физики) угли, в виде крепко спрессованных палочек толщиной в палец взрослого мужчины, и вставлял новые. И каждый раз вокруг него толпились мальчишки, кидаясь, как коршуны, на эти огарыши. Зачем они были им нужны, не скажу даже по догадке, хотя ведь и сам постоянно и подолгу носил, как Том Сойер, в карманах, хранил в углах парты матово-глянцевые, похожие на металл, угольные цилиндрики...

Вечером эти фонари загорались уже без фонарщика, все сразу по всему Невскому и по Большой Морской; сначала в них что-то начинало потрескивать, слегка посверкивать. Потом молочно-белые яйца становились слегка лиловатыми, и сверху на головы проходящих начинало литься вместе с чуть-чуть сиреневым, трепещущим светом задумчивое, на что-то намекающее пчелиное жужжание.

В этом жужжании, в этом полупризрачном свете и являлись поэтам того времени их Незнакомки и Пре-

Работаем со словом

Свеча Яблочкова — так называли электрическую угольную лампу, которую изобрёл в 1876 году выдающийся русский инженер, электротехник П. Н. Яблочков (1847—1894). Впервые эта лампа была продемонстрирована на Всемирной выставке в Париже в 1878 году.

Санкт-Петербург. Фонарь Иоанновского моста. Петропавловская крепость

красные Дамы, лукавые, неверные, двусмысленные фантомы предсмертных годов того мира! В этом жужжанье и падал тихо на панели, на мостовые, на медвежьи полости, на соболю палантин, на синие сетки лихачей, на крыши неуклюжих тогдашних «моторов» — автомобилей — мягкий, пушистый, убаюкивающий снег.

Ах, фонарики, фонарики Петербурга! <...>

Размышляем над прочитанным

1. Почему будущего писателя с детства интересовали петербургские фонари? С каким чувством он вспоминает о них?

2. Что в задаче о фонащиках казалось автору-рассказчику неразрешимым? Как вы думаете, в чём для него заключался секрет этой задачи? Какими вы представляете себе фонащиков?

3. В истории петербургских фонарей писатель выделяет несколько этапов, когда фонари менялись. Кратко расскажите, какими были петербургские фонари в разное время. Чем они вам запомнились?

4. Рассказывая об истории петербургских фонарей, автор использует различные образные выражения. Найдите эти выражения и объясните их значение.

5. Какие картины старого Петербурга вспоминает писатель, рассказывая об истории фонарей? Какое впечатление они на вас произвели? Что нового вы узнали об этих исторических местах города? Расскажите об этом, используя информацию рубрики «Историко-культурный комментарий».

6*. В рассказе встречаются фамилии писателей и поэтов, цитаты и имена героев из их произведений. В каком контексте и почему автор вспоминает их? Как вы думаете, с какими ещё произведениями русских писателей и поэтов может быть связана история о петербургских фонариках? Для ответа используйте материал рубрики «Круг чтения», справочную литературу и интернет-ресурсы.

Круг чтения

► А. С. Пушкин. Арап Петра Великого.

Н. В. Гоголь. Петербургские повести.

Ф. М. Достоевский. Белые ночи.

Петербург в русской поэзии (XVIII — начало XX века): Поэтическая антология.

Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград в русской поэзии: Антология.

И. В. Одоевцева. На берегах Невы.

Г. В. Иванов. Петербургские зимы.

Н. П. Анциферов. Душа Петербурга (сборник).

С. А. Носов. Конспирация, или Тайная жизнь петербургских памятников — 2. ◀

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

Степь раздольная

Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, всё то пространство... до самого Чёрного моря было зелёною, девственною пустынею... Ничего в природе не могло быть лучше...

Н. В. Гоголь

Родимая степь под низким донским небом!..
Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою
пресную землю, донская, казачьей,
не ржавеющей кровью политая степь!

М. А. Шолохов

Из первых уст

► Трудно сказать, насколько степь широкая, раздольная, как величает её песня, своим простором, которому конца-краю нет, воспитывала в древнерусском южанине чувство шири и дали, представление о просторном горизонте, окоёме, как говорили в старину; во всяком случае, не лесная Россия образовала это представление. <...> Историческим продуктом степи, соответствовавшим её характеру и значению, является казак... по первоначальному и простейшему южно-русскому своему облику человек вольный... — исторический преемник древних киевских богатырей, стоявших в степи на заставах богатырских, чтобы постеречь землю Русскую от поганых...

В. О. Ключевский

Необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, — не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни. Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть. <...> Это — география русской души.

Н. А. Бердяев ◀

В сознании русского народа степь — это не просто определённая местность с характерной для неё природой, а особый уникальный мир, насыщенный преданиями, легендами, былинами и сказаниями о русской истории и русском человеке с его широкой душой, устремлённой к манящим просторам в долгий и порой опасный путь. Парадоксальность русской души, её противоречия и крайности отражаются в восприятии народом наиболее характерных природных пространств России — леса и степи. «В степи — простор, в

Степь днём. Худ. А. К. Саврасов. 1852

лесу — угодье»; «Просторно вольному казаку на белом свете жить: был бы лес-батюшка да степь-матушка» — так говорится об этом в русских пословицах и поговорках. При этом именно степь всегда воплощала в русском народе его мечту о вольной волюшке, широте и размахе, присущих национальному характеру.

Недаром степь с её неброской, скудной, но завораживающей, а иногда и внушающей страх природой стала главной темой многих народных песен, таких как «Ах ты, степь широкая», «Уж ты, степь ли моя, степь Моздокская...». Исполнителями, а часто и героями этих песен были ямщики, которые скрашивали ими свой долгий, трудный путь по степным дорогам. Вспомните стихотворение А. С. Пушкина «Зимняя дорога»: «Что-то слышится родное / В долгих песнях ямщика: / То разгулье удалое, / То сердечная тоска».

Историко-культурный комментарий

► **Ямщик** — крестьянин, основной обязанностью которого была перевозка грузов и людей на лошадях; он же был и кучером на собственных, т.е. ямских лошадях. С XVI века ямщики выделились как отдельная группа населения — между крестьянами-землепашцами и служилыми людьми, поскольку вплоть до конца XIX века извоз оставался государственной повинностью. Ямщики с семьями жили компактно в городах и деревнях (ямах), которые располагались возле почтовых дорог и у почтовых станций. На почтовой

станции можно было нанять ямщика с лошадьми и экипажем (повозкой), который вёз путника до следующей станции, где его сменял другой — тоже из местных жителей. Память о прошлом хранят названия многих городских районов и улиц, где некогда проживали ямщики, например, несколько улиц в Москве: Тверская-Ямская, Николоямская, улица Ямского Поля. ◀

Постепенно такие народные песни, получившие название «ямщицких», стали настолько популярными, что поэты на их основе создавали свои собственные произведения, составившие особую тематическую группу в русской литературе. У одного из них оказалась совершенно необычная судьба. В основу стихотворения «В степи» известный русский поэт XIX века И. З. Суриков положил русскую народную песню «Уж ты, степь ли моя, степь Моздокская...», переработав её и включив в свой текст сюжет об умирающем на степной дороге ямщике. Композитор С. П. Садовский написал музыку к стихам И. З. Сурикова, после чего песня стала настолько популярна, что приобрела действительно фольклорную историю: вступительная часть, где звучит голос лирического героя стихотворения, была изъята, но сохранилась сюжетная часть о ямщике, рассказанная от лица героя — ямщика; затем исполнители вносили в текст свои поправки, постепенно перестали упоминаться имена авторов стихов и музыки, а сама песня стала восприниматься как истинно народная.

Значительное место занимает народная тема и в творчестве П. А. Вяземского, старшего современника и друга А. С. Пушкина. Интересно, что именно П. А. Вяземский ввёл в русский язык само слово **народность** — оно было образовано как калька с французского языка, но впоследствии укоренилось и перестало восприниматься как заимствование. Среди «ямщицких» стихотворений поэта наибольшую известность приобрело стихотворение «Ещё тройка» («Тройка мчится, тройка скачет, вьётся пыль из-под копыт...»), которое было положено на музыку композитором П. П. Булаховым и стало одним из самых популярных русских романсов о тройке. Уже в этом стихотворении поэт обозначил своё видение темы степи: «Много в ней и думы томной, и раздолья много есть». Но самым развёрнутым и глубоким поэтическим высказыванием П. А. Вяземского о степи стало его стихотворение «Степь» (1849), в котором безбрежный степной простор не просто выражает мысли и чувства лирического героя, но соотносится с душой русского народа, выражает глубинную суть России.

Степь вдохновляла не только русских поэтов, она стала неотъемлемой частью художественного мира многих русских прозаиков, главное место среди которых по праву принадлежит Н. В. Гоголю. Другой певец степных просторов, А. П. Чехов, назвал Гоголя «степным царём» русской литературы. Именно Гоголь укоренил в русской культуре представление о степи как об особом пространстве, в котором «есть место, где развернуться» русской душе, подобной «птице-тройке», несущейся по необъятным просторам Руси, всё ещё ждущей появления своего героя-богатыря. Вслед за Гоголем по-

этические картины степи создавали И. С. Тургенев и Н. С. Лесков, С. Т. Аксаков и В. Г. Короленко и многие другие русские писатели. Но к концу XIX века «степная» тема ушла на второй план, уступив место остросоциальной проблематике. Заслуга её возрождения, безусловно, принадлежит А. П. Чехову, сделавшему степь не просто местом действия, прекрасным пейзажем, но и одним из главных героев своего творчества. Для уроженца Таганрога природа южной степной полосы России была родной и горячо любимой. «Донецкую степь я люблю и когда-то чувствовал себя в ней, как дома, и знал там каждую балочку...» — писал он Д. В. Григоровичу в 1888 году, когда шла работа над повестью «Степь» — произведением писателя, настоящим героем которого является именно степь. Новаторская по творческому методу и выдающаяся по мастерству и художественному совершенству, эта повесть не только стала рубежным произведением для Чехова, но и открыла новые пути «степной» теме в русской литературе, как и мечтал писатель: «Быть может, она [повесть] раскроет глаза моим сверстникам и покажет им, какое богатство, какие залежи красоты остаются ещё нетронутыми и как ещё не тесно русскому художнику». Действительно, за Чеховым последовали многие писатели и поэты XX века, среди которых выделяется М. А. Шолохов — создатель подлинно эпических картин степной России в романах «Тихий Дон» и «Поднятая целина», «Донских рассказах» и других произведениях. Продолжают создавать замечательные произведения о степи, её природе и русских людях, живущих на степном просторе, и современные писатели и поэты. Ведь благодаря русскому фольклору и литературе степь стала для России подлинным источником вдохновения, воплощением истории и души народа. В этом вы убедитесь, прочитав произведения И. З. Сурикова, П. А. Вяземского и А. П. Чехова, создавших незабываемый образ русской степи.

Вопросы и задания

1. Почему образ степи так часто появляется в народном творчестве и в произведениях русских писателей и поэтов? С какими представлениями о русском человеке связана степь?

2. Перечитайте высказывания, приведённые в рубрике «Из первых уст». Как вы понимаете слова известного русского философа XX века Н. С. Бердяева о необъятных русских пространствах: «Это — география русской души»? Как они перекликаются с размышлениями русского историка В. О. Ключевского об историческом значении степи в формировании русского национального характера? Аргументируйте свой ответ.

 3. С чем связано появление «ямщицких» песен в русском фольклоре? Какое отражение они нашли в русской литературе? Назовите как можно больше народных песен и стихов русских поэтов, связанных с этой темой.

 4. Почему А. П. Чехов назвал Н. В. Гоголя «степным царём» русской литературы? Какие произведения этих двух русских писателей, связанных с образом степи, вы знаете? Известны ли вам другие произведения русских писателей и поэтов, посвящённые теме степи? Назовите их.

Иван Захарович Суриков

Литературные имена России

► Иван Захарович Суриков (1841—1880) — известный русский поэт, яркий представитель крестьянской поэзии в русской литературе. Биография его необычна. Поэт родился в деревне Новосёлово недалеко от Углича в семье крестьянина, хорошо знал жизнь русского народа, его радости и горести, любил родную природу и душевные русские песни. О самой счастливой поре жизни — детстве в родной деревне — написано ставшее очень популярным стихотворение «Детство»: «Вот моя деревня: / вот мой дом родной; / вот качусь я в санках / по горе крутой...» Но судьба уготовила талантливому поэту-самоучке много испытаний: его семья переехала в Москву, где отец открыл свою лавку, в которой Ивану с ранних лет пришлось работать, одновременно обучаясь грамоте. Потом были годы лишений, бедности, невзгод и трагических утрат.

Путь И. З. Сурикова к известности оказался трудным, хотя он рано начал писать: для многих современников его поэзия представлялась слишком простой и непритязательной. В начале 1860-х годов стали появляться в печати отдельные стихи И. З. Сурикова, но полностью посвятить себя поэзии он не мог, поскольку был вынужден зарабатывать на жизнь: работал переписчиком бумаг, типографским наборщиком, торговал углём и железом. Лишь в 1871 году вышел первый его поэтический сборник, затем ещё два, а в 1875 году его избрали членом Общества любителей русской словесности. Будучи сам поэтом-самоучкой, И. З. Суриков с большим сочувствием относился к таким же молодым поэтам, которые вынуждены были бороться с тяжёлыми обстоятельствами жизни, старался помогать им и стал инициатором литературного кружка, занимавшегося публикацией их произведений. Главные темы произведений И. З. Сурикова — жизнь простых крестьян и городских бедняков, их тяжкий труд, страдания и заботы, большое место в творчестве поэта занимают картины родной природы, близкие по духу народной поэзии. Не случайно многие стихотворения И. З. Сурикова стали поистине народными песнями, любимыми и исполняемыми по сей день, — «Рябина» («Что шумишь, качаясь, тонкая рябина...»), «Я ли в поле да не травушка была...», «Сиротой я росла...». Среди них и стихотворение «В степи», написанное поэтом в 1869 году и переработанное в 1877-м. Положенное на музыку композитором С. П. Садовским, оно в несколько изменённом виде стало всенародно любимой песней, известной под другим названием — «Степь да степь кругом». ◀

Историко-культурный комментарий

► **Степь Моздокская...** от Саратова до села Царицына — степное пространство, находившееся по обе стороны Царицынской сторожевой линии (так называлась оборонительная линия, построенная для защиты от набегов со стороны Крымского ханства и кочевников Поволжья). Она использовалась с 1720 по 1776 год, перекрывая перешеек между реками Доном и Волгой. Город Царицын, первоначально бывший оборонительной крепостью этой линии, носил это название до 1925 года, когда был переименован в Сталинград, а с 1961 года он называется Волгоград.

Моздок — город, основанный в середине XVIII века в ряду оборонительных сооружений Кавказской военной линии, куда переселили волжских казаков после упразднения Царицынской сторожевой линии. ◀

☞ Прочитайте русскую народную песню «Уж ты, степь ли моя, степь Моздокская...» и стихотворение И. З. Сурикова «В степи». Чем отличается произведение поэта от народной песни, положенной в его основу?

Уж ты, степь ли моя, степь Моздокская...

Русская народная песня

Уж ты, степь ли моя, степь Моздокская,
Степь Моздокская!
Широко ли, далеко, степь, ты протянулась,
Протянулась,
От Саратова ты, степь, до села Царицына,
До Царицына;
Пролетала по степи большая дороженька,
Дорожка широкая...
Проезжали по ней молодцы извозчики,
Молоденькие;
Как лошади у них буланы,

Все буланные,
Хомуты-то у них серебряны,
Серебряны;
Как узды-то у них все наборные,
Все наборные;
Как тележки-то у них все шиповные,
Все шиповные...

Солучилось у них несчастье,
Да немалое.
Захворал да занемог у них добрый молодец,
Млад извощикек...
Он просил-то, он просил своих товарищей,
Товарищей: «Ах вы, братцы вы мои, вы друзья-товарищи,
Товарищи!
Не покиньте вы, братцы, моих вороных коней,
Вороных коней.
А свезите вы, братцы, батюшке низкий поклон,

Низкий поклон,
Родной матушке челобитье,
Да челобитье,
Малым детушкам моё благословенье,
Благословенье
Молодой моей жене полну волюшку,
Всё свободушку».

Работаем со словом

Була́ный — здесь: светло-рыжий с чёрным хвостом и гривой (о масти лошади; о лошади этой масти).

Хому́т — нашейная часть упряжи (обычно конской), состоящая из деревянного остова, внутренняя сторона которого, прилегающая к шее, покрыта мягким войлочным валиком.

Узда́ — здесь: удила с поводьями, надеваемые на голову лошади или других упряжных животных для управления ими.

Челобѣ́ть (*устар.*) — здесь: поклон до земли, с прикосновением лбом к земле.

Застигнутые бурей. Худ. Н. Е. Сверчков.
1880—1890

В степи

Кони мчат-несут,
Степь всё вдаль бежит;
Вьюга снежная
На степи гудит.

Снег да снег кругом;
Сердце грусть берёт;
Про моздокскую
Степь ямщик поёт...

Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик;

Как в последний свой
Передсмертный час
Он товарищу
Отдавал приказ:

«Вижу, смерть меня
Здесь, в степи, сразит, —
Не попомни, друг,
Злых моих обид.

Злых моих обид,
Да и глупостей,
Неразумных слов,
Прежней грубости.

Схорони меня
Здесь, в степи глухой;
Воронных коней
Отведи домой.

Отведи домой,
Сдай их батюшке;
Отнеси поклон
Старой матушке.

Молодой жене
Ты скажи, друг мой,
Чтоб меня она
Не ждала домой...

Кстати, ей ещё
Не забудь сказать:
Тяжело вдовой
Мне её кидать!

Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.

Пусть о мне она
Не печалится;
С тем, кто по сердцу,
Обвенчается!»

Замолчал ямщик,
Слеза катится...
А в степи глухой
Вьюга плачется.

Голосит она,
В степи стон стоит,
Та же песня в ней
Ямщика звучит:

«Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик».

1869, 1877

Размышляем над прочитанным

1. Какой предстаёт степь в русской народной песне «Уж ты, степь ли моя, степь Моздокская...» и в стихотворении «В степи»? Похожи ли картины, изображённые в этих произведениях? Каким настроением они проникнуты?

2. Что говорится о судьбе ямщика в народной песне? Кто и с каким чувством ведёт этот рассказ? Есть ли такой же рассказчик в стихотворении И. З. Сурикова, или там звучит иной голос?

3. Как в народной песне, так и в стихотворении И. З. Сурикова выделена прямая речь. Кому она принадлежит? Сравните эти фрагменты произведений по содержанию и форме. Приведите примеры.

4. Найдите и выделите в народной песне «Уж ты, степь ли моя, степь Моздокская...» художественные приёмы, характерные для русского фольклора. Используются ли эти приёмы в стихотворении «В степи»? Какие средства художественной выразительности, не характерные для фольклора, использует поэт? Найдите и выпишите примеры из обоих произведений.

5*. Известно, что стихотворение «В степи» И. З. Сурикова, положенное на музыку, стало очень популярным и часто воспринимается как настоящая народная песня, а не переработка русской народной песни «Уж ты, степь ли моя, степь Моздокская...». Знаете ли вы эту песню на стихи И. З. Сурикова? Какое название она получила? Как вы думаете, в чём причина такой необычной судьбы стихотворения поэта? Аргументируйте свой ответ.

Литературные имена России

► Пётр Андреевич Вяземский (1792—1878) — русский поэт, литературный критик, переводчик, публицист и государственный деятель, первый председатель Русского исторического общества.

Потомок древнего княжеского рода, участник Бородинской битвы, он вместе с Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым стоял у истоков русской классической литературы. П. А. Вяземский — близкий друг и единомышленник А. С. Пушкина, который высоко оценивал литературное творчество собрата по перу. Не случайно именно его автор «Евгения Онегина» упомянул на страницах своего романа, поместив в «московской» части 7-й главы рядом со своей любимой героиней Татьяной Лариной. Во многих стихах Пушкина появляются поэтические образы и картины, перекликающиеся с поэзией П. А. Вяземского. Но особенно ценил Пушкин литературно-критические статьи друга и соратника. В свою очередь, П. А. Вяземский одним из первых понял и обосновал в своих статьях особую роль творчества Пушкина в русской литературе. ◀

Из первых уст

► Судьба свои дары явить желала в нём,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род — с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.

А. С. Пушкин

Из поэтов времени Пушкина отделился князь Вяземский. <...> Его стихотворения — импровизация, хотя для таких импровизаций нужно иметь слишком много всяких даров и слишком приготовленную голову. В нём собралось обилие необыкновенное всех качеств: ум, остроумие, наглядка, наблюдательность, неожиданность выводов, чувство, весёлость и даже грусть; каждое стихотворение его — пёстрый фараон всего вместе.

Н. В. Гоголь

Мало заботясь о них, отпускаю стихи мои на божий свет, как родились они с своими хорошими приметами, если таковые есть, с своими калечностями, если таковые окажутся.

П. А. Вяземский ◀

Прочитайте стихотворение П. А. Вяземского «Степь» и подумайте, какие ассоциации вызывают у поэта степные просторы России.

Степь

Бесконечная Россия
Словно вечность на земле!
Едешь, едешь, едешь, едешь,
Дни и версты нипочём!
Тонут время и пространство
В необъятности твоей.

Степь широко на просторе
Поперёк и вдоль лежит,
Словно огненное море
Зноем пышет и палит.

Цепенеет воздух сжатый,
Не пахнёт на душный день
С неба ветерок крылатый,
Ни прохладной тучки тень.

Небеса, как купол медный,
Раскалились. Степь гола;
Кое-где пред хатой бедной
Сохнет бедная ветла.

С кровли аист долгоногой
Смотрит, верный домосед;
Добрый друг семьи убогой,
Он хранит её от бед.

Шагом, с важностью спокойной
Тащут тяжести волю;
Пыль метёт метелью знойной,
Вьюгой огненной золы.

Как разбитые палатки
На распутии племён —
Вот курганы, вот загадки
Неразгаданных времён.

Пусто всё, однообразно,
Словно замер жизни дух;
Мысль и чувство дремлют праздно,
Голодают взор и слух.

Образ степи. Худ. И. К. Айвазовский. Середина XIX века

Работаем со словом

Ветла́ — дерево семейства ивовых с узкими, острыми серебристыми листьями.

Грустно! Но ты грусти этой
Не порочь и не злословь:
От неё в душе согретою
Свято теплится любовь.

Степи голые, немые,
Всё же вам и песнь, и честь!
Все вы — матушка-Россия,
Какова она ни есть!

1849

Размышляем над прочитанным

1. Какие картины степной природы предстают перед глазами путника? Какое настроение они создают?

 2. Найдите в описании степи эпитеты, олицетворения, метафоры и сравнения. Какую роль играют эти средства художественной выразительности в создании образа степи?

 3. В последней строфе стихотворения упоминаются песни, посвящённые степи. Как вы думаете, какие произведения о степи наиболее созвучны стихотворению П. А. Вяземского? Назовите их и аргументируйте свой ответ.

4*. В первой и последней строфах стихотворения возникают образы «бесконечной России» и «матушки-России». В чём различия этих образов? Какую идейно-композиционную роль они играют в стихотворении?

Антон Павлович Чехов

Литературные имена России

► В творческой биографии **Антон Павловича Чехова** (1860—1904) период, когда была написана повесть «Степь» (1880—1890), — это время активного творческого поиска, выработки особого стиля и писательской манеры. После громкого успеха, который принесли ему ранние юмористические произведения и сборники «Пёстрые рассказы» (1886) и «В сумерках» (1887), многие друзья, писатели, литературные критики и читатели советовали Чехову обратиться к более серьёзной, «большой» прозе. Размышляя об этом, писатель решил отправиться в родные места Приазовья, где прошли его детство и юность, проехаться по гоголевским местам, запечатлённым в произведениях «степного царя» русской литературы. Так собирался материал, который лёг в основу новой повести. В письмах того времени Чехов

отмечал: «Для почину взялся описать степь, степных людей и то, что я пережил в степи. Тема хорошая, пишется весело...»; «Я описываю *степь*. Сюжет поэтичный, и если я не сорвусь с того тона, каким начал, то кое-что выйдет у меня „из ряда вон выдающее“». В письме Д. В. Григоровичу в 1888 году А. П. Чехов так характеризовал свой замысел: «Каждая отдельная глава составляет особый рассказ, и все главы связаны, как пять фигур в кадрили, близким родством. Я стараюсь, чтобы у них был общий запах и общий тон, что мне может удаться тем легче, что через все главы у меня проходит одно лицо. Я чувствую, что многое я поборол, что есть места, которые пахнут сеном...»

Повесть «Степь» была опубликована в журнале «Северный вестник» в 1888 году и очень высоко оценена современниками, став дебютом писателя в «большой» литературе. Но далеко не сразу современники приняли найденный Чеховым в этом произведении новый метод, который стал ведущим в его творчестве зрелого периода. В дальнейшем повесть «Степь» была признана одним из наиболее значимых произведений писателя, определившим его вклад не только в русскую, но и в мировую литературу. ◀

Из первых уст

▶ <...> «Степь» — это как бы несколько маленьких картинок, вставленных в одну большую раму. Несомненно, однако, что эта большая рама заполнена одним и очень выдержанным настроением. Читатель как будто сам ощущает веяние свободного и могучего степного ветра, насыщенного ароматом цветов, сам следит за сверканием в воздухе степной бабочки и за мечтательно-тяжёлым полётом одинокой и хищной птицы, а все фигуры, нарисованные на этом фоне, тоже проникнуты оригинальным степным колоритом.

В. Г. Короленко

К своей повести Чехов относился с обычной для него, быть может чрезмерной, взыскательностью... но был убеждён, что главное в этом сложнейшем художественном замысле ему удалось. Он возвращал русскому читателю нечто древнее, родовое, о чём, может быть, допустимо забыть на какое-то время, но что не должно и не может быть утрачено навсегда. Как ни важны здесь личные, лирические воспоминания о детстве и отрочестве, о приазовских степях, еще важнее «общая» память о «степном царстве», без которой у писателя нет ни прошлого, ни будущего, ни традиций, ни серьёзных читателей.

М. П. Громов ◀

📖 Прочитайте фрагмент повести А. П. Чехова «Степь» и подумайте, в чём особенность восприятия степи писателем.

Степь

(Фрагмент)

Между тем перед глазами ехавших расстилалась уже широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь-едешь и никак не разберёшь, где она начинается и где кончается... Солнце уже выглянуло сзади из-за города и тихо, без хлопот принялось за свою работу. Сначала, далеко впереди, где небо сходится с землёю, около курганчиков и ветряной

Работаем со словом

Бричка — старинная лёгкая дорожная повозка (иногда с откидным верхом).

Молочай — травянистое или кустарниковое растение с ядовитым белым млечным соком; используется в медицине и парфюмерии.

мельницы, которая издали похожа на маленького человечка, размахивающего руками, поползла по земле широкая ярко-жёлтая полоса; через минуту такая же полоса засветилась несколько ближе, поползла вправо и охватила холмы; что-то тёплое коснулось Егорушкиной спины, полоса света, подкравшись сзади, шмыгнула через бричку и лошадей, понеслась навстречу другим полосам, и

вдруг вся широкая степь сбросила с себя утреннюю полутень, улыбнулась и засверкала росой.

Сжатая рожь, бурьян, молочай, дикая конопля — всё, побуревшее от зноя, рыжее и полумёртвое, теперь омытое росой и облакское солнцем, оживало, чтоб вновь зацвести. Над дорогой с весе-

Степь. Худ. А. И. Куинджи. 1875

лым криком носились старички, в траве перекликались суслики, где-то далеко влево плакали чибисы. Стадо куропаток, испуганное бричкой, вспорхнуло и со своим мягким «тррр» полетело к холмам. Кузнечики, сверчки, скрипачи и медведки затаили в траве свою скрипучую, монотонную музыку.

Но прошло немного времени, роса испарилась, воздух застыл, и обманутая степь приняла свой унылый июльский вид. Трава поникла, жизнь замерла. Загорелые холмы, бурозелёные, вдали лиловые, со своими покойными, как тень, тонами, равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо, которое в степи, где нет лесов и высоких гор, кажется страшно глубоким и прозрачным, представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски...

Как душно и уныло! Бричка бежит, а Егорушка видит всё одно и то же небо, равнину, холмы... Музыка в траве приутихла. Старички улетели, куропаток не видно. Над поплёкшей травой, от нечего делать, носятся грачи; все они похожи друг на друга и делают степь ещё более однообразной.

Летит коршун над самой землёй, плавно взмахивая крыльями, и вдруг останавливается в воздухе, точно задумавшись о скуке жизни, потом встряхивает крыльями и стрелой несётся над степью, и непонятно, зачем он летает и что ему нужно. А вдали машет крыльями мельница...

Для разнообразия мелькнёт в бурьяне белый череп или булыжник; вырастет на мгновение серая каменная баба или высохшая ветла с синей ракшей на верхней ветке, перебежит дорогу суслик, и опять — бегут мимо глаз бурьян, холмы, грачи...

Но вот, слава богу, навстречу едет воз со снопами. На самом верху лежит девка. Сонная, изморо́нная зноем, поднимает она голову и глядит на встречных. Дениска зазевался на неё, гневные протягивают морды к снопам, бричка, взвизгнув, целуется с возом, и ко-

Работаем со словом

Стáрик — здесь: небольшая птица.

Чйбис — небольшая болотная птица с длинным узким хохолком на голове, живущая на лугах и травяных болотах.

Скрипáч — здесь: жук из рода скрипунов, который своё русское название получил из-за создаваемых им скрипящих звуков.

Медвѣдка — насекомое с покрытым короткими бархатистыми волосками телом, живущее в земле; вредитель сельскохозяйственных культур.

Обратный. Худ. А. Е. Архипов. 1896

Работаем со словом

Ка́менная ба́ба — древнее каменное изваяние высотой от 1 до 4 м, изображающее воинов или женщин; такие изваяния встречаются в южнорусских степях, часто ставились на курганах, связаны с культом предков.

Ра́кша — сизоворонка: крупная птица размером с дрозда.

лючие колосья, как веником, проезжают по цилиндру о. Христофора.

— На людей едешь, пухлая! — кричит Дениска. — Ишь, рожу то раскорячило, словно шмель укусил!

Девка сонно улыбается и, пошевелив губами, опять ложится... А вот на холме показывается одинокий тополь; кто его посадил и зачем он здесь — бог его знает. От его стройной фигуры и зелёной одежды трудно оторвать глаза. Счастлив ли этот красавец? Летом зной, зимой стужа и метели, осенью страшные ночи, когда видишь только тьму и не слышишь ничего, кроме беспутного, сердито воющего ветра, а главное — всю жизнь один, один... За тополем ярко-жёлтым ковром, от верхушки холма до самой дороги, тянутся полосы пшеницы. На холме хлеб уже скошен и убран в копны, а внизу ещё только косят... Шесть косарей стоят рядом и взмахивают косами, а косы весело сверкают и в такт, все вместе издают звук «Вжжи, вжжи!» По движениям баб, вяжущих снопы, по лицам косарей, по блеску кос видно, что зной жжёт и душит. Чёрная собака с высунутым языком бежит от косарей навстречу к бричке, вероятно с намерением залаять, но останавливается на полдороге и равнодушно глядит на Дениску, грозящего ей кнутом: жарко лаять! Одна баба поднимается и, взявшись обеими руками за измученную спину, провожает глазами кумачовую рубашу Егорушки. Красный ли цвет ей понравился, или вспомнила она про своих детей, только долго стоит она неподвижно и смотрит вслед...

Но вот промелькнула и пшеница. Опять тянется выжженная равнина, загорелые холмы, знойное небо, опять носится над землёю коршун. Вдали по-прежнему машет крыльями мельница, и всё ещё она похожа на маленького человечка, размахивающего руками. Надоело глядеть на неё и кажется, что до неё никогда не доедешь, что она бежит от брички.

Размышляем над прочитанным

1. Как меняется картина утренней степи? Какие особые приметы жизни степной природы выделяет автор? Найдите наиболее характерные детали, которые создают эту картину.

2. Найдите описание одинокого тополя. Какую роль играет этот образ? Как вы думаете, почему именно на этом необычном явлении степной природы автор акцентирует внимание читателей?

3. Какие средства художественной изобразительности, помогающие передать ощущение степного зноя, использует писатель? Приведите примеры из текста.

4. В описание картины жизни степной природы впадают эпизоды со встреченными на пути людьми: «сонной девкой», лежащей на возу со снопами, косарями и бабами, вяжущими снопы. Какую роль играют эти эпизоды? Как они связаны с изображением степи?

5. Как вы думаете, чьими глазами увидены картины степной жизни в этом фрагменте повести? Можно ли сказать, что здесь используется только одна точка зрения? Аргументируйте свой ответ, опираясь на текст.

6*. Степь в повести Чехова — это не просто пейзаж, а главный герой. Найдите и приведите примеры из текста, которые это доказывают. Назовите художественные приёмы, которые использует автор при создании этого образа. Если вы прочитали текст повести целиком, можете также привести примеры из других частей произведения.

Диалог культур

► Образ степи в фольклоре и литературе народов России

Калмыцкие кибитки кочевые
Тянулись долго в светлые края.
На волжском берегу, в степях России,
Нашла приют Калмыкия моя.

А. Г. Балакаев. Калмыкия моя

В стихотворении Александра Сергеевича Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» упоминается «друг степей калмык». Великий русский поэт не случайно дал такое определение: степь для калмыка значит многое, это его малая родина. В апреле в Калмыкии отмечают День степи. Именно в это время расцветают тюльпаны и степь особенно красива.

Весеннюю степь воспевают в своём стихотворении калмыцкий поэт **Давид Никитич Кугультинов** (1922—2006). Прочитайте это стихотворение. Какой предстаёт степь в стихотворении Д. Н. Кугультинова? Какие чувства вызывает она у лирического героя? Схожи ли эти чувства с теми, которые испытывают герои стихотворений русских поэтов?

Д. Н. Кугультинов
(перевод Ю. Нейман)

Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!
Хрустально-звонкий воздух, и простор,
И колокольчик — жаворонка трели!..
Ты — музыка, чьи звуки с давних пор
Какой-то гений, в неизвестность канув,
Переложил на живопись тюльпанов.

Как счастлив я, что голос твой пойму,
Что человек я, что душе всё чаще
Доступна радость красоты щемящей...
Иль человек я только потому,
Что внемлет скрытой музыке душа?..
О жизнь, как ты щедро!.. Как хороша!..

По-иному выглядит степь в летнее время. Прочитайте отрывок из романа калмыцкого поэта и писателя **Константина Эрендженевича Эрендженова** (1912—1991) «Береги огонь» и сравните степные пейзажи К. Э. Эренджено-

ва и А. П. Чехова. Что общего вы нашли в этих фрагментах? В чём состоит своеобразие пейзажа, представленного в произведении калмыцкого писателя?

*К. Э. Эрендженов
(перевод А. Николаева)*

Степь.

Необъятно раздольная, как задремавший океан. Необозримая, как небо. Широкая, привольная степь. Калмыцкая степь.

Высокое июньское солнце раскалило её добела, расплавил. И она то, как зыбь морская, беззаботно струится, переливается живым серебром ковыля, то вдруг замрёт, нахмурится, задумается и тогда становится похожей на испещрённый мелкими морщинами тусклый лоб старого, выдавшего виды калмыка.

Широкая степь.

Раздольная степь.

И куда ни глянь, нет ей конца и края. Течёт, привольно течёт она из века в век и на север, и на запад. Лишь на юго-востоке, у самого края неба, мреют вечно меняющие свой цвет — то сиреневые, то голубые, то нежно-тюльпановые — Эргенинские сопки, заслоняющие страну коневодов и чабанов от жгучих ветров Каракум. Но лютый «астраханец» нет-нет да и прорвётся, дохнёт, как из раскалённой преисподней, и всё мигом сожжёт — и цветы, и травы, и надежды людей. Вот ведь ещё только начало июня, а весенняя буйная зелень, кипучее яркое многоцветье посохло, поблёкло, и только пряный, как запах крепко заваренного чая, густой аромат напоминает о недавнем цветении степи. ◀

Работаем со словом

Мреть — здесь: слабо виднеться в переливающейся дымке воздуха.

Чабан — пастух овечьих стад.

Астраханец — здесь: сухой восточный или юго-восточный ветер в Ставропольском крае, Калмыкии, Сальских степях.

Эргенинские сопки — сопки (небольшие горы, холмы), составляющие Эргенинскую возвышенность (Эргений, иногда — Ергений), которая находится на западе Калмыкии.

Каракум — песчаная пустыня на юге Средней Азии.

► **Степь да степь: степь в русской поэзии XIX—XX века** / сост. Б. П. Гучков.

С. Т. Аксаков. Степь (глава из книги «Записки ружейного охотника»).

И. С. Тургенев. Лес и степь (из книги «Записки охотника»).

В. Г. Короленко. У казаков.

А. П. Чехов. Степь. Счастье. Казак.

И. А. Бунин. Святые горы.

М. А. Шолохов. Донские рассказы.

Э. Г. Казакевич. Двое в степи.

В. В. Бондаренко. Вяземский.

М. П. Громов. Тропа к Чехову. ◀

При подготовке проектов используйте материалы учебника, информацию из рубрики «Круг чтения», интернет-ресурсы.

1. Прочитайте полный текст стихотворения В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» и составьте к нему комментарий: выделите фрагменты, в которых описываются герои — участники Бородинской битвы; составьте краткую справку о каждом из этих героев и по возможности подберите иллюстрации (портреты).

2. Составьте электронный буклет, посвящённый героям Отечественной войны 1812 года. Поместите в буклет портреты героев из Военной галереи 1812 года Эрмитажа, имена которых воспеты в произведениях русских поэтов и писателей. Приведите строки из этих произведений и дайте краткие биографические справки о каждом герое.

3. Подготовьте литературно-музыкальную композицию «Гроза двенадцатого года». Напишите сценарий, включив в него стихотворения и фрагменты из прозы русских писателей, а также музыкальных произведений и кинофильмов об Отечественной войне 1812 года.

4. Подготовьте и проведите виртуальную экскурсию «Литературный Петербург». Подберите цитаты из произведений русских писателей и поэтов, которыми вы сможете сопровождать «прогулку» по памятным местам Петербурга.

5. Подготовьте доклад о Петербурге в творчестве одного из русских поэтов. (Можете выбрать поэта, произведение которого прочитали в учебнике, или любого другого русского поэта XIX—XXI веков.) Подготовьте иллюстративный материал, показ которого будет сопровождать ваш доклад.

6. Подготовьте литературно-художественный электронный альманах «Степные просторы». Включите в него тексты народных песен и литературных произведений о степи, дайте краткую биографическую справку об авторе, интересную информацию об истории создания произведения. Подберите иллюстрации к отобранным литературным произведениям. Альманах может пополняться по мере сбора необходимого для его выпуска материала.

7. Создайте мультимедийную презентацию на тему «Степь в русской литературе и музыке».

ПРАЗДНИКИ РУССКОГО МИРА

Августовские Спасы

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора.
И осень, ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры.

Б. Л. Пастернак

На Руси в народе говорили: «Ласточки отлетают в три раза, и три Спаса». Откуда появилась эта пословица? Птицы покидают насиженные места, начиная с середины августа — месяца, когда на

Руси православные отмечают три праздника Спаса, связанные с образом Иисуса Христа Спасителя.

Время Спасов совпадает со временем созревания овощей и фруктов, ягод и грибов, поэтому в христианские времена в эти дни праздновали сбор урожая. Не случайно в русском фольклоре появились пословицы: «Спас — всему час», «Пришёл Спас — готовь рукавицы про запас».

Работаем со словом

Спас — 1. То же, что спаситель. В христианском вероучении — искупитель грехов человечества; одно из названий Христа.

2. Название иконы с изображением Христа, а также название церкви, построенной в честь Христа (Спасителя).

3. Название каждого из трёх церковно-бытовых праздников у православных. Спас Первый — Медовый, Второй — Яблочный, Третий — Ореховый (Хлебный, Полотняный) (соответственно 1, 6, 16 августа по старому стилю).

Первый Спас, или Медовый (Мокрый) Спас

14 августа на Руси, позднее — в России отмечали праздник Первого Спаса. В Первый Спас принято бы-

ло ломать первый мёд на пчельниках и угощать им окружающих. Поэтому праздник в народе получил название **Медовый Спас**, а ещё **Спас на воде** или **Мокрый Спас**, так как по старому стилю он совпадал с днём Крещения Руси. В этот день православные устраивали крестные ходы, запасались водой из освящённых колодцев и источников, ибо считалось, что любое соприкосновение с водой в этот день является священным.

В народе верили: кто умоется в этот день в росе, тот на весь год получит заряд бодрости и здоровье. А после крестного хода люди купались и купали весь свой домашний скот, и это была последняя возможность искупаться в реке или в озере. После Мокрого Спаса вода зацветает и становится холодной.

На пасеке. Худ. А. В. Маковский. 1916

Из первых уст

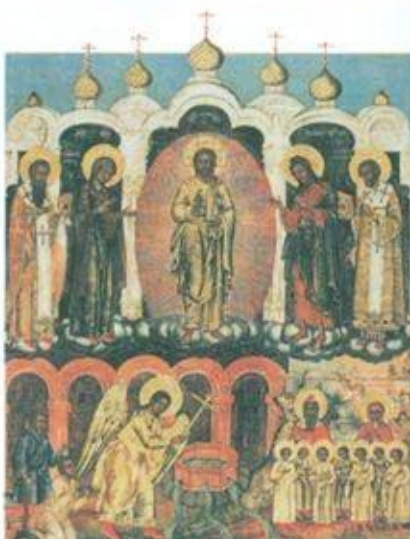
► А вот и медовый ряд. Пахнет церковно, воском. Малиновый, золотистый, — показывает Горкин, — этот называется печатный, эн-тот — стёклый, спускной... а который тёмный — с гречишки, а то господский светлый, липнячок-подсед. Липонки, корыта, кадки. Мы пробуем от всех сортов. На бороде Антона липко, с усов стекает, губы у меня залипли. Будочник гребёт баранкой, диакон — сайкой. Пробуй, не жалко! И черпают черпаками, с восковиной...

И. С. Шмелёв. Лето Господне ◀

В день Медового Спаса принято было дарить мёд, печь медовые коржики и пряники, варить медовуху. В отдельных местностях на Руси в Первый Спас устраивали «сиротские и вдовьи помочи» — оказывали помощь сиротам и вдовам. Обычно работали за угощение, а порой и сами приносили еду в дом вдовы. В народе об этом обычае говорили: «С миру по нитке — голому рубаха!» — и менее известное:

Ты — за себя,
Мы — за тебя,
А Христов Спас —
За всех нас!

Первый, или Медовый, Спас знаменовал завершение лета. Люди начинали готовиться к зиме: заготавливали съестные припасы и лекарственные растения, чистили овины, готовили гумна для обмола-та, сеяли озимые.

Происхождение честных древ Креста Господня. Худ. И. И. Богданов-Карбатовский. 1778

► 14 августа отмечаются два христианских праздника: Происхождение Честного и Животворящего Креста Господня и Празднество Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородице.

Первый из этих праздников пришёл к нам из Греции. История его такова. Летом (в августе) в Константинополе (Царьграде) часто случались болезни, поэтому с 14 августа до Успения Богородицы для освящения мест и предотвращения эпидемий по улицам города носили Крест Господень, на котором, согласно христианскому вероучению, был распят Иисус Христос. Это объясняет название праздника — Происхождение Честного и Животворящего Креста Господня, слово «происхождение» в переводе с греческого — предъисхождение, несение впереди. К этому обычаю присоединилось освящение воды. Постепенно местный

константинопольский праздник распространился по христианскому Востоку. На Руси он появился в конце XIV века.

Празднество Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородице установлено в память о двух событиях — чудесного видения, которое явилось одновременно русскому войску и войску византийского императора, и победы над врагом.

В 1164 году русский князь Андрей Боголюбский одержал победу над волжскими булгарами, а византийский император Мануил — над сарацинами. Русский князь взял в поход чудотворную Владимирскую икону Божией Матери и Святой Крест Господень. Согласно преданию, князь усердно молился, и во время боя ему было явлено чудное видение: от икон Спасителя и Матери Божьей исходил свет и осенял войска. Вдохновлённые этим видением воины победили неприятеля. Это же чудесное видение было явлено в тот день и Мануилу и также ознаменовало победу. ◀

Второй Спас, или Яблочный Спас

19 августа отмечается Второй Спас — христианский праздник Преображения Господня. Этот праздник называют ещё и Яблочным Спасом, потому что в этот день освящаются злаки и плоды, в первую очередь яблоки.

На Второй Спас собранный урожай гороха, огурцов, репы, яблок и других плодов и приготовленные из них блюда должны быть на праздничном столе. Часть собранных плодов обязательно жертвовали в пользу больных и нищих.

День Второго Спаса имеет ещё одно народное название — «осенины». Приближение осени и связанные с ним хозяйственные работы породили различные народные приметы и поговорки: «Вовремя собрать — вовремя убрать», «После Второго Спаса дождь — хлебной!», «Со Спасо-Преображения погода преобразается!», «Пришёл Второй Спас — бери рукавицы про запас!».

На Второй Спас устраивались в поле народные гулянья с песнями, в которых приветствовалась наступающая осень.

Историко-культурный комментарий

► В день 19 августа православные христиане празднуют **Преображение Господне**. По свидетельству евангелистов, незадолго до распятия Иисус Христос рассказал Своим ученикам, что Ему предстоит пострадать за людей, умереть на Кресте и воскреснуть. После этого Он возвёл апостолов Петра, Иакова и Иоанна на гору Фавор и преобразился пред ними: «просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет». Два пророка Ветхого Завета — Моисей и Илия — явились Господу на горе и беседовали с Ним. А затем услышали

Преображение Господне. Икона. Худ. Андрей Рублёв.

апостолы голос Божий, который назвал Иисуса Сыном Своим и призвал всех слушать Его.

Праздник Преображения Господня несёт в себе смысл духовного преображения человека. ◀

Работаем со словом

Евангелист — здесь: составитель текста Евангелия. Апостолы-евангелисты: Матфей, Марк, Лука, Иоанн Богослов.

Содружество муз

▶ Благовещенский собор был возведён в 1489 году под руководством псковских мастеров Кривцова и Мышкина на месте деревянной домово́й церкви великокняжеской семьи. Последний раз храм перестраивали в 1560-е годы при Иване Грозном. В 1844-м собор соединили переходом с новым зданием Большого Кремлёвского дворца Николая I.

В Благовещенском соборе с 1993 года совершаются патриаршие богослужения на престольный праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. ◀

Третий Спас, или Ореховый (Хлебный), Спас

В народе вокруг праздников Спаса придумывали множество всяких примет, обычаев, обрядов и старались их придерживаться. Неизменным было одно — все от мала до велика шли на Спас в церковь и молились.

У Третьего Спаса, который отмечается 29 августа, в старину было много наименований. В народе говорили: «Первый Спас — на воде стоят; Второй Спас — яблоки едят; Третий Спас — на зелёных

горах холсты продают», поэтому Третий Спас ещё называли «Спас на холстах», «Спас на полотне», «Холщовый Спас».

В России к Третьему Спасу заканчивалась жатва хлеба, отсюда название — Хлебный. В день праздника после торжественного молебна в церкви совершался крестный ход на убранные поля. По обычаю, последними колосьями женщины обвязывали серпы и клали их под иконы — до следующей страды. На Хлебный Спас в каждом доме из муки нового урожая пекли пироги и булки («Третий Спас хлеба припас»).

Во многих областях России Третий Спас часто называли Ореховым, так как с этого дня начинался сбор лесных орехов. Считалось, что банный веник, который был изготовлен из орешника, собранного на Ореховый Спас, был способен избавить человека от любых болезней.

На Третий Спас заканчивался двухнедельный Успенский пост (с 14 по 27 августа), поэтому праздник отмечали с особым размахом и удовольствием. Молодёжь в этот день непременно водила хороводы вокруг именинного снопа.

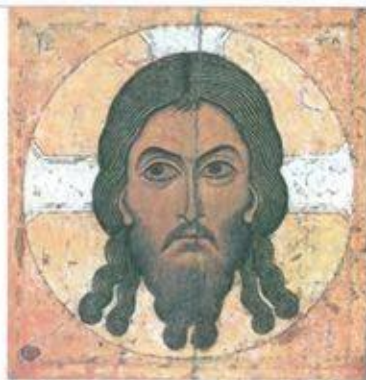
Историко-культурный комментарий

► 29 августа христиане празднуют **Перенесение Нерукотворного образа Господа Бога и Спаса Иисуса Христа в Царьград**. По преданию, появление чудотворного образа связано с болезнью царя Эдессы Авгаря, который обратился к Христу с просьбой приехать или же прислать Свое изображение для его исцеления. Христос умыл лицо, отёр его полотном, сохранив на нём Свой Лик. Нерукотворный образ Господа исцелил не только больного царя, с этим холстом связывают множество других чудес и исцелений. Впоследствии Нерукотворный образ Иисуса Христа стал первой христианской иконой, на которой запечатлено самое древнее и наиболее достоверное изображение Христа. Иконы Спаса Нерукотворного известны на Руси с XII века. ◀

Содружество муз

► **Спас Нерукотворный** — новгородская икона, датируемая второй половиной XII — началом XIII века. На лицевой стороне иконы изображён образ Иисуса Христа (Спас Нерукотворный) «на чрепии», т. е. на черепице или кирпиче, на обороте показана сцена Прославления Креста.

В настоящее время «Спас Нерукотворный» находится в Государственной Третьяковской галерее.

На Руси Нерукотворный образ почитался особо. Его вышивали на знамёнах русской армии, под которыми ходили в бой. В середине XVII века царь Алексей Михайлович специальным указом повелел башню Кремля, прежде называемую Фроловской, именовать в честь Спаса — Спасской, на воротах поставить образ Спасителя в золотой ризе и приказал ходить под этими воротами с непокрытой головой. ◀

Хоровод. Худ. Н. М. Григорьев. 1917

Русский народ любил всегда августовские Спасы — время сбора урожая, окончания сельскохозяйственных работ, почитаемых христианских праздников, сопровождающихся повсеместным звоном колоколов. Августовские Спасы и в наше время отмечаются довольно широко. Особенно популярен Яблочный Спас.

Единение щедрости природы и праздничного Божественного просветления в душе русского человека вдохновляло писателей и поэтов на создание художественных произведений.

Круг чтения

▶ А. А. Коринфский. Народная Русь. Москва: Издание книгопродавца М. В. Клюкина. 1901 г. Репринтное издание.

Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия: В 2 кн. Кн. 1: Части 1,3. ◀

Вопросы и задания

1. Что общего между праздниками августовских Спасов и в чём их различие?
2. С какими событиями связаны русские народные традиции празднования августовских Спасов?
3. Расскажите о традициях празднования августовских Спасов. Соблюдаются ли эти традиции в современном русском мире?

Константин Дмитриевич Бальмонт

Литературные имена России

Константин Дмитриевич Бальмонт
(1867—1942)

► Стихи К. Д. Бальмонт начал писать ещё в детстве, литературный дебют состоялся в гимназии, но началом творческого пути поэта принято считать сборник стихов «Под северным небом» (1894).

Бальмонт стал крупнейшим явлением в поэзии Серебряного века, не случайно литературным сообществом в 1912 году он был провозглашён великим русским поэтом. Им опубликовано 35 поэтических сборника, 20 книг прозы, многочисленные переводы, историко-литературные, филологические и критические исследования.

Через всё творчество Бальмонта, по словам Осипа Мандельштама «самого нерусского из поэтов», проходит важная мысль:

«...Плывя я возглашу единый клич: „Россия! Горю, я пропою: Люблю тебя — везде!“» ◀

Из первых уст

► Никто до сих пор не равен ему в его «певучей силе». <...> Поэт с утренней душой...

А. Блок

Если бы мне дали определить Бальмонта одним словом, я бы не задумываясь сказала: Поэт. <...> На Бальмонте — в каждом его жесте, шаге, слове — клеймо — печать — звезда — поэта.

М. Цветаева ◀

Историко-культурный комментарий

► Стихотворение «Первый Спас» было опубликовано в сборнике «Зелёный вертоград. Слова поцелуйные» в 1909 году. В этом сборнике нашло отражение увлечение поэта «былинной» Русью. Бальмонт в поэтической форме пересказал старинные сказания, фольклорные сюжеты и тексты в соответствии со своими литературными воззрениями на «современный» лад. ◀

Прочитайте стихотворение К. Д. Бальмонта «Первый Спас». О каких русских традиционных праздниках рассказывает в нём поэт?

Первый Спас

Яблоки, орехи, мёд,
Это — первый Спас.
Сколько сладости течёт,
Сколько свежих нежных вод,
Сколько ядер лес даёт, —
Всё для нас.

Яблонь белая, в цвету,
Уладила пчёл.
Сколько пений налету,
Сколько блесков, не сочту,
Мир весною в Красоту
Весь вошёл.

Если ж Осень подошла,
Кончен путь Весны,
Радость первая светла.
Лето — жарче. Страсть пришла.
Виден весь узор узла.
Дышат сны.

Работаем со словом

Вертогра́д (*устар.*) — сад, виноградник.

Зреет всё. Осенний час.
Ябло́к — плод живой.
Прежде всех пленил он нас,
Ядра с ним — в числе прикрас,
Мёд. Как сладок первый Спас,
И второй.

Круг чтения

П. В. Куприяновский, Н. А. Молчанова. Бальмонт. ЖЗЛ. ◀

Размышляем над прочитанным

1. В творчестве К. Д. Бальмонта был период увлечения русским и мировым фольклором (сборники стихотворений «Жар-птица», «Птицы в воздухе», «Зовы древности», «Зелёный вертоград»). Как вы думаете, что привлекало поэта в фольклорных произведениях?

2. В критических статьях Бальмонт писал, что воспринимает цветение как эмоциональную вершину радости. Найдите в тексте стихотворения примеры, подтверждающие этот тезис.

3*. К. Д. Бальмонт по праву считается одним из основоположников русского символизма. Определите в стихотворении ключевые слова, объясните их символическое значение.

4*. На сайте <http://balmontoved.ru> в разделе «Виртуальный тур» совершите виртуальное путешествие по Шуйской земле, родине К. Д. Бальмонта. Сделайте подборку стихотворений поэта о родной земле.

Евгений Александрович Евтушенко

Литературные имена России

► Евгений Александрович Евтушенко (1932—2017) — автор десятков сборников стихов, поэмы «Бабий яр», романа «Не умирай прежде смерти», Евгений Евтушенко был одним из лидеров поколения «оттепели», поколения шестидесятников. Стихи Беллы Ахмадулиной, Андрея Вознесенского, Булата Окуджавы, Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского пользовались огромной популярностью, заражали воодушевлением всю страну, поражали своей свежестью и независимостью. Выступления этих поэтов собирали огромные стадионы и концертные залы. Эпатажный, дерзкий, Евгений Евтушенко стал для отечественной поэзии поэтом знаковым. С 1949 года, даты первой публикации, и практически до ухода из жизни поэт, прозаик, режиссёр, сценарист, публицист, оратор и актёр, Евгений Евтушенко оставался в рабочем строю, был верен манифесту своего творчества: «Поэт в России — больше, чем поэт». ◀

Из первых уст

► Евтушенко принадлежит к тем людям, которые при дилемме, что выбирать — зло или добро, всегда выбирают добро и умеют за него сражаться. В нашем холодном мире это — увы! — редкое качество.

Эрнст Неизвестный

В начале шестидесятых в Советском Союзе не было более популярного поэтического имени, чем имя Евгения Евтушенко. Его слава была оглушительной. Она накрывала его с головой, подобно волне мощного прибоя, а брызги разлетались по всему миру, от Парижа до Нью-Йорка, от Токио до Гаваны.

Е. Сидоров ◀

Историко-культурный комментарий

► **«Оттепель»** — образное наименование периода в истории СССР, начавшегося после смерти И. В. Сталина (1953) и продолжавшегося до начала 60-х годов. Исторический термин «оттепель» восходит к названию повести И. Г. Эренбурга, написанной в 1954—1956 годах. Для периода оттепели характерно некоторое смягчение политического режима в СССР: осуждение культа личности Сталина на XX съезде КПСС (1956), ликвидация системы ГУЛАГа и начало реабилитации жертв массовых репрессий сталинского времени. Обычно оттепель называют хрущёвской, так как в это время Н. С. Хрущёв, возглавлял Советское государство.

Шестидесятники — поколение молодых людей с обострённым чувством ответственности за судьбу страны и убеждённости в необходимости обновления и демократизации советской политической системы. Появление термина связано с одноимённым названием статьи С. Рассадина о молодых писателях и их героях, опубликованной в журнале «Юность» в 1960 году.

Переделкино — дачный писательский посёлок недалеко от Москвы, получивший в 1988 году статус историко-культурного заповедника. ◀

Прочитайте стихотворение Е. Евтушенко и подумайте, о чём оно.

Само упало яблоко с небес,
или в траву его подбросил бес?
А может, ангел сбил крылом с ветвей,
или столкнул руладой соловей?

Ударился о землю нежный бок
и брызнул из него шипящий сок.
Прося меня: «Скорее подбери...» —
чуть зазвенели зёрнышки внутри.

Светясь, лежало яблоко в росе
и не хотело быть оно, как все,
и отдыхало телом и душой,
как малая планета на большой.

А в трещину его, ничуть не зла,
оса так вожделеюще вползла,
и, яблоко качая на весу,
с ним вместе внёс я в комнату осу.

Работаем со словом

Рулада (муз.) — быстрый и раскати-
стый пассаж в пении.

И, вылетев из яблока, оса
на разные запела голоса,
как будто золотинка жизни той,
где жало неразлучно с красотой.

Но чем больнее времени укус,
тем вечность обольстительней на вкус.
1995 г.

Содружество муз

► На стихи Е. Евтушенко создано более ста песен, которые можно послушать на сайте <http://samcult.ru/heritage/10106>.

Хотят ли русские войны (Эдуард Колмановский);

А снег идёт (Андрей Эшпай);

Со мною вот что происходит, Ты уходишь, как поезд (Микаэл Таривердиев);

Серёжка ольховая (Евгений Крылатов);

Не спеши, Чёртовое колесо (Арно Бабаджанян);

Неизвестный солдат (Александра Пахмутова) и др. ◀

Размышляем над прочитанным

1. Какова символическая роль яблока в стихотворении Евтушенко?
2. Можно ли отнести стихотворение «Само упало яблоко с небес...» к философской лирике? Приведите аргументы за и против. О каких вечных истинах говорит поэт?
3. Исследователи творчества Е. Евтушенко отмечали в его стихах особенную разговорную лёгкость и повествовательную интонацию. Подтвердите или опровергните это.
4. Какие художественно-изобразительные средства использованы поэтом в стихотворении «Само упало яблоко с небес...»?
5. Насколько современно звучит стихотворение Е. Евтушенко?
6. У Евтушенко был особенный способ чтения стихов, и сегодня множество авторов и профессиональные актёры читают стихи по-евтушенковски. Послушайте на одном из сайтов, посвящённых Е. Евтушенко (например, <http://evtushenko.poet-premium.ru/video.html>), стихотворения в исполнении автора. В чём состояла особенность чтения поэта?
- 7*. Как вы думаете, почему поэты-шестидесятники имели столь оглушительный успех у современников?

Белла Ахатовна Ахмадулина

Литературные имена России

Белла Ахатовна Ахмадулина
(1937—2010)

► Среди поколения шестидесятников особое место занимает Белла Ахмадулина. Напряжённый лиризм, изысканность форм, перекличка с поэтической традицией прошлого, характерная для поэзии Ахмадулиной, делали её стихи необыкновенно музыкальными. Концертные залы не вмещали всех желающих попасть на её выступления.

Белла начала писать стихи ещё в школьные годы. Её поэтический дар одним из первых отметил известный поэт П. Антокольский:

«Здравствуй, Чудо по имени Белла Ахмадулина, птенчик орла!»

Творчество Б. Ахмадулиной многогранно: многочисленные стихи, эссе, поэтические переводы. Особенно плодотворным для поэтессы был «тарусский период», связанный с её пребыванием в Тарусе. В память об этом счастливом времени в 2005 году был издан художественно-поэтический альбом «Таруса», в котором стихи Беллы Ахмадулиной чередуются с акварелями её мужа, известного художника Бориса Мессерера.

Стихотворение «Ночь упаданья яблок» было написано в Тарусе в августе 1981 года. ◀

Из первых уст

► Белла Ахмадулина — замечательный поэт. Её творчество — законное звено великой русской литературы. Она начала писать ещё девочкой, и её стихи сразу были замечены и читателями, и крупными поэтами. Ахмадулина — один из самых тонких и лиричных российских поэтов. Она привнесла в поэзию свежий голос, особую свежесть и изысканность... Её творчество через Пастернака, Ахматову, Цветаеву восходит к Александру Пушкину.

Е. Рейн

Она была человек, не вписывающийся ни в советское сообщество, ни в какое-либо другое. Божественный талант, воплощение изящества. Сила и незащитность в одном лице.

З. Богуславская ◀

► **Таруса** — небольшой город в Калужской области, названный в честь реки, на которой он был основан в 1246 году.

С Тарусой связаны имена многих выдающихся поэтов, писателей, композиторов, художников, среди которых М. И. Цветаева, К. Г. Паустовский, С. Т. Рихтер, Н. А. Заболоцкий, В. Э. Борисов-Мусатов, А. А. Тарковский и другие.

Известный художник В. Д. Поленов был покорён красотой окрестных мест калужского городка и недалеко от Тарусы на правом берегу Оки построил дом, ныне музей-усадьба «Поленово».

Белла Ахмадулина и её супруг Борис Мессерер часто приезжали в Тарусу. Для поэта Ахмадулиной этот город стал тем же, что Михайловское для Пушкина. Поэтому именно в Тарусе в 2013 году был поставлен памятник Б. Ахмадулиной работы Бориса Мессерера. Белла Ахмадулина изображена в характерной для неё позе при чтении стихов: в полный рост с заведёнными за спину руками. Памятник установили в парке на берегу Оки, недалеко от открытого в 2006 году по инициативе Ахмадулиной памятника Марине Цветаевой. ◀

Белла Ахмадулина. Худ. Б. Мессерер. 2000

Памятник Ахмадулиной в Тарусе

► Липкин Семён Изра́илович (1911—2003) — русский советский поэт и выдающийся переводчик. Автор переводов многих эпосов народов России и СССР: калмыцкого «Джангар», киргизского «Манас», кабардинского «Нарты», а также около 180 000 строк восточной классики (поэм А. Навои «Лейла и Меджун» и «Семь планет», поэмы Фирдоуси «Шахнаме» и другие произведения). ◀

📖 Прочитайте стихотворение «Ночь упаданья яблок» Беллы Ахмадулиной. Подумайте, каким настроением, красками и звуками оно наполнено.

Ночь упаданья яблок

Семёну Липкину

Уж август в половине. По откосам
по вечерам гуляют полушалки.
Пришла пора высокородным осам
навязываться кухням в приживалки.

Как женщины глядят в судьбу варенья:
лениво-зорко, неусыпно-слепо —
гляжу в окно, где обитает время
под видом истекающего лета.

Лишь этот образ осам для пирушки
пожаловал — кто не варил повидла.
Здесь закипает варево покруче:
живьём съедает и глядит невинно.

Со мной такого лета не бывало.
— Да и не будет! — слышу уверенье.
И вздрагиваю: яблоко упало,
на «НЕ» — извне поставив ударенье.

Жить припустилось вспугнутое сердце,
жаль бедного: так бьётся кропотливо.
Неужто впрямь небытия соседство,
словно соседка глупая, болтливо?

Нет, это — август, упаданье яблок.
Я просто не узнала то, что слышу.
В сердцах, что собеседник непонятлив,
неоспоримо грохнуло о крышу.

Быть по сему. Чем кратче, тем дороже.
Так я сижу в ночь упаданья яблок.
Грызя и попирая плодородье,
жизнь милая идёт домой с гулянок.
15—25 августа 1981, Таруса

Из первых уст

► Единственное мне принадлежащее сокровище — это русская речь. Это русский язык. Лишь этим определяется принадлежность человека к определённому месту земли, которое он величает Родиной. Я русская, хотя во мне разные крови присутствуют. Я русская по чувству и устройству, по матери, по бабушке, по паспорту, по прапрабабушкам и дедушкам, но и в них текла, постепенно мельчая, итальянская кровь, освоившаяся в России в первой половине девятнадцатого века. Мой отец — казанский татарин, ко времени моего рождения обрусевший под влиянием среды и отсутствия соплеменников и собеседников. Я родилась в Москве и с ней нерасторжима.

Б. Ахмадулина ◀

Содружество муз

► Б. Ахмадулина оставила глубокий след в искусстве. Она снялась в ряде фильмов, среди которых «Живёт такой парень» (1964), «Спорт, спорт, спорт» (1970).

В возрасте 22 лет Ахмадулина написала одно из своих известнейших стихотворений «По улице моей который год...». М. Таривердиев положил эти стихи на музыку. В фильме Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» романс прозвучал в исполнении Аллы Пугачёвой.

В фильме Н. Михалкова «Жестокий романс» звучит романс на слова Б. Ахмадулиной «А напоследок я скажу». ◀

Размышляем над прочитанным

1. Голос поэтессы, по мнению современников, словно камертон, настраивал слушателей на размышления о жизни, поднимал к высоким истинам. На сайте https://pixesmusic.com/s/136294263-Bella_Ahmadulina_-_Noch_upadanya_yablok/ прослушайте стихотворение в исполнении автора. Совпадает ли описание современников с вашим впечатлением?

2. В стихотворении речь не идёт напрямую о Яблочном Спасе. Какие детали позволяют отнести эти строки к праздничному событию в жизни русского народа?

3. В поэзии Б. Ахмадулиной исследователи отмечают некую архаичность, старомодность («Влечёт меня старинный слог»), сочетающуюся с обыденностью. Подтвердите эти наблюдения примерами из стихотворения «Ночь упаданья яблок».

4. Объясните значения слов «полушалки» и «приживалки», при необходимости воспользуйтесь словарём. Какую образную нагрузку в стихотворении несут эти слова?

5*. Обратите внимание на сложный и своеобразный поэтический язык Б. Ахмадулиной. Приведите примеры использования авторских словообразований, эпитетов, метафор, сравнений, олицетворений в прочитанном стихотворении.

Евгений Иванович Носов

Литературные имена России

► Евгений Иванович Носов (1925—2002) принадлежит к военному поколению. По словам писателя, он «из детства вынырнул прямо взрослым парнем. Минуя юность».

Как не повзрослеть, если в шестнадцать — нацистская оккупация, в восемнадцать — фронт, в двадцать — первое ранение, встреча Победы в госпитале и пособие по инвалидности. Тема памяти стала одной из главных в творчестве писателя. Она нашла отражение в рассказах «Костёр на ветру», «Яблочный Спас», «Синее перо Ватолина», «Памятная медаль», «Холмы, холмы...» и др., в которых война безжалостно прошла по судьбам героев.

По словам В. Астафьева, Носов «пишет трепетно, с уважением и памятью погибших», «говорит о вечном нравственном значении памяти».

Другой неизменной темой в творчестве Е. И. Носова была жизнь простого деревенского человека, его нравственные истоки, отношение к земле, природе и ко всему современному бытию: «...вообще тема войны у меня не главная... Главной темой была и остаётся деревня, её насущные проблемы. Но война жива в истории деревни. Ведь общество не привело себя в порядок после войны. Я вглядываюсь в человека деревни, который прошёл войну, знает её суровую правду». ◀

Из первых уст

► И песнь друга, как цветок чабреца, некорыстна с виду, но чист и высок её тон...

В. Астафьев

Израженный на полях сражений, он заживил телесные раны и сумел совершить ещё и духовный подвиг во имя свободы Родины. Писательский талант Евгения Ивановича вскормлен истинно народ-

ной средой. Овеян он, этот талант, высокой поэзией русского языка и державной любовью к России, любовью к её природе, овеян и жалостью ко всем близким и дальним.

В. Белов ◀

Историко-культурный комментарий

► За рассказ «Яблочный Спас» Е. И. Носов получил международную премию «Москва-Пенне». Премия «Москва-Пенне» учреждена в 1996 году при участии Министерства культуры РФ, Союза писателей России, Литинститута им. Горького, Муниципалитета г. Пенне, Оргкомитета итальянской национальной премии по прозе «Город Пенне». ◀

Из первых уст

► Сначала, ребята, следует научиться смотреть вокруг себя, выработать умение видеть в малом, повседневном большое, необыкновенное. Без этого никакие, даже самые экзотические путешествия не принесут вам полной и глубокой радости познания, а будет лишь утолено простое бесплодное сорочье любопытство. Какое-нибудь неприметное озеро тут же, за городом, полно жизни, но какова эта жизнь — для большинства горожан такая же загадка, как тайна планеты Марс. Вот они, дальние неведомые страны, — вокруг тебя! Поля, луга, рощицы, овражки... Вооружайся терпением, вниманием к родной природе и выходи читать увлекательную книгу её жизни.

Е. И. Носов ◀

Памятник Е. И. Носову в г. Курске

Подумайте, почему Е. Носов назвал рассказ «Яблочный Спас». Какое отношение имеет содержание рассказа к традиционному празднику?

Яблочный Спас

В сокращении

Утро клубилось молодыми августовскими туманами, еще лёгкими, не виснувшими на кустах и травах, а кисейно парящими поверх изб и свежих сенных стогов, полня собой всё остальное небесное пространство, уже степленное незримым солнцем, отчего казалось, будто перезвоны какого-то большого праздника сами по себе зарождались в мглистом таинстве встающего погожего дня.

Под этот благовест, то отдалённый, приглушённый туманом, то явственный, со всеми подробностями ликующих подголосков, было мне ново, необычно и радостно колесить в моей старенькой «Ниве» по прежде безмолвной округе, сопричастно глядя на русые скошенные поля в блёстках оброненной соломы, на шумные выводки грачей, облепивших свежие налёты, на забагряневшие верхи степных яруг, опоясанных синеющими ягодами терновника. А пуще гляделось на табунки изнова заведшихся молодых коней — сытых, ладно округлившихся крупами, закосматевших долгими русалочьими гривами, с диковатым поглядом тёмных сливовых глаз, дурашливых от всей этой sprawy и вольницы, гораздых незлобиво куснуть, вскинуться на дыбки друг перед дружкой и огласить пажити забытым ликующим кликом, отдающим дальней запредельной Русью. <...>

Работаем со словом

Бла́говест — колокольный звон в один колокол перед началом церковной службы, а также перед началом важнейшей части литургии.

Зво́бница — часть церковного здания или постройка вблизи него, предназначенная для колоколов; колоколья.

Кисе́йно — от слова *кисе́йный*, сделанный из кисей — лёгкой, прозрачной ткани. Здесь: легко, прозрачно.

Па́перть — крыльцо, площадка перед входом в церковь.

Перезво́н — колокольный звон в один колокол за другим поочередно, начиная с самого большого.

Пребыва́ть в по́слухе (быть послушником) — прислужник в монастыре или у духовного лица, готовящийся к пострижению в монахи.

Тре́звон — церковный звон во все колокола (первоначально — трёхкратный звон с небольшим перерывом).

Яру́га — (*нар.-разг.*) овраг, буерак.

В Малых Ухналях, в попутное селёце по дороге на Ливны, колокол, вновь отлитый, едва поболташки, бойко, истово названивая прямо промеж свежешкуренных столбов, заменявших звонницу. Долгий, хлыстоватый малый с подвижным хвостиком волос на затылке, должно, пребывавший в послухе, со строгим, озабоченным лицом дергал за верёвку, но поскольку колокол был один, без своих разногласных собратьев, то из него ничто нельзя было выколотить, кроме однообразного частозвона, тем не менее привлёкшего немало народа. Тут же из муравы высился сварной обшитый жёстью куполок с кованым ажурным перекрестием, которому после очистки от ржавчины и покраски порошковой бронзой належало стать православным крестом. Однако проходившие мимо старушки готовно крестились на эту незавершённую конструкцию, не дожидаясь, пока её доведут до ума, покрасят и возведут на церковную

кровлю. Сам же храм — обезглавленный, изрядно обветшалый, с порослью берёзок по карнизу, хранивший прежде бумажные кули с химикатами, побелочный мел и негашёную известь, ныне пребывав в лесах, весь в цементных помазках и пластырях и, как всякий больной, безучастно и равнодушно глядел сквозь поржавевшие решётки на узких незастеклённых оконцах, так что приходской священник отправлял свою службу прямо на паперти, возле кем-то принесённого стула, застланного чёрным цветастым платком. К спинке стула была прислонена икона с образом Спаса, строго взиравшего из фольгового оклада. Перед иконой на подносе горело десятка полтора разновеликих свечек, трепетавших на открытом воздухе долгими заострившимися язычками огней и слёзно ронявших к обножью капли горячего полупрозрачного воска. <...>

Между тем люди всё подваливали, протискивались к священнику, развертали перед ним авоськи и узелки с яблоками, и молодой раскрасневшийся иерей в праздничной парчовой фелони и свежей камилавке макал вересковый веничек в детское голубое ведёрко <...> и вдохновенно, с видимым удовольствием, хлёстко окроплял плоды, а заодно и самих соискателей благодати, подставляя затем запястье для поцелуя.

На роившемся пустыре тоже пахло яблоками, но не лёгкими дуновениями, как в открытом поле, а густо, настоянно, будто из большого закрома, в который ссыпали плоды со всех деревень. Яблоки округло, золотисто выпирали и выглядывали почти из каждой шитой и плетёной ёмкости в руках, и каждая поклажа сочилась своим собственным ароматом анисовки, свечовки, крапчатки, всяких новых штрифелей и бельфлёров, которые все вместе и создавали этот пряный праздничный настой.

По небывалому многообразию яблок, радовавших ребятишек, шкодливо пулявших друг в друга кусками, по тому, как встрёпанный мужичонка в новой, глыбисто измятой рубахе сипло выкрикивал, не договаривая слов, какие-то куплеты, пытаясь обнять и облобызывать всякого встречного, <...> а также по тому, как приходской священник <...> исполнял своё необременительное действие, оставлявшее впечатление, будто от взмаха его мокрого веника и рождалось это румяное и ароматное изобилие, грех было не догадаться, что в Малых Ухналях, как и во всей святой Руси, начался Яблочный Спас.

Неподалёку, под старыми церковными липами, расположился яблочный базарчик. Десятка два женщины восседало рядком перед наполненными ведрами. Торговля была рассчитана в основном на приезжих, поскольку этого добра местному жителю не надобно и за даром.

Работаем со словом

Аво́ська — сетчатая сумка для продуктов, мелких предметов и т. п.; сетка.

Ани́совка, свечовка, крапчатка, штрифель, бельфлёр — осенние сорта яблок.

Камила́вка — высокий цилиндрический, с расширением кверху, головной убор православных священников, даваемый как знак отличия.

Фело́нь — (церк.) риза священника в виде длинной и широкой накидки без рукавов.

Иере́й — православный священник.

Щедрая осень. Худ. В. В. Янаки. 2006

Я тоже прошёлся вдоль рядка, приглядываясь к весёлому, бодрому товару, при одном виде которого молодеет и радуется душа.

Яблоки и в самом деле были на загляденье: свежи, румяны, подёрнуты первозданной матовостью осевшего туманца и вообще веяли отменным здоровьем хорошо вызревших плодов. Да и сами женщины, по-праздничному добродушные, гораздые погломить, оживлённо встречали заглянувшего к ним человека и наперебой расхваливали свою продажу бодрими возгласами: «Кому ранней антоновки? Ранней антоновки кому?» или: «Вот анисовка! Только что с ветки! Нигде такой нет, кроме наших Ухналей!»

Неспешно проходя сквозь эти весёлые зазыванья, в конце концов я минул весь рядок и оказался перед самым крайним ведёрком, замыкавшим торговлю. Перед ним на стопке красных кирпичей молча сидела маленькая щупленькая бабулька. На ней был серый презиненный плащик, укрывавший её заострённую, как бы двускатную спину от капли, время от времени падавшей из затуманенных вершин старых деревьев. Насунутый серый козий платок застил ей лицо, оставляя видимыми лишь кончик острого носа и жёсткий, будто из пемзы, серый подбородок, поросший сизыми завитками грубых волос. Всей этой серостью, угловатостью и отрешённой недвижностью она напоминала мне болотную птицу выпь, терпеливо поджидавшую свою случайную поживу.

— Баба Пуля! — окликнула её соседка. — Слышь, баба Пуля! К тебе кавалер! <...>

— Продаёшь? — спросил я с не покидавшей меня весёлостью.

В ответ она извлекла из-под полы мелко дрожащую от старческого тика ладошку и зачем-то переставила на ведёрке самое верхнее яблоко красным боком ко мне.

Кроме этого главного яблока, крупного и румяного, видно, пополнившего роль рекламы, остальные были так себе: выглядели ва-

ловато, даже чуть приморщённо, на иных бурели пятнышки червоточин. Было очевидно, что яблоки вовсе не с ветки и подобраны с земли, где пролежали невесть сколько времени.

Никто не неволил меня покупать именно эти яблоки, рядом продавалось много свежих и крепких плодов. Но, глядя на её держащую за край ведёрка дрожащую руку, обтянутую сухой, ломкой кожей, со вздутыми сизыми прожилками и узловатыми косточками пальцев, похожими на мелкие нитяные катушки, я решил, что сперва куплю у неё, и твердо спросил:

— Почём?

Старушка было открыла сморщенный, измятый рот, готовясь ответить, но слово моё было слишком коротко, так что она, кажется, не успела понять вопроса.

— Вы ей погромче, — подсказала соседка. — Колокол звякает, не слышно ей.

Я напряг голос и спросил попросторней:

— Хочу, мать, купить твои яблоки. Почём продаёшь?

— Продам, продам... — закивала она, оттопыривая платок над ухом.

— И почём же? Что, говорю, просишь за ведёрко?

— А-а, что просить-то... Сколь дашь, милый.

— Надо ведь знать, что давать.

Разумеется, цена для меня не имела значения, и я спрашивал о ней только затем, чтобы дать старушке, кроме денег, ещё и некое удовлетворение от её убогой торговельки.

— На свечку дашь, дак и на том — спаси тя Господь, — положила она цену.

— Что так мало?

— Будя... Душа малостью живёт, у неё своя пища.

— Свечку я тебе и за так куплю, — сказал я с весёлой щедростью. — А, поди, душа не только свечек, но и хлеба просит?

— Ну, ежели мать свою помнишь, добавь и на хлебушко. — Она заглянула мне в глаза, и её измятое временем лицо степлилось слабой улыбкой. — Уж и не знаю, каких они сортов, а яблоки хорошие, не кислые. Возьми попробуй. <...>

Яблоки я всё-таки взял, отнёс в багажник и, воротясь с пустым ведром, спросил обрадованную Лукьяновну, не продаст ли она ещё сколько-то.

— Ой, мила-ай! Да хоть все забери! — готовно согласилась старушка, однако предупредила, что хотя живёт она и не так далеко, но туда, за ручей, проезду теперь нет, так что, если я согласен, то к ней идти надобно пешком.

Я согласился, взял в машине порожний рюкзак, и мы пошли. <...>

— Вон, вишь, дом на краю починка?

— Куда глядеть — направо или налево? — не понял я.

— Налево который.

— А который налево — он без крыши...

— Ну да, ну да... — закивала Лукьяновна. — Он самый.

— И окна пустые, без рам... Нежилой, что ли?

Работаем со словом

Булгáктер (обл.-разг.) — бухгалтер.

Красные петухи — языки пламени.

Однова́ (обл.) — однажды, один раз.

Почи́нок (обл.) — небольшой новый посёлок; выселок.

— Как это нежилой? — обернулась Лукьяновна. — Я в ём и живу.

— Он что, горел, поди: брёвна чёрные?

— Я вот и рассказываю... — Она снова повернулась на ведёрке, буди на винтовом сиденье. — Ну, милый, живу я в этом доме, годки бегут.

Схоронила матушку, одна осталась... Вот те, приезжает дочь Сима. Она тади в Хрустальном Гусе жила, работала главным булгактером.

Отворяет дверь и ещё с чемоданом в руке сразу в слёзы: «Мама, пропадаю, выручай!» — «Что такое?» — «Сильно я растратилась, большой за мной недочёт. Вот приехала, спасай чем можешь. А ш то — десять лет мне дадут». — «Да чем же я тебя спасу, говорю ей, шутки, что ли?» — «Ой, да какие шутки, какие шутки? Я дома уже всё продала, что можно, и всё равно не хватает». — «Да я-то что продам — ничего нетути». А она мне: «Давай, мама, продай часть дома. Ты себе кухню с печкой оставь, тебе главное, чтоб печка, а на остальное покупателей поищем...» Жалко мне дочку стало: а ну и вправду посадят, да и продала я две чистых комнаты проезжим цыганам. Как раз зима надвигалась, они хорошие деньги дали.

Всё получилось удачно. Сима уехала в Гусь расплачиваться, а днями вот они — новые хозяева в двух кибитках. Сколь их повезло, ах, в глазах рябко... Мал мала меньше, и все босые да черные, как таракашки. Кто чугулки волокёт, кто подушки. Тут же окна сделали себе отдельную дверь, а в другое окно вывели трубу от буржуйки. Всю неделю праздновали новоселье, одни приезжали, другие уезжали... За стенкой дни и ночи бил барабан, бубны звякали, стёкла в окне дребезжали. Однова просыпаюсь — чтой-то домом пахнет? Я бы и ничего, да прежняя моя кошка вот как забегала — то под кровать, то на печку, места не находит. Выбежала на улицу, гляжу, цыгане тоже повыскакивали, галдят, руками машут, а из их окон красные петухи выпрыгивают... Хорошо, добрые люди в пожарку сообщили. У нас, в Ухналях, прежде своя пожарная машина была. Машина-то была, а моста уже не было. По кругу объезжали, уже и крыша занялась. Так что от всего дома одна моя каморка и осталась. Успели отбить её от огня.

— А что же цыгане?

— И-и, милый! Запрягли лошадей — и с концами!

— И что, разве дом уже нельзя поправить?

— Да где же я возьму столько капитала?! — Лукьяновна в сердцах опять насунула на голову платок и, кряхтя, упёршись руками в колени, тяжело поднялась со своей сижки. — Это ж сколь надо денег-то? Крышу покрыть, стены от горелого образить, да полы с потолками, а ещё рамы на окна... Теперь гвозди небось сто рублей штука, а у меня пенсия с гулькин носок, да и ту не всяк месяц дают...

— Да-а... Ну а власть? Разве её не коробит пожарище? Должна бы помочь...

— Какая власть, мила-ай! — Лукьяновна воздела кверху пустое ведро. — Теперь в Ухналях нетути никакой власти. На том месте замок повешен. Уж и поржавел, поди...

Она побрела на узволок едва приметной тропкой, валко раскачиваясь при каждом переступе шлёпанцев. Я пошёл следом, все ещё прикидывая всякие ходы что-либо сделать.

— Ну хорошо, а дочь? — сказал я громко и убеждённо. — Разве она не обещала помочь? Было бы справедливо... Ведь ты же ей помогла?

— Ничего я не помогла. Всё было впустую. И дом извела зазря, и деньги цыганские суда не упредили, — задышливо отозвалась Лукьяновна. — А теперь и самой Серафимы нету... <...>

Дом пострадал больше всего с фасада, будто обгорело его лицо. На выселковую улицу, на луг и речку, на все Ухнали из обугленного ребрастого сруба пусто глядели проёмы окон, сквозь которые виделась поросль молодых клёнов и безоблачная синева. <...>

Замок наконец открылся, и я вслед за Лукьяновной машинально вошёл в жильё, на большей части которого располагалась обширная печь прежних времён, занавешенная посконью. Оставшегося места хватало лишь на топчан, сундук и двусторчатый стол у оконца. Единственную табуретку приткнуть уже не было куда, и она неприкаянно обитала на середине келейки. Поверху же, на уровне глаз, разместились: над сундуком — подвесной посудничек, в углу, за лампадкой, тёмная иконка Смоленской Одигитрии, а над топчаном, в общей раме за стеклом — с десяток разновеликих фотографий. Всё здесь впору лишь для одного человека, другой был бы уже лишним. Таковым и почувствовал я себя, когда присел на предложенную табуретку, сразу заняв все кубы и квадратные метры.

Работаем со словом

Задышливо — задыхаясь.

Келья (келейка) — жилище монаха, монахини в монастыре (отдельная комната или жилище).

Узвóлок (обл.) — пригорок, подъём.

Поско́нь (устар.) — домотканый холст из конопляного волокна.

Историко-культурный комментарий

► Икона Смоленской Одигитрии (греч. «путеводительница») — чудотворная икона Пресвятой Богородицы. По преданию, икона Божией Матери была написана святым евангелистом Лукой во время её земной жизни. На Русь образ попал в 1046 году. Греческий император Константин IX Мономах (1042—1054), выдавая свою дочь Анну за князя Всеволода Ярославича, сына Ярослава Мудрого, благословил её в путь этой иконой. После смерти князя Всеволода икона перешла к его сыну Владимиру Мономаху, который перенёс её в начале XII века в Смоленскую соборную церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы. С того времени икона получила название Одигитрия Смоленская. ◀

Тем временем Лукьяновна сняла плащ, размотала платок, повесила одежду у двери на гвоздик и осталась в каком-то казённого вида сером халате, коишивали уборыщицы, разнорабочие и прочие подсобники, отчего стала похожей уже не на выпь, а на какую-то ещё меньшую серенькую птаху, привыкшую к тесноте своей клетки, напёрстку воды и щепотке проса. <...>

Ещё раз оглядев каморку и набредя взглядом на рамку с фотографиями, я заинтересовался, есть ли она на этих снимках.

— Я-то теперь не вижу, кто где... Гляди сам... Мы там трое в карточке.

— Здесь втроём только какие-то военные...

— Ну, дак это и есть мы... Я с подружками.

— Ты разве и на фронте побывала? — изумился я.

— Была, была я, милай, а то как же... Была-а.

Я приблизился лицом к давней пожелтевшей открытке: в самом деле, это были три девушки, которых я сперва принял за парней. Все трое — коротко подстриженные, в сдвинутых на висок пилотках, просторные воротники гимнастёрок обнимали тонкие подростковые шеи.

— И которая из них ты? — спросил я, не узнавая молодую Лукьяновну.

— А вот гляди: справа — Зина Крохина, слева — Хабиба... а была фамилию... а промеж ими — я, востроносая...

— А тебя-то как звать? Я слышал, женщины тебя бабой Пулей окликали. Это что — имя такое?

— Да не-е... — отмахнулась Лукьяновна, будто отстранила не нужное. — Не Пуля я... Меня в девках Дусей звали... Евдокией стало быть. А Пуля — это по-уличному. Ежели пойду куда, а меня — Пуля да Пуля... Правильно уж и не зовут... Небось забыли, что я по крещению-то Евдокия. Дак я и сама иногда забываю кто я. На Пулю здравкаюсь... Это ребятинки, охальники, такое прозвище прилепили, да и пошло...

— Что так?

Лукьяновна сидела на краю топчана, расслабленно опустив руки на колени. Её правая кисть мелко подрагивала, и она бережно, неуверенно, оглаживала её левой ладонью.

— Ить я на фронте снайперкой была... — сказала она, глядя в свои руки.

— Снайпером?! Да ну! — изумился я такой неожиданности. — И как же так получилось?

— Да вот так и получилось... Я девкой и ружья-то близко не имела, не то чтоб стрелять... А тут собралась учиться. Спровадила торбочку, попрощалась с Ухналями, с отцом-матерью и укатила в Тамбов. Там тади был техникум работников пищеблока. Подала учиться на повара. Проучилась я девять месяцев, вот тебе война. Ученье наше порушилось, годных учителей позабирали, практиков отменили... Говорили, всех на окопы повезут. А немец уж от Москвы близко. Тут приехал какой-то дядька. Собрали нас, а он спрашивает, кто из девушек хочет на радистку учиться? Сейчас, говорит, очень радистки нужны. Многие стали записываться, ну и

с ними. Отобрал он двадцать человек, с каждой в отдельной комнате поговорил, про отца-мать расспрашивал, про членов Политбюро...

Выдали нам хлеба с консервами, повезли аж в Казань. Там поместили в каком-то пустом складе, оконца под потолком. День сидим, другой — никто ничего. А потом приходит тот дядька и говорит, что радисток уже набрали, больше не требуются, а нас направят учиться на снайперок... Ну, остригли нас коротко, сводили в баню, дали всё военное. Сперва винтовку разбирали, учили залезать на дерево, ползать по-пластунски, чтоб ни одна ветка не хрустнула. Потом стали по бумажным фашистам стрелять. Я сперва сильно мазала: больно винтовка тяжёлая. А которые хорошо попадали, те свои мишени на память берегли, чтоб потом домой переслать. А на ту карточку мы снялись перед самой отправкой. Зина Крохина, я и Хабиба... Я — которая посередке, востроносенькая. Ну, дак совсем сыроежки зелёные... Крохину вскорости на позиции убило, и месяца не пробыла. А с Хабибой — вот не вспомню фамилию — вместе аж до Лук дошли. А уже там она пропала без вести. Пошла на свою снайперскую скрадку и не вернулась. <...> Мне тоже досталось.

Лукьяновна крюковатыми пальцами отгребла с левой стороны клочок пожелтелой седины и повернулась ко мне виском:

— Во, вишь?

Под откинутой прядью я с содроганием увидел багровые лохмотья уха.

— Это меня ихний снайпер. Промажнулся малость. Далековато было...<...>

— И в каких же местах тебя ранило? На каком фронте?

— А всё под Луками... А какой фронт, уж и не упомяну. Многое из головы повыдуло. Где была, по каким местам на брюхе ползала... Тади, как ухо мне отшибло, всего-то и поошивалась я в санчасти недели две. Печки топила, старые бинты стирала, картошку чистила, пока ухо не засохло шкварками, да и опять — за винтовку. Взводный смеется: «Ты, Дуська, хоть в бинтах не высовывайся, намотай сверху обмотку, она зелёная, не так заметна. А то прошлый раз немец дуру дал, а теперь аккурат под бинты вмажет».

— Ну, а сама-то много нащёлкала?

— Немцев-то? А леший их знает...

— Ты что же, счёт не вела?

— А-а... — привычно отмахнулась Лукьяновна.

— Ну как же... Говорят, многие снайперы на прикладе зарубки делали. Кокнул немца — чик ножичком, кокнул другого — ещё раз чикнул.

— Пустое! — поморщилась Лукьяновна. — То всё газеты брехали. Откудова знать, попала пуля или промазала? Это тебе не в тире: не пойдёшь потом проверять...<...>

Муторно на душе, липко как-то. Ешь — кусок дерёт, от людей воротит... Наверно, бабу нельзя этому обучать. Её нутро не прини-

Работаем со словом

Великие Луки — город в Псковской области.

Подсобник (разг.) — подсобный рабочий.

Политбюро — сокращение; политическое бюро Центрального комитета КПСС; в СССР — руководящий орган Коммунистической партии Советского Союза.

мает, чтой-то в ней обламывается. ...Иная, может, потом отойдёт, а у которой душа так и останется комком... <...>

— Что ж, Евдокия Лукьяновна, до логова удалось ли дойти? — спросил я, снова принимаясь разглядывать её военную фотографию.

— Чего говоришь?

— В Германии, говорю, удалось побывать?

— А-а, в Германии... Не, милай, этого не пришлось.

— Что так?

— Да была причина. Не сдюжала я... Дошла токмо до Литвы и то до Латвии, никак не запомню, которая из них. Помню разве городок, где стояли...<...>

Поместили меня в лазарет, а там и открылось, что я третий месяц в положении...

Поймав мой недоуменный взгляд, Лукьяновна неожиданно повысила голос, запричётывала с укоризной:

— Чего глядишь так-то? Что было, то и говорю. Девке трудно сохраниться на войне. Всяк вокруг тебя трётся... <...> Отмахивалась, отмахивалась, да и выбрала себе охранщика, чтоб хоть остальные б не липли. А мово охранщика взяло да и убило тем же летом под Опочкой. И убило-то нехорошо — бомбой, прямым попаданием. Токмо сапог от него нашла. Выковырнула оторванную ногу, схоронила в утайке, а сапог отмыла и себе взяла на память...

— Да я ничего, — смутился я таким поворотом нашей беседы. — Это тебе, Евдокия Лукьяновна, показалось, будто я чего-то...

— Ну, доскажу уж... — Лукьяновна умиротворённо погладила меня. — Оклемалась я в лазарете, выписали мне литер, дали два куса мыла, пять пачек перловки, запихнула всё в вещмешок, туда же положила тот его сапог и покатила в свои Ухнали Симку допшивать, сама будто подстреленная... А, да ладно про то... Чего уж жизнь миновала... А сапог я и доси берегу, там вон, в сундуке. Достану когда, поплачу, поразговариваю... <...>

Натрусить рюкзак яблоч большой сноровки не надобно. Через каких-то полчаса я уже попрощался с Лукьяновной.

Шёл вниз и оглядывался: что мешало ровному ходу...

Перед мостком я ещё раз оглянулся.

От переправы к каждому заречному двору по узволоке вела свой троп — белёсая лента по кудрявой мураве. Поискал я и тропу Евдокии Лукьяновны, но на зелёном суку косогора виднелись одни только

редкие стежки... Сама же баба Пуля всё ещё стояла возле своей оплётной избы, держа на руках чёрно-белого кота, ближайшего родственника, имя которого я не сподобился спросить.

А над речкой, над её притенёнными водами, опять мелькала ярко-жёлтая бабочка — наверняка другая, но мне казалось, будто всё ещё та, утренняя, потерявшая что-то в поречных ивниках...

Или она сама чья-то потерявшаяся душа...

Работаем со словом

Литер — документ на право бесплатно или льготного проезда (с обозначенной на нём условной буквой).

Доси — до сих пор.

Стёжка (разг.) — тропинка, дорожка.

- Повести и рассказы Е. И. Носова:
Красное вино победы. Кукла.
Шумит луговая овсяница.
Объездчик.
За долами, за лесами.
Варька.
И уплывают пароходы, и остаются берега.
Шопен, соната номер два.
Усвятские шлемоносцы. ◀

Размышляем над прочитанным

1. Из каких смысловых частей состоит рассказ? Озаглавьте каждую из них, коротко передайте содержание. От чьего имени ведётся повествование в рассказе?
2. Почему героиня рассказа получила прозвище Пуля?
3. Как характеризуют героиню её слова: «что было, то было», «не сдюжила я...», «душа малостью живёт, у неё своя пища»? Определите и назовите главные черты характера Евдокии Лукьяновны.
4. Опираясь на текст рассказа, дайте портретную характеристику Евдокии Лукьяновны.
5. Охарактеризуйте речь бабы Пули, приведите примеры диалектной, военной и советской лексики.
6. Как меняется настроение рассказчика к концу повествования и почему? Как вы понимаете финал рассказа?
- 7*. Как вы думаете, можно ли сказать, что идея рассказа связана с главным смыслом праздника Преображения? Аргументируйте свой ответ с опорой на текст и вступительную статью к данному разделу учебника.
8. Может ли картина В. В. Янаки «Щедрая осень» служить иллюстрацией к рассказу Е. И. Носова «Яблочный Спас»?
9. Рассмотрите фотографию девушек-снайперов. Представьте себе, что баба Пуля — одна из этих девушек. Расскажите, какой героиня была в молодости.
- 10*. Е. И. Носова критики называли одним из самых «тихих» и уединённых лириков в современной прозе. Согласны ли вы с таким мнением? Аргументируйте свой ответ.

ТЕПЛО РОДНОГО ДОМА

Родительский дом

Нет драгоценнее воспоминаний у человека, как от первого детства его в родительском.

Ф. М. Достоевский

В сознании русского человека с давних времён понятие рода связано с родительским домом, с родной землей, с Родиной. Древнерусский архетип дома осмысливается и в фольклоре, и в древнерусской, и в русской классической литературе. Одним писателям Родина видится в образе родного дома, другим — в образе России, родного города, села. Понятия «родная земля», «родительский дом» нашли отражение в творчестве великих русских художников слова. Вспомните выдающиеся строки А. С. Пушкина:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

1830

В представлении любого народа дом всегда был источником тепла и света, мира и спокойствия, символом благополучия и богатства. С домом связана вся жизнь человека. Молодые создавали свой дом и семью по образцу уклада жизни в родительском доме.

Дом противопоставлялся внешнему миру и потому являлся объектом разнообразных ритуалов, совершаемых для его защиты и ограждения от злых сил.

Хранителем семейных тайн и спокойствия в славянской мифологии был домашний дух, покровитель дома — Домовой. Обычно его представляли в виде древнего старика с большой седой бородой, в белом или красной рубашке. Считалось, что без Домового и дом держаться не станет. В народе почитались и другие домашние духи, такие как Банник, Дворовой, Овинник.

Работаем со словом

Архетип — (от греч. *arche* начало + *typos* образ) первичный образ, древняя форма, прообраз, прототип.

Историко-культурный комментарий

► Домовой — хозяин и покровитель дома, семьи, скота и хозяйства в целом. Русские считают, что без Домового «дом держаться не станет». Домовой выполняет все хозяйственные работы: поддер

живает огонь в печи, убирает дом, сушит зерно, ухаживает за скотом и даже охраняет дом от воров. Если его рассердить, он наносит вред хозяйству, пугает людей, шумит по ночам в подполе или на чердаке.

*Славянская мифология.
Энциклопедический словарь*

Домовой у восточных славян чаще всего именуется по месту своего обитания: у русских — домовый, домовый дед, у белорусов — дамавик, хатник, у украинцев — домовик. Домового представляют старшим членом семьи. Об этом говорят и его названия. Русские называют домового хозяин, избенной большак, дедушко-браток, хозяйнушко мохнатый, кормилец. Белорусы — дамавой хазяин, господарь, самый на́большой, дяденька, браток, дед, свойский. Украинцы называют его хозяин, дід.

Е. Е. Левкиевская ◀

Из первых уст

► Русские пословицы и поговорки

Купил дом и с домовыми. Дом домом, а домовый даром.

Домовой пошутил: лошадь в подворотню протасил.

Домовой тешится, леший заводит, а водяной топит.

Вертит, как домовый на конюшне.

Домовой по ночам стучит и возится, выживая хозяина.

Домовинов (домочадцев, семьи) нет, так есть домовый.

Домовой (дедушка, соседко) лошади гриву завил.

Конь ко двору пришёлся: соседко колтун сколтунил.

Управляются с домовым, либо выживая, либо задабривая его.

В. И. Даль. Пословицы русского народа ◀

В русской литературе обращение к славянским мифологическим образам связано с возросшим интересом в русском обществе на рубеже XVIII—XIX веков к русской старине. Так, А. С. Пушкин обращается к мифологическому хранителю домашнего благополучия в стихотворении «Домовому». Стихотворение написано поэтом летом 1819 года во время его пребывания в родовом поместье в Михайловском. Поэт напрямую обращается к Домовому с просьбой оградить его «скромную обитель» от неприятно-

Домовой

стей и опасности. Здесь поэта ждут, здесь он чувствует прилив творческих сил и вдохновения.

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес, и дикий садик мой,
И скромную семью моей обитель!

Родной дом наполнен воспоминаниями о детстве, о радостных, а порой и печальных событиях, от которых сердце наполняется счастьем или горечью. О ностальгии по родному дому речь идёт в произведениях А. П. Платонова «На заре туманной юности» и В. П. Астафьева «Далёкая и близкая сказка», с которыми вам и предстоит познакомиться.

Вопросы и задания

1. С чем ассоциируется у вас слово «дом»? В каких значениях оно используется сегодня? Подберите синонимы к понятию «родительский дом».
2. В мифологии Древней Руси наряду с Домовым к домашним духам относились Банник, Дворовой, Овинник. Как вы думаете, почему их так называли?
3. В каком значении употребляется слово «пепелище» в стихотворении А. С. Пушкина? Как это слово используется в современном русском языке?

Андрей Платонович Платонов

Литературные имена России

► **Андрей Платонович Платонов** (1899—1951) (наст. фамилия — Климентов) — один из самых талантливых литераторов первой половины XX века.

Родился писатель «на прекрасной живой» Воронежской земле, с которой многое связано в его самобытном творчестве. Он рано начал работать, о чём позже писал: «Я жил и томился, потому что жизнь сразу превратила меня из ребёнка во взрослого человека, лишая юности. До революции я был мальчиком, а после неё уже некогда быть юношей, некогда расти, надо сразу нахмуриться и биться...» Во время гражданской войны Платонов, будучи военным корреспондентом, заявил о себе как талантливый писатель, поэт и критик, хотя своей основной специальностью Андрей Платонович называл электротехнику. Не случайно первая книга, опубликованная в 1921 году, называлась «Электрификация». В следующем году в свет вышла книга стихов Платонова «Голубая глубина». Так начался его творческий путь.

Рассказ «На заре туманной юности» впервые был опубликован под названием «Ольга» в журнале «Новый мир» в 1938 году. Позже он был переименован. Новое название рассказа было позаимствовано из стихотворения Алексея Кольцова «Разлука». ◀

Из первых уст

▶ Андрей Платонович Платонов — человек, хорошо видящий и знающий свою родину. <...>

У него блистательное знание языка, необыкновенное чувство пейзажа и глубокое знание человека.

Он — один из пятёрки-шестёрки лучших советских писателей. Через сердце писателя, как через блок, бежит верёвка, поднимающая тяжесть подвига и жертвы.

В. Б. Шкловский

Платонов — фигура рубежа, он находится на самой линии разрыва между жизнью и смертью, между Богом и человеком, человеком и машиной, человеком и природой. Он этот разрыв пропустил через сердце, пытаясь соединить несоединимое, и, быть может, в этом пограничье и таится ключ к его творчеству и Судьбе.

А. Н. Варламов ◀

Содружество муз

▶ На стихи известного русского поэта первой половины XIX века Алексея Васильевича Кольцова написано множество песен и романсов. Особой популярностью пользовался романс, созданный на стихотворение «Разлука» (1840) известным композитором Александром Львовичем Гурилёвым. Слушатели были очарованы глубиной содержания и музыкальностью стихов, рассказывающих о личной трагедии поэта, о его чувствах к крепостной девушке Дуняше.

«На заре туманной юности / Всей душой любил я милую: / Был у ней в глазах небесный свет. / На лице горел любви огонь».

Фразеологизм «на заре туманной юности» употребляется в значении «в годы ранней юности» (с оттенком сожаления о прошедших временах). ◀

Человеку свойственно воспринимать уют родного дома и любовь близких как что-то естественное и непреложное. Лишаясь этого, он начинает по-настоящему ценить родительскую любовь и семейное благополучие.

Прочитайте главы из рассказа А. П. Платонова «На заре туманной юности». Что пришлось пережить юной героине? Каким вам видится её будущее? Над чем сюжет рассказа заставляет задуматься?

На заре туманной юности

Главы из рассказа

1

Родители её умерли от тифа в гражданскую войну в одну ночь. Ольге тогда было четырнадцать от роду, и она осталась одна, без родных и без помощи, в маленьком посёлке при железнодорожной станции, где отец её работал составителем поездов. После того как отца и мать помогли похоронить соседи и знакомые, девочка жила ещё несколько дней в пустой, выморочной квартире из кухни и комнаты. Ольга вымыла полы в кухне и комнате, прибралась и села на табурет, не зная, что ей делать дальше и как теперь жить. Соседка-бабушка принесла девочке кулеш в чашке, чтобы сирота, бывшая худой и не по летам маленького роста, поела что-нибудь, и Ольга скушала всё без остатка. А когда бабушка ушла, Оля начала стирать бельё: рубашку матери и подштанники отца, что от них сохранилось из белья и верхней одежды. Вечером Ольга легла спать на койку, где спали всегда отец с матерью, когда они были живые и больные. Наутро она встала, умылась, прибрала постель, подмела комнату и сказала: «Опять надо жить!» — так часто говорила её мать. Затем Ольга пошла в кухню и стала там хлопотать, точно она, подобно умершей матери, стряпала обед; стряпать было нечего, не было никаких продуктов, но Ольга всё же поставила пустой горшок на загнетку печки, взяла чаплю, оперлась на неё и, вздохнув, пригорюнилась около печи, как делала мать.

Потом она перетёрла и составила в ящик стола всю посуду, посмотрела на часы, подтянула гирю к циферблату и подумала: «Не то отец вовремя придёт с дежурства, не то запоздает? Если будет

формироваться маршрут, то опоздает» — так обычно думала мать Ольги, называя своего мужа отцом. Теперь девочка-сирота тоже думала и поступала подобно матери, и ей от этого было легче жить одной. Она знала, что ей четырнадцать лет и её зовут Ольгой, но, когда она делала вместо матери все дела по хозяйству, когда она повторяла её слова, вздыхала от нужды и тихо томилась на кухне, девочка воображала себе, что мать её ещё жива в ней немного, она чувствовала её вместе с собою.

Вечером Ольга зажгла лампу, в ней был на дне керосин, налитый

Работаем со словом

Выморочный (офиц.) — оставшийся без хозяина после смерти владельца, не имевшего наследников или преемников.

Загнётка (печи) (трад.-нар.) — место на шестке или в самой русской печи (около устья), куда загребают жар.

Кулеш (нар.-разг.) — жидкая каша, размазня, похлёбка, сваренная из пшена, какой-л. другой крупы или муки с салом.

Чапля, чápельник (сковоро́дник) (обл.) — кухонная принадлежность, предназначенная для захватывания сковороды.

когда-то отцом, и поставила огонь на подоконник. Так же делала и её мать, когда ожидала отца в тёмное время. Отец, подходя к дому, ещё издали кашлял на улице и сморкался, чтобы жена и дочь слышали, что идёт отец. Но теперь на улице было постоянно тихо; народ разошёлся по сельским хлебным местам либо лежал в своих жилищах слабый и болезненный, а в некоторых дворах вовсе вымер. Ольга всё же дотемна ожидала отца или кого-нибудь, кто бы пришёл к ней, но никто не вспомнил о сироте — ни бабушка-соседка, ни другие люди, потому что у них была своя боль и своя забота. Тогда она легла в кровать родителей и уснула одна.

Девочка прожила дома ещё два дня, переночевала, а потом ушла на станцию. Далеко от неё, в губернском городе на Волге, жила её тётка; она приезжала два года тому назад гостить к матери и была в воображении Ольги богатой и доброй. Тётка была сестрой матери, она даже походила на неё лицом, и девочка хотела сейчас поскорее уехать к ней, чтобы жить около тётки и не скучать по матери. Болея перед смертью, мать говорила, что если Ольге суждено жить, то пусть она едет к тётке, чтобы не оставаться одной на свете; сестра матери и накормит сироту, и обошьёт, и отдаст в учение. Теперь дочь вспомнила мать и послушалась её.

На вокзале было пустынно; война с буржуями отошла в южную сторону. На железнодорожном пути против вокзальной платформы стоял один небольшой, старый паровоз и два пустых товарных вагона. Из будки паровоза на девочку глядел помощник машиниста; он помнил её отца и мать, и знал, что они скончались, поэтому позвал сироту на машину. Девочка влезла по трапу на паровоз; механик развязал красный платок с пищей и вынул оттуда четыре печёные картошки; затем он погрел их на котле, посыпал солью и дал Ольге поесть две картошки, а две съел сам. Ольге захотелось, чтобы механик взял её к себе домой, она бы стала у него жить и привыкла бы к нему. Но паровозный механик ничего не сказал девочке доброго, он только покормил её и спрятал обратно свой пустой красный платок. Он сам был многодетный человек и не мог решить, сможет ли он прокормить лишний рот.

Ольга просидела на паровозе до самых вечерних сумерек, пока не подъехал к вокзалу длинный поезд с вагонами-теплушками, в которых находились красноармейцы.

— Я теперь пойду, мне к тётке ехать надо, — сказала Ольга механику. — Мне мать велела, когда она ещё живая была.

— Раз надо, тогда езжай, — сказал ей механик.

Ольга сошла с паровоза и направилась к красноармейскому поезду. Все вагоны были открыты настежь, и почти все красноармейцы вышли наружу; некоторые из них ходили по вокзальной платформе и смотрели, что находится вокруг них — водонапорная башня, дома около станции и далее их простые хлебные поля. Четыре красноармейца несли суп в цинковых вёдрах из станционной кухни; Ольга близко подошла к тем вёдрам с супом и поглядела в них: оттуда пахло вкусным мясом и укропом, но это было для красноармейцев, потому что они ехали на войну и им надо быть сильными, а Ольге кушать этот суп не полагалось.

Работаем со словом

Вагон-теплушка (разг.) — отапливаемый товарный вагон, приспособленный для перевозки людей.

Около одного вагона стоял задумчивый красноармеец; он не спешил идти обедать и отдыхал от дороги и от войны.

— Дядя, можно я тоже с вами поеду? — попросилась Ольга. — Меня родная тётка ждёт...

— А она где отсюда проживает? — спросил красноармеец. — Далече?

Ольга назвала город, и красноармеец согласился, что это — далеко, пешком не дойдёшь, а с поездом завтра к утру, пожалуй, поспеешь туда.

В это время к вагону подошли два красноармейца с ведром супа, а позади них ещё несколько красноармейцев несли в руках хлеб, махорку, кашу в кастрюле, мыло, спички и прочее довольствие.

— Вот тут девочка доехать до тётки просится, — сказал красноармеец своим подошедшим товарищам. — Надо бы взять её, что ли...

— А чего нет — пускай едет! — сказал красноармеец, прибывший с двумя хлебами под мышками. — В невесты она не годится — мала, а в сёстры — как раз...

Ольгу посадили в вагон, дали ей ложку и большой ломоть хлеба, и она села среди красноармейцев, чтобы есть общий суп из цинкового чистого ведра. Вскоре один красноармеец заметил, что ей неловко есть, сидя на полу, и он велел ей встать на колени — тогда она будет доставать ложкой погуще со дна, будет видеть, где плавает жир и где находится говядина.

После ужина поезд тронулся. Красноармейцы уложили Ольгу на верхнее помостье, потому что там было теплее и тише, а сверху укрыли её двумя шинелями, чтобы она не продрогла от ночной или утренней прохлады.

2

Поздно утром красноармейцы разбудили Ольгу. Поезд стоял на большой станции; незнакомые паровозы чужими голосами гудели вдалеке, и солнце светило не с той стороны, с какой оно светило в посёлке, где жила Ольга. Красноармейцы подарили Ольге половину печёного хлеба и ломоть сала и опустили её из вагона под руки на землю.

— Тут твоя тётка живёт, — сказали они. — Ступай к ней, учись и вырастай большая, в твоё время хорошо будет жить.

— А я не знаю, где тётка живёт, — произнесла Ольга снизу; она стояла теперь одна, в бедной юбчонке, босая и с хлебом под мышкой.

Памятник А. П. Платонову
в Воронеже. 1999

— Сыщешь, — ответил задумчивый красноармеец. — Люди укажут.

Но Ольга не уходила; ей хотелось остаться с красноармейцами в вагоне и ехать с ними, куда они едут. Она уже привыкла к ним немного, и ей хотелось каждый день есть суп с говядиной.

— Ну, иди помаленьку, — поторопили её из вагона.

— А вы сказали, мне хорошо будет, а когда? — спросила она, боясь сразу уходить к тётке, неизвестно куда.

— Потерпи, — ответил ей прежний, задумчивый красноармеец. — Нам сейчас заботы много: белых надо покончить.

— Я потерплю, — согласилась Ольга. — А теперь до свиданья, я к тётке пошла.

Тётку она отыскала лишь к самому вечеру. Она спрашивала всех встречаемых, у кого лица были добрее, но сперва никто не знал, где живёт Татьяна Васильевна Благих. Хлеб у Ольги отобрал один прохожий человек, который попросил откусить один раз, но взял весь хлеб и ушёл в сторону, сказав девочке, что хлебом спекулировать теперь воспрещается. Ольга съела поскорее всё сало, которое дали ей красноармейцы, чтобы его никто больше не отнял, и вошла в один двор — попросить напиток. Пожилая женщина вынесла ей кружку воды и сказала, что больше подать нечего.

— А я не побираюсь, я к тётке приехала, — сказала Ольга.

— А кто ж твоя тётка-то? — с подозрением спросила дворовая женщина.

Ольга подробно назвала свою тётку; тогда женщина почему-то вздохнула и указала девочке, куда надо идти: направо за угол, и там будет третий дом по левой стороне с некрашеными ставнями, там и живут Благих, муж и жена, а детей у них нету.

— Нету? — спросила Ольга.

— Нету, — подтвердила женщина, — у этих людей дети рожаться не любят.

Ольга нашла небольшой деревянный дом с некрашеными ставнями, вошла во двор, заросший дикой травой, и постучала в запертые сени. Оттуда послышался недовольный, тихий голос, затем шаги, и дверь отворилась — она была закрыта на засов и щеколду, как на ночь. Босая, простоволосая тётка Татьяна Васильевна вышла к Ольге и осмотрела всю девочку. Ольга увидела перед собой тётку; она думала, что тётка была весёлой и доброй, какой Ольга запомнила её в детстве, когда Татьяна Васильевна жила в гостях у отца и матери, а теперь тётка глядела на девочку равнодушными глазами и не обрадовалась, что к ней приехала круглая сирота.

— Ты что сюда явилась? — спросила тётка.

— Мне мать велела, — произнесла Ольга. — Она ведь теперь умерла вместе с отцом, а я одна живу... Тётя, их больше нету!

Татьяна Васильевна подняла конец фартука и вытерла глаза.

— Наша родня вся недолговечная, — сказала она. — Я ведь тоже только на вид здорова, а сама не жилица... И-их, нет, не жилица!

Ольга с удивлением смотрела на тётку — теперь она казалась ей доброй, потому что грустила об умершей сестре и о самой себе.

— Живёшь-живёшь, и погоревать некогда, — вздохнула Татьяна Васильевна. — Ты ступай покуда посиди на улице, — указала она племяннице, — а то я сейчас полы только вымыла, уборку сделала, пустить тебя некуда...

— А я на дворе побуду, тут трава у вас растёт, — сказала Ольга. Но Татьяна Васильевна рассердилась:

— Нечего тебе на дворе тут делать! Здесь у нас куры ходят, они и так не несутся, а ты пугать их будешь сидеть. А траву мы косим на корм кроликам, ходить по ней нельзя... Ступай по тропинке за ворота!

Ольга вышла на улицу; посредине её лежали сложенные в штабель старые ржавые рельсы, и между ними уже много раз вырастала и умирала трава, и теперь она снова росла. Девочка села на эти рельсы — они находились как раз против окон того дома, где жила тётка, — и стала ожидать, когда высохнут полы в комнатах у тётки, и тогда её позовут и накормят.

Но прошли уже все прохожие, проехали крестьяне на телегах в свои деревни и ломовые возчики, возившие пшено в мешках со станции, перестали ездить, — наступил вечер, и стало темно. У Ольги озябли голые ноги, она их поджала ближе к себе и задремала, сидя на стынущем рельсе. Затем, открыв глаза, она увидела, что в окнах у тётки теперь горел свет, а на всей улице была страшная тихая ночь детства, населённая еле видимыми, неизвестными существами, от которых все люди спрятались домой и заперли двери на железо. Ольга побежала поскорее к тётке; калитка была закрыта, тогда девочка постучала в освещённое окно. Изнутри комнаты отдернули занавеску, и оттуда на Ольгу поглядело большое лицо пожилого человека, обросшего густой чёрной бородой; он быстро проглотил что-то, словно испугавшись, что к нему пришли отымать пищу, и внимательно всмотрелся во тьму своими глазами, такими маленькими, что они казались кроткими, как бывает у животных. Позади этого человека был виден стол с ужином, и Татьяна Васильевна сейчас поспешно убирала хлеб и посуду со стола.

Ольга отошла от окна. Вскоре отворилась калитка, и оттуда выглянула тётка.

— Ты что стучишь? — спросила она. — А мы уж думали, ты давно ушла...

— Я уморилась ждать, когда вы позовёте, — сказала Ольга. — Я боюсь одна на улице...

— Ну иди уж, — позвала тётка.

В кухне и горнице у тётки было чисто, прибрано и покойно и пахло хорошо, как у богатых. «Здесь я жить не буду, — подумала Ольга. — Тут нельзя: скажут, ты испачкаешь всё». Муж Татьяны Васильевны, который смотрел на Ольгу через окно, опять ел за столом свой ужин.

— От своих детей бог избавил, зато нам их родня подсыпает, — вздохнула Татьяна Васильевна. — Вот тебе, Аркаша, племянница моя, она теперь круглая сирота: пои, корми её, одевай и обувай!..

— Изволь радоваться! — равнодушно, точно про себя, сказал муж Татьяны Васильевны. — Ну, дай ей поесть, и пускай она сегодня переночует... А то отвечать ещё за неё придётся!

— А чего ж я ей постелю-то! — воскликнула тётка. — У нас ведь нет ничего лишнего-то: ни белья, ни одеяла, ни наволочки чистой!

— Я так буду спать — на жёстком, а покроюсь своим платьем, — согласилась Ольга.

— Пусть ночует, — указал жене дядя, Аркадий Михайлович. — А ты нынче не зверствуй, а то тебе Советская власть покажет!

Татьяна Васильевна сначала озадачилась, а потом пришла в озлобление:

— Чем же это она мне покажет-то?.. Советская-то власть, она думает, что люди — это ангелы-товарищи, а они возьмут нарожают тебе детей, а сами помрут, — вот пусть она их и кормит, власть-то Советская!..

— Прокормит, — уверенно сказал муж тётки, жуя кашу с маслом из ложки.

— «Прокормит!» — передразнила Татьяна Васильевна своего мужа. — Кто их прокормит, если у них родители рожают без удержу! Уж я-то знаю, как трудно оборачиваться Советской власти, уж я-то ей сочувствую!..

— Меня кормить не надо, я спать хочу, — сказала Ольга; она села на сундук и отвернулась лицом от чашки с кашей, которая стояла на столе перед хозяином.

Муж тётки вытер свою ложку, положил её около чашки и сказал сироте:

— Садись доедай — тут осталось.

Ольга села к столу и начала понемногу есть пшённую кашу, подгребая её со дна чашки.

— Ну вот, а говорила, что тебя кормить не надо, ты спать хочешь, — произнесла тётка и поскорее положила на сундук подушку без наволочки, чтоб девочка ложилась спать.

— Я немножко, — ответила Ольга; она ещё раз взяла половину ложки каши, затем начисто облизала ложку и аккуратно положила её на стол. — Больше не буду, — сообщила она.

— Уже наелась? — добрым голосом спросила Татьяна Васильевна.

— Нет, я расхотела, — сказала Ольга.

— Ну, ложись теперь спать, отдыхай, — пригласила её тётка на сундук. — А то мы свет сейчас потушим: чего зря керосину гореть!

Ольга улеглась на сундук, тихо сжалась всем телом, чтобы чувствовать себя теплее, и уснула на твёрдом дереве, как на мягкой постели, потому что у неё не было сейчас другого места на свете.

3

Утром дядя и тётка проснулись рано; дядя был железнодорожным машинистом и уезжал в очередную поездку на товарном поезде. Татьяна Васильевна собрала мужу сытные харчи в дорогу — кусок сала, хлеб, стакан пшена для горячей похлёбки, четыре варёных яйца. — и машинист надел тёплый пиджак и шапку, чтобы не остудить голову на ветру.

— Так как же нам теперь жить-то? — шёпотом спросила Татьяна Васильевна у мужа.

— А что? — сказал Аркадий Михайлович.

— Да видишь вон, — указала тётка на Ольгу, — лежит наше новое сокровище-то!

— Она — твоя родня, — ответил ей муж, — делай сама с нею, что хочешь, а мне чтоб покой дома был.

После ухода мужа тётка села против спящей племянницы, подперла щеку рукой, пригорюнилась и тихо зашептала:

— Приехала, развалилась — у дяди с тётей ведь добра много: накормят, обуют, оденут и с приданым замуж отдадут!.. Прививайте, дескать, меня в подарок, вот я босая, и одной юбочке, голодная, немытая, сирота несчастная... Может, бог даст, вы скоро подохнете — дядя с тётей, — так я тут хозяйкой и останусь: что вы горбом да трудом добыли, я враз в оборот пушу!.. Ну уж, милая, пускай черти кремешные тебя к себе заберут, а с моего добра я и пыль тебе стирать не позволю и куском моим ты подавишься!.. Мужик целый день на работе, на ветру, на холоде, а с утра до ночи не присяду, а тут, на тебе, приехала на всё готовое: любите, питайте меня... Ольга, чего ты всё спиши-то? — вдруг громко позвала Татьяна Васильевна. — Ишь, утомилась, подумаешь, — вставать давно пора! Мне из-за тебя ни за чего приниматься нельзя!..

Ольга лежала неподвижно, обратившись лицом к стене: она свернулась в маленькое тело, прижав колени почти к подбородку, сложив руки на животе и склонив голову, чтобы дышать себе на грудь и согревать её: измощенное серое платье покрывало её, но это платье уже было не по ней — она из него выросла, и его хватало лишь потому, что Ольга лежала, тесно сжавшись; днём же почти до колен были обнажены худые ноги подростка и руки покрывались обшлагами рукавов только до локтей.

Ишь ты, разнежилась как! — раздражалась близ неё тётка.

Я не сплю, — сказала Ольга.

А что ж ты лежишь тогда, мне ведь горнищу убирать пора!

Я вас слушала, — ответила девочка.

Тётка осерчала:

— Ты ещё путём не выросла, а уж видать, что — ехидна!

Ольга встала иправила на себе платье. Помолчав, Татьяна Васильевна сказала ей:

— Пойди умойся, потом я самовар поставлю. Небось кушать хочешь!

Ольга ничего не ответила; она не знала, что нужно сейчас думать и как ей быть.

За чаем тётка дала Ольге немного чёрных сухарей и половину варёного яйца, а другую половину съела сама. Поев, что ей дали, Ольга собрала со скатерти ещё крошки от сухарей и высыпала их себе в рот.

Иль ты не сыта ещё? — спросила тётка. Тебя теперь и не прокормишь!.. Уйдёшь из дому, а ты и начнёшь по шкафам крошки собирать да по горшкам лазить... А мне сейчас как раз на базар надо идти, как же я тебя одну-то во всём доме оставлю?

— Я сейчас пойду, я у вас не останусь, — ответила ей Ольга.

Тётка довольно улыбнулась.

— Что ж, иди — значит, тебе есть куда идти... А когда соскучишься, в гости будешь к нам приходить. Так-то будет лучше.

— Когда соскучусь, тогда придёшь, — пообещала Ольга, и она ушла.

На улице было утро, с неба светило тёплое солнце; скоро будет уже осень, но она ещё не наступила, только листья на деревьях стали старыми. Ольга пошла мимо домов по чужому, большому городу, но смотрела она на все незнакомые места и предметы без желания, потому что она чувствовала сейчас горе от своей тётки, и это горе в ней превратилось не в обиду или ожесточение, а в равнодушие; ей стало теперь неинтересно видеть что-либо новое, точно вся жизнь перед ней вдруг омертвела. Она двигалась вперёд вместе с разными прохожими людьми и, что видела вокруг, тотчас забывала. На одном жёлтом доме висели объявления и плакаты, люди стояли и читали их. Ольга тоже прочитала, что там было написано. Там писалось о том, куда требуются рабочие и на какой разряд оплаты по семиразрядной тарифной сетке; затем объявлялось, что в университет принимаются слушатели с предоставлением стипендии и общежития. Ольга пошла в университет — она хотела жить в общежитии и учиться; она уже четыре зимы ходила в школу, когда жила при родителях.

В канцелярии университета никого не было, все ушли в столовую, но сидел на стуле один сторож-старик и ел хлебную тюрю из жестяной кружки, выбирая оттуда пальцами мочёные кусочки хлеба. Он сказал Ольге, что её по малолетству и несознательности сейчас в университет не примут, пусть она сначала поучится добру в низшей школе.

— Я хочу жить в общежитии, — проговорила Ольга.

— Чего хорошего! — ответил ей старик. — Живи с родными, там тебе милее будет.

— Дедушка, дай мне тюрю доесть, — попросила Ольга. — У тебя её немножко осталось, ты ей всё равно не наешься, а мочёнки ты уже все повиатачил...

Старик отдал свою кружку сироте:

— Похлебай: ты ещё маленькая, тебе хватит, может, наешься... А ты чья сама-то будешь?

Ольга начала есть тюрю и ответила:

— Я ничья, я сама себе своя.

— Ишь ты, сама себе своя какая! — произнёс старик. — А тюрю мою зачем ешь? Харчилась бы сама своим добром, жила бы в чистом поле...

Ольга отдала кружку обратно старику:

— Доедай сам, тут ещё осталось... Меня в люди не принимают!

Работаем со словом

Мочёнки — размоченные сухари или кусочки хлеба.

Тюря — кушанье из крошенного в воду или квас хлеба с луком.

Служащие канцелярии, пришедшие из столовой, приняли в Ольге участие. Заведующий написал письмо на курсы подготовки младших железнодорожных агентов с просьбой принять осиротевшую

дочь рабочего на эти курсы и обеспечить её всем необходимым для жизни. Сторож-старик проводил вечером Ольгу по адресу, и комендант курсов пока что отвёл для Ольги место в общежитии — койку и шкаф — рядом с другой такой же койкой в маленькой выбеленной комнате; далее по коридору было ещё много комнат, где жили учащиеся курсанты. На завтрашний день с утра, когда придёт заведующий курсами, комендант велел Ольге оформить своё поступление посредством заполнения анкеты. <...>

Несколько дней Ольга привыкала к подругам по общежитию и к своей новой жизни, а потом почувствовала, что ей здесь хорошо. Утром и вечером она училась в подготовительном классе, который находился при курсах, а среди дня был перерыв на обед и на отдых. Узнав, что Ольга нуждается и не может платить в столовой за пищу, заведующий велел выдать новой учащейся стипендию за полмесяца вперёд, а также башмаки, бельё, нитки, две пары чулок, верхнюю куртку и прочее, что полагалось по норме.

Тревога и грусть перед жизнью, вызванные в Ольге смертью родителей, ночлегом у тётки и сознанием, что все люди обходятся без неё и она никому не нужна, теперь в ней прекратились. Ольга понимала, что она теперь дорога и любима, потому что ей давали одежду, деньги и пропитание, точно родители её воскресли и она опять жила у них в доме. Значит, все люди, вся Советская власть считают её необходимой для себя и без неё им будет хуже.

И Ольга училась с прилежным усердием, чувствуя в себе спокойное, счастливое сердце, лишь иногда оно томилось в ней неутошимым воспоминанием об отце и матери, и девочка хотела, чтобы её снова любил кто-нибудь — отдельный человек, подобно отцу или матери, а не все люди, которые сейчас её кормят и учат, но которых она хорошо не знает.

Просыпаясь по ночам, Ольга забывала, что она лежит в общежитии, ей казалось, что рядом с нею спят в сумраке на своей старой кровати мать и отец, что слышатся свистки маневрового паровоза со станции и брешут собаки вдалеке, охраняя добро своих хозяев, сложенное в дворовых закутах... Но глаза её понемногу привыкали к сумраку, и девочка видела спящую подругу-соседку, пятнадцатилетнюю Лизу. Подруга всегда спала кротко, тихо дыша спокойным телом, ей, может быть, снилось её девичье предчувствие — будущая счастливая жизнь; из-за толстых стен большого здания слышался долгий городской гул, всегда как будто удаляющийся, но возникающий вновь из ночного труда и движения людей.

В классе Ольга сидела рядом с Лизой, которая тоже была наполовину сиротой: её отца убили на империалистической войне, а мать, нестарая женщина, вышла замуж за заведующего столовой и, не заботясь более о своей дочери, предалась шумной, сытой жизни и какой-то общественной деятельности. Но перед Лизой открылись другие близкие люди; утратив мать, она нашла подруг в общежитии, узнала, что такой Ленин, что такое революция, — и печаль нужды и сиротства оставила её сердце, которое до того было бедным и несчастным, потому что оно чувствовало жизнь лишь как необходимость терпеть голод и тоску вдвоём с матерью, в одиночестве сво-

ей комнаты, около печки-лежанки, где они спали и изредка готовили пищу, когда доставали пшена и щепок. Затем мать ушла к мужу и забывала приносить дочери хлеб...

Подруги, общежитие, обучение науке, кружки самодеятельности, питание всем готовым в столовой — это было не то, что домашнее уныние и непрерывная забота о хлебе, утомляющая детскую душу.

Ольга вначале не понимала, за что её здесь кормят и позволяют жить в чистоте и тепле, почему здесь не нужно вдобавок к учёной работе, а нужно только думать, учиться, слушать музыку, когда играют по вечерам в клубе на гармонии, и читать книги, описывающие всю жизнь. И Ольга боялась, что её прогонят из школы и общежития, потому что её пока ведь не за что любить, кормить и доверчиво тратить на неё добро бедного народа. И хотя она не пугалась нужды и ночлега в неприятных местах, но ей было жалко лишиться этой счастливой и весёлой жизни в общежитии, чувства свободы и сознания своего значения, которое она приобретала из книг и от учителей на курсах; ей уже не хотелось теперь жить, как прежде, со спрятанным, тихим сердцем, — она хотела им чувствовать всё, что ей раньше было незнакомо...

Размышляем над прочитанным

О том, как сложилась в дальнейшем судьба девушки-сироты, о совершённом ею подвиге вы узнаете, если прочитаете рассказ до конца.

1. Почему Ольга вынуждена покинуть родительский дом?
2. На пути к новой жизни ей встретились разные люди. С кем из них девушке захотелось остаться и почему?
3. Знакомство Ольги с родственниками предваряет ряд деталей, рассказывающих о них. Найдите эти детали в тексте и скажите, какое впечатление складывается об этих людях. С чем пришлось столкнуться героине в доме тётки? Почему та позволила Ольге остаться на ночь?
4. В трудную минуту Ольга всегда вспоминала слова матери: «Опять надо жить!» — и они помогали ей принять верное решение. Почему в ситуации с родственниками она не знала, «что нужно сейчас думать и как ей быть»? Прочитайте, какими словами писатель характеризует внутреннее состояние девушки, почему «вся жизнь перед ней вдруг омертвела»?

5*. Исследователи творчества А. П. Платонова одной из наиболее ярких отличительных черт его художественного почерка считают оригинальный, не имеющий аналогов в русской литературе язык. В чём, на ваш взгляд, заключается его необычность и оригинальность? Приведите примеры из текста рассказа «первобытного», «нескладного», «самодельного» платоновского языка.

Круг чтения

► А. Н. Варламов. Андрей Платонов.

Литературные имена России

► Виктор Петрович Астафьев (1924—2001) считал себя коренным сибиряком. Деревенское детство писателя прошло в Красноярском крае, послевоенная жизнь в небольшом уральском городке Чусовом, затем жил в Перми, в Вологде. На склоне лет писатель вернулся в Сибирь, где в родной Овсянке напротив бабушкиной избы поставил себе дом, чтобы уже никогда не оставлять родную землю детства.

Многое пришлось пережить Виктору Петровичу: он рано остался без родителей, потом оказался в интернате, но тем не менее детство навсегда осталось в памяти писателя как самая радостная и светлая пора. Связано это было с воспоминаниями о дедушке с бабушкой, которые взяли семилетнего мальчика на воспитание.

Имя писателя стало широко известно в конце 1950-х годов, когда была создана серия лирических повестей «Перевал», «Звездопад», «Стародуб». В пермский период написаны лирическая повесть «Последний поклон», военный сборник «Пастушка и пастух» и повесть «Кража».

В нашей стране и за рубежом издано более двухсот его книг. По повестям «Перевал», «Звездопад», «Кража» и другим сняты художественные фильмы, во многих театрах России поставлены спектакли. Книги В. П. Астафьева переведены на 22 языка.

В течение двух десятилетий Виктор Петрович Астафьев работал над циклом лирико-автобиографических рассказов для детей и подростков, который первоначально вошёл в сборник «Последний поклон» (1968). Главный герой «страниц детства» — мальчик Витька Потылицын. Детские игры, рыбалки, встречи с замечательными людьми из деревенского детства оставили в душе мальчика добрый след. Главным из этих необыкновенных людей была бабушка Катерина Петровна. В завершающем рассказе книги перед нами уже взрослый человек, который окончательно прощается с детством и расстаётся с бабушкой навеки, отдавая ей и всему хорошему, что было и есть в этом мире, последний поклон. ◀

Из первых уст

► Детская память, конечно же, колодец, и колодец со светлой водой, в которой отражается не только небо, не только всё самое яркое, но прежде всего поразившее воображение. <...> Всё проходит:

любовь, сожаление о ней, горечь утрат, даже боль от ран проходит, но никогда-никогда не проходит и не гаснет тоска по родине...

В. П. Астафьев ◀

Историко-культурный комментарий

► По инициативе В. П. Астафьева в бабушкином доме в Овсянке создан музей. Так как бабушкин дом невозможно было восстановить, его снесли и заново построили типичную усадьбу 1920—1930-х годов. Дом был построен по старинным технологиям, интерьер воссоздан до мельчайших подробностей по воспоминаниям очевидцев и повести Виктора Астафьева «Последний поклон». ◀

Музей бабушкиного дома и книги
«Последний поклон»

Из первых уст

► <...> Выражением русской души стало творчество В. П. Астафьева и прежде всего самое сокровенное его создание — повесть в рассказах «Последний поклон». Повесть эта композиционно напоминает коллективную деревенскую фотографию, когда в одной рамке собраны снимки всех членов большой семьи, рода: бабушки, деда, тёток, дядёв, братьев, сестёр, многочисленных родственников. О такой фотографии пишет Астафьев в рассказе «Фотография, на которой меня нет»: «Деревенская фотография — это своеобразная летопись нашего рода, настенная история его».

<...> В. П. Астафьев показывает нерушимость, незыблемость духовных основ бытия, он утверждает: пока есть дом, бабушка, которая любит своих детей и внуков, молится за них, — в жизни есть смысл и счастье.

Л. М. Маракова ◀

Прочитайте рассказ В. П. Астафьева «Далёкая и близкая сказка». Подумайте, почему первая часть повести «Последний поклон» начинается этим рассказом.

Далёкая и близкая сказка

Рассказ из повести «Последний поклон»
в сокращении

На задворках нашего села среди травянистой поляны стояло на сваях длинное бревенчатое помещение с подшивом из досок. Оно называлось «мангазина», к которой примыкала также завозня, — сюда

крестьяне нашего села свозили артельный инвентарь и семена, называлось это «общественным фондом». Если сгорит дом, если сгорит даже всё село, семена будут целы и, значит, люди будут жить, потому что, покуда есть семена, есть пашня, в которую можно бросить их и вырастить хлеб, он крестьянин, хозяин, а не нищевод.

Поодаль от завозни — караулка. Прижалась она под каменной осыпью, в заветрии и вечной тени. Над караулкой, высоко на увале, росли лиственницы и сосны. Сзади неё выкуривался из камней синим дымком ключ. Он растекался по подножию увала, обозначая себя густой осокой и цветами таволги в летнюю пору, зимой — тихим парком из-под снега и куржаком по наполозавшим с увалов куржарникам.

В караулке было два окна: одно подле двери и одно сбоку в сторону села. То окно, что к селу, затянуло расплотившимися от ключа черёмушником, жалицей, хмелем и разной дурниной. Крыши у караулки не было. Хмель запеленал её так, что напоминала она одноплазую косматую голову. Из хмеля торчало трубой опрокинутое ведро, дверь открывалась сразу же на улицу и стряхивала капли дождя, шишки хмеля, ягоды черемухи, снег и сосульки в зависимости от времени года и погоды.

Жил в караулке Вася-поляк. Роста он был небольшого, хром на одну ногу, и у него были очки. Единственный человек в селе, у которого были очки. Они вызывали пугливую учтивость не только у нас, ребяташек, но и у взрослых.

Жил Вася тихо-мирно, зла никому не причинял, но редко кто заходил к нему. Лишь самые отчаянные ребяташки украдкой заглядывали в окно караулки и никого не могли разглядеть, но пугались всё же чего-то и с воплями убегали прочь.

У завозни же ребяташки толкались с ранней весны и до осени:

играли в прятки, заползали на брюхе под бревенчатый въезд к воротам завозни либо хоронились под высоким полом за сваями, и ещё в сусеках прятались; рубились в бабки, в чикку. Тёс подшива был избит панками — битами, налитыми свинцом. При ударах, гулко отдававшихся под сводами завозни, внутри неё вспыхивал воробьиный переполох.

Здесь, возле завозни, я был приобщён к труду — крутил по очереди с ребяташками веялку и здесь же в первый раз в жизни услышал музыку — скрипку...

На скрипке редко, очень, правда, редко, играл Вася-поляк, тот загадочный, не из мира сего человек, который обязательно приходит в жизнь каждого парнишки, каждой девчонки и остаётся в памяти навсегда. Такому таинственному человеку вроде и полагалось

Работаем со словом

Дурнина (сиб.) — негодная для корма трава, сорная трава, например в таёжных лесах.

Жалица — растение семейства крапивных, которое ранит жалом.

Заветрие (разг.) — место, защищённое от ветра.

Куржак — осадок мёрзлых испарений, изморозь, иней.

Таволга — дикорастущее травянистое растение семейства розоцветных с крупными соцветиями душистых цветков.

Увал — узкая и удлинённая возвышенность с пологими склонами и плоской вершиной.

жить в избушке на курьих ножках, в морхлом месте, под увалом, и чтобы огонёк в ней едва теплился, и чтобы над трубою ночами по-пьяному хохотал филин, и чтобы за избушкой дымился ключ, и чтобы никто-никто не знал, что делается в избушке и о чём думает хозяин.

Помню, пришёл Вася однажды к бабушке и что-то спросил у нас. Бабушка посадила Васю пить чай, принесла сухой травы и стала заваривать её в чугушке. Она жалостно поглядывала на Васю и протяжно вздыхала.

Вася пил чай не по-нашему, не вприкуску и не из блюдца, прямо из стакана пил, чайную ложку выкладывал на блюдце и не ронял её на пол. Очки его грозно посверкивали, стриженная голова казалась маленькой, с брюковку. По чёрной бороде полоснуло седной. И весь он будто присолен, и крупная соль иссушила его.

Ел Вася стеснительно, выпил лишь один стакан чаю и, сколько бабушка его ни уговаривала, есть больше ничего не стал, церемонно откланялся и унёс в одной руке глиняную кринку с наваром из травы, в другой — черёмуховую палку.

— Господи, Господи! — вздохнула бабушка, прикрывая за Васей дверь. — Доля ты тяжкая... Слепнет человек.

Вечером я услышал Васину скрипку.

Была ранняя осень. Ворота завозни распахнуты настезь. В них гулял сквозняк, шевелил стружки в отремонтированных для зерна сусеках. Запахом прогорклого, затхлого зерна тянуло в ворота. Стайка ребятишек, не взятых на пашню из-за малолетства, играла в сыщиков-разбойников. Игра шла вяло и вскоре совсем затухла. Осенью, не то что весной, как-то плохо играется. Один по одному разбрелись ребятишки по домам, а я растянулся на прогретом бревенчатом въезде и стал выдёргивать проросшие в щелях зёрна. Ждал, когда загремят телеги на увале, чтобы перехватить наших с пашни, прокатиться домой, а там, глядишь, коня сводить на водопой дадут.

За Енисеем, за Караульным быком, затемнело. В распадке речки Караулки, просыпаясь, мигнула раздругой крупная звезда и стала светиться. Была она похожа на шишку репья. За увалами, над вершинами гор, упрямо, не по-осеннему тлела полоска зари. Но вот на неё скоротечно наплыла темнота. Зарю притворило, будто светящееся окно ставнями. До утра.

Сделалось тихо и одиноко. Караулки не видно. Она скрывалась в тени горы, сливалась с темнотою, и только зажелтевшие листья чуть отсвечивали под горой, в углублении, вымытом ключом. Из-за тени начали выкруживать летучие мыши, попискивать надо мною, залетать в распахнутые ворота завозни, мух там и ночных бабочек ловить, не иначе.

Работаем со словом

Брю́ква — огородное растение семейства крестоцветных, овощ.

За́ймище (обл.) — прибрежная полоса, затопляемая разливом.

Мо́рхлое место — гнилое, испорченное.

Распа́док речки — узкая долина, мелкая ложбина.

Сусе́к (устар. и обл.) — закром, ларь, вместилище для хранения зерна, муки.

Я боялся громко дышать, втиснулся в зауголок завозни. По увалу, над Васиной избушкой, загрохотали телеги, застучали копыта: люди возвращались с полей, с заимок, с работы, но я так и не решился отклеиться от шершавых брёвен, так и не мог одолеть накапившего на меня парализующего страха. На селе засветились окна. К Енисею потянулись дымы из труб. В зарослях Фокинской речки кто-то искал корову и то звал её ласковым голосом, то ругал последними словами.

В небо, рядом с той звездой, что всё ещё одиноко светила над Караульной речкой, кто-то зашвырнул огрызок луны, и она, словно обкусанная половина яблока, никуда не катилась, бескорая, сиротская, зябко стекленела, и от неё стекленело всё вокруг. От завозни упала тень на всю поляну, и от меня тоже упала тень, узкая и носатая.

За Фокинской речкой — рукой подать — забелели кресты на кладбище, скрипнуло что-то в завозне — холод пополз под рубаху, по спине, под кожу, к сердцу. Я уже опёрся руками о брёвна, чтобы разом оттолкнуться, полететь до самых ворот и забренчать щёлкающей так, что проснутся на селе все собаки.

Но из-под увала, из сплетений хмеля и черёмух, из глубокого нутра земли возникла музыка и пригвоздила меня к стене.

Сделалось ещё страшнее: слева кладбище, спереди увал с избушкой, справа жуткое займище за селом, где валяется много белых костей и где давно ещё, бабушка говорила, задавился человек, сзади тёмная завозня, за нею село, огороды, охваченные чертополохом, издали похожим на чёрные клубы дыма.

Один я, один, кругом жуть такая, и ещё музыка — скрипка. Совсем-совсем одинокая скрипка. И не грозит она вовсе. Жалуеться. И совсем ничего нет жуткого. И бояться нечего. Дурак-дурачок! Разве музыки можно бояться? Дурак-дурачок, не слушал никогда один-то, вот и...

Музыка льётся тише, прозрачней, слышу я, и у меня отпускает сердце. И не музыка это, а ключ течёт из-под горы. Кто-то припал к воде губами, пьёт, пьёт и не может напиться — так иссохло у него во рту и внутри.

Видится почему-то тихий в ночи Енисей, на нем плот с огнём. С плота кричит неведомый человек: «Какая деревня-а-а?» — Зачем? Куда он плывёт? И ещё обоз на Енисее видится, длинный, скрипучий. Он тоже уходит куда-то. Сбоку обоза бегут собаки. Кони идут медленно, дремотно. И ещё видится толпа на берегу Енисея, мокрое что-то, замытое тиной, деревенский люд по всему берегу, бабушка, на голове волосья рвущая.

Музыка эта рассказывает о печальном, о болезни вот о моей говорит, как я целое лето малярией болел, как мне было страшно, когда я перестал слышать и думал, что навсегда буду глухим, вроде Алёшки, двоюродного моего брата, и как являлась ко мне в лихорадочном сне мама, прикладывала холодную руку с синими ногтями ко лбу. Я кричал и не слышал своего крика.

В избе всю ночь горела привёрнутая лампа, бабушка показывала мне углы, светила лампой под печью, под кроватью, мол, никого нету. <...>

И опять обоз возник.

Всё он идёт куда-то, идёт, скрывается в студёных торосах, в морозном тумане. Лошади всё меньше, меньше, вот и последнюю скрал туман. Одиноко, как-то пусто, лёд, стужа и неподвижные тёмные скалы с неподвижными лесами.

Но не стало Енисея, ни зимнего, ни летнего; снова забила живая жилка ключа за Васиной избушкой. Ключ начал полнеть, и не один уж ключ, два, три, грозный уже поток хлещет из скалы, катит камни, ломает деревья, выворачивает их с корнями, несёт, крутит. Вот-вот сметёт он избушку под горой, смет завозню и обрушит всё с гор. В небе ударят громы, сверкнут молнии, от них вспыхнут таинственные цветы папоротника. От цветов зажжётся лес, зажжётся земля, и не залить уже будет этот огонь даже Енисеем — ничем не остановить страшную такую бурю!

«Да что же это такое?! Где-же люди-то? Чего же они смотрят?! Связали бы Васю-то!»

Но скрипка сама всё потушила. Снова тоскует один человек, снова чего-то жаль, снова едет кто-то куда-то, может, обозом, может, на плоту, может, и пешком идёт в дали дальние.

Мир не сгорел, ничего не обрушилось. Всё на месте. Луна со звездой на месте. Село, уже без огней, на месте, кладбище в вечном молчании и покое, караулка под увалом, обьятая отгорающими черёмухами и тихой струной скрипки.

Всё-всё на месте. Только сердце моё, занявшееся от горя и восторга, как встрепенулось, как подпрыгнуло, так и бьётся у горла, раненное на всю жизнь музыкой.

О чём же это рассказывала мне музыка? Про обоз? Про мёртвую маму? Про девочку, у которой сохнет рука? На что она жаловалась? На кого гневалась? Почему так тревожно и горько мне? Почему жалко самого себя? И тех вон жалко, что спят непробудным сном на кладбище. Среди них под бугром лежит моя мама, рядом с нею две сестрёнки, которых я даже не видел: они жили до меня, жили мало, — и мать ушла к ним, оставила меня одного на этом свете, где высоко бьётся в окно нарядной траурницей чьё-то сердце.

Музыка кончилась неожиданно, точно кто-то опустил властную руку на плечо скрипача: «Ну, хватит!» На полуслове смолкла скрипка, смолкла, не выкрикнув, а выдохнув боль. Но уже, помимо неё, по своей воле другая какая-то скрипка взвивалась выше, выше и замирающей болью, затиснутым в зубы стоном оборвалась в поднебесье...

Долго сидел я в уголке завозни, слизывая крупные слёзы, катившиеся на губы. Не было сил подняться и уйти. Мне хотелось тут, в тёмном уголке, возле шершавых брёвен, умереть всеми заброшенным и забытым. Скрипки не было слышно, свет в Васиной избушке

Работаем со словом

Малы́рия — инфекционная болезнь, передающаяся некоторыми видами комаров, сопровождающаяся периодически приступами лихорадки, малокровием.

Торбе́ и **то́рос** — ледяная глыба, образовавшаяся при сжатии льдов на северных морях и реках.

Трау́рница — большая бабочка фиолетово-коричневого цвета с чёрными снизу крыльями, окаймлёнными желтовато-белой полосой и рядом синих пятен.

не горел. «Уж не умер ли Вася-то?» — подумал я и осторожно пробрался к караулке. <...> Лица моего коснулись цепкие, всегда студёные листья хмеля, над головой сухо зашелестели шишки, пахнущие ключевой водою. Я приподнял нависшие над окошком перевитые бечёвки хмеля и заглянул в окно. Чуть мерцая, топилась в избушке прогоревшая железная печка. Колеблющимся светом она обозначала столик у стены, топчан в углу. На топчане полулежал Вася, прикрывши глаза левой рукой. Очки его кверху лапками валялись на столе и то вспыхивали, то гасли. На груди Васи покоилась скрипка, длинная палочка-смычок была зажата и правой руке.

Я тихонько приоткрыл дверь, шагнул в караулку. После того как Вася пил у нас чай, в особенности после музыки, не так страшно было сюда заходить.

Я сел на порог, не отрываясь глядел на руку, в которой зажата была гладкая палочка.

— Сыграйте, дяденька, ещё.

— Что тебе, мальчик, сыграть?

По голосу я угадал: Вася несколько не удивился тому, что кто-то здесь есть, кто-то пришёл.

— Что хотите, дяденька.

Вася сел на топчане, повертел деревянные штырёчки скрипки, потрогал смычком струны.

— Подбрось дров в печку.

Я исполнил его просьбу. Вася ждал, не шевелился. В печке щёлкнуло раз, другой, прогоревшие бока её обозначились красными корешками и травинками, качнулся отблеск огня, пал на Васю. Он вскинул к плечу скрипку и заиграл.

Прошло немалое время, пока я узнал музыку. Та же самая была она, какую слышал я у завозни, и в то же время совсем другая. Мягче, добрее, тревога и боль только угадывались в ней, скрипка уже не стонала, не сочилась её душа кровью, не бушевал огонь вокруг и не рушились камни.

Трепетал и трепетал огонёк в печке, но, может, там, за избушкой, на увале засветился папоротник. Говорят, если найдёшь цветок папоротника — невидимкой станешь, можешь забрать все богатства у богатых и отдать их бедным, выкрасть у Кощея Бессмертного Василису Прекрасную и вернуть её Иванушке, можешь даже пробраться на кладбище и оживить свою родную мать.

Разгорелись дрова подсечённой сухостоины — сосны, накалилось до лиловости колено трубы, запахло раскалённым деревом, вскипевшей смолой на потолке. Избушка наполнилась жаром и грузным красным светом. Поплясывал огонь, весело прищёлкивала разогнавшаяся печка, выстреливая на ходу крупные искры.

Тень музыканта, сломанная у поясицы, металась по избушке, вытягивалась по стене, становилась прозрачной, будто отражение в воде, потом тень отдалялась в угол, исчезала в нём, и тогда там обозначался живой музыкант, живой Вася-поляк. Рубаха на нём была расстёгнута, ноги босы, глаза в тёмных обводах. Щекою Вася лежал на скрипке, и мне казалось, так ему покойней, удобней и слышит он в скрипке такое, чего мне никогда не услышать.

Когда притухала печка, я радовался, что не мог видеть Васиного лица, бледной ключицы, выступившей из-под рубахи, и правой ноги, кургузой, куцей, будто обкусанной щипцами, глаз, плотно, до боли затиснутых в чёрные ямки глазниц. Должно быть, глаза Васи боялись даже такого малого света, какой выплёскивался из печки.

В полутьме я старался глядеть только на вздрагивающий, мечущийся или плавно скользящий смычок, на гибкую, мерно раскачивающуюся вместе со скрипкой тень. И тогда Вася снова начинал представляться мне чем-то вроде волшебника из далёкой сказки, а не одиноким калекою, до которого никому нет дела. Я так засмотрелся, так заслушался, что вздрогнул, когда Вася заговорил.

— Эту музыку написал человек, которого лишили самого дорогого. — Вася думал вслух, не переставая играть. — Если у человека нет матери, нет отца, не есть родина, — он ещё не сирота. — Какое-то время Вася думал про себя. Я ждал. — Всё проходит: любовь, сожаление о ней, горечь утрат, даже боль от ран проходит, но никогда-никогда не проходит и не гаснет тоска по родине...

Скрипка снова тронула те самые струны, что накалились при давешней игре и ещё не остыли. Рука Васина снова содрогнулась от боли, но тут же смирилась, пальцы, собранные в кулак, разжались.

— Эту музыку написал мой земляк Огинский в корчме — так называется у нас заезжий дом, — продолжал Вася. — Написал на границе, прощаясь с родиной. Он посылал ей последний привет. Давно уже нет композитора на свете. Но боль его, тоска его, любовь к родной земле, которую никто не мог отнять, жива до сих пор.

Вася замолчал, говорила скрипка, пела скрипка, угасала скрипка. Голос её становился тише, тише, он растягивался в темноте тонящейся светлой паутинкой. Паутинка задрожала, качнулась и почти беззвучно оборвалась.

Я убрал руку от горла и выдохнул тот вдох, который удерживал грудью, рукой, оттого что боялся оборвать светлую паутинку. Но всё равно она оборвалась. Печка потухла. Слаясь, засыпали в ней угли. Васи не видно. Скрипки не слышно.

Тишь. Темень. Грусть.

— Уже поздно, — сказал Вася из темноты. — Иди домой. Бабушка будет беспокоиться.

Я привстал с порога и, если бы не схватился за деревянную скобу, упал бы. Ноги были все в иголках и как будто вовсе не мои.

— Спасибо вам, дяденька, — прошептал я.

Вася шевельнулся в углу и рассмеялся смущённо и спросил: «За что?»

— Я не знаю, за что...

И выскочил из избушки. Растроганными слезами благодарил я Васю, этот мир ночной, спящее село, спящий за ним лес. Мне даже мимо кладбища не страшно было идти. Ничего сейчас не страшно. В эти минуты не было вокруг меня зла. Мир был добр и одинок — ничего, ничего дурного в нём не умещалось.

Доверяясь доброте, разлитой слабым небесным светом по всему селу и по всей земле, я зашёл на кладбище, постоял на могиле матери.

— Мама, это я. Я забыл тебя, и ты мне больше не снишься.

Опустившись на землю, я припал ухом к холмику. Мать не отвечала. Всё было тихо на земле и в земле. Маленькая рябина, посаженная мной и бабушкой, нароняла остропёрых крылышек на мамином бугорке. У соседних могил берёзы распустили нити с жёлтым листом до самой земли. На вершинах берёз листа уже не было, и голые прутья исполосовали огрызок луны, висевший теперь над самым кладбищем. Всё было тихо. Роса проступила на траве. Стояло полное безветрие. Потом с увалов ощутимо потянуло знобким холодком. Гуще потекли с берёз листья. Роса стекленела на траве. Ноги мои застыли от ломкой росы, один лист закатился под рубашку, сделалось знобко, и я побрёл с кладбища в тёмные улицы села меж спящих домов к Енисею.

Мне отчего-то не хотелось домой.

Не знаю, сколько я просидел на крутом яру по-над Енисеем. Он шумел у займища, на каменных бычках. Вода, сбита с плавного хода бычками, вязалась в узлы, грузно переваливалась возле берегов и кругами, воронками откатывалась к стрежню. Непокойная наша река. Какие-то силы вечно тревожат её, в вечной борьбе она сама с собой и со скалами, сдавившими её с обеих сторон.

Но эта её непокойность, это её древнее буйство не возбуждали, а успокаивали меня. Оттого, наверно, что была осень, луна над головой, скалистая от росы трава и крапива по берегам, вовсе не похожая на дурман, скорее на какие-то расчуденные растения; и ещё оттого, наверно, что во мне звучала Васина музыка о неистребимой любви к родине. А Енисей, не спящий даже ночью, крутолобый бык на той стороне, пилка еловых вершин над

Работаем со словом

Стрежень — место в реке (обычно в середине) с наибольшей скоростью течения и глубиной.

Элеватор — здесь: зернохранилище с механическим оборудованием для приёма, хранения, очистки, сушки, отгрузки большого количества зерна.

Яр — 1. Крутой, обрывистый берег реки, озера, склон оврага; обрыв. 2. Овраг, лощина.

дальним перевалом, молчаливое село за моей спиной, кузничик, из последних сил работающий наперекор осени в крапиве, вроде бы один он во всём мире, трава, как бы отлитая из металла, — это и была моя родина, близкая и тревожная.

Глухой ночью возвратился я домой. Бабушка, должно быть, по лицу моему угадала, что в душе моей что-то свершилось, и не стала меня бранить.

— Ты где так долго? — только и спросила она. — Ужин на столе, ешь и ложись.

— Баба, я слышал скрипку.

— А-а, — отозвалась бабушка, — Вася-поляк чужое, батюшко, играет, непонятное. От его музыки бабы плачут, а мужики напиваются и буйствуют...

— А кто он?

— Вася-то? Да кто? — зевнула бабушка. — Человек. Спал бы ты. Мне рано к корове подыматься. — Но она знала, что я всё равно не отстану: — Иди ко мне, лезь под одеяло.

Я прижался к бабушке.

— Студёный-то какой! И ноги мокрушие! Опять болеть будут. — Бабушка подоткнула под меня одеяло, погладила по голове. — Вася — человек без роду-племени. Отец и мать у него были из далёкой державы — Польши. Люди там говорят не по-нашему, молятся не как мы. Царь у них королём называется. Землю польскую захватил русский царь, чего-то они с королём не поделили... Ты спишь?

— Не-е.

— Спал бы. Мне ведь вставать с петухами. — Бабушка, чтобы скорее отвязаться от меня, бегом рассказала, что в земле этой далёкой взбунтовались люди против русского царя, и их к нам, в Сибирь, сослали. Родители Васи тоже были сюда пригнаны. Вася родился на подводе, под тулупом конвоира. И зовут его вовсе не Вася, а Стася — Станислав по-ихнему. Это уж наши, деревенские, переиначили. — Ты спишь? — снова спросила бабушка.

— Не-е.

— А, чтоб тебе! Ну, умерли Васины родители. Помаялись, помаялись на чужой стороне и померли. Сперва мать, потом отец. Видал большой такой чёрный крест и могилу с цветками? Ихняя могила. Вася бережёт её, ухаживает пуще, чем за собой. А сам-то состарился уж, когда — не заметили. О Господи, прости, и мы не молоды! Так вот и прожил Вася около мангазины, в сторожах. На войну не брали. У него ещё у мокренького младенца нога ознобилась на подводе... Так вот и живёт... помирать скоро... И мы тоже...

Бабушка говорила всё тише, невнятной и отошла ко сну со вздохом. Я не тревожил её. Лежал, думал, пытаюсь постигнуть человеческую жизнь, но у меня ничего из этой затеи не получалось.

Несколько лет спустя после той памятной ночи мангазину перестали использовать, потому что построен был в городе элеватор, и в мангазинах исчезла надобность. Вася остался не у дел. Да и ослеп он к той поре окончательно и сторожем быть уже не мог. Какое-то время он ещё собирал милостыню по селу, но потом и ходить не смог, тогда бабушка моя и другие старухи стали носить еду в Васину избушку.

Однажды бабушка пришла озабоченная, выставила швейную машину и принялась шить сатиновую рубаху, штаны без прорехи, наволочку с завязками и простыню без шва посредине — так шьют для покойников.

Заходили люди, сдержанными голосами разговаривали с бабушкой. До меня донеслось раз-другой «Вася», и я помчался к караулке.

Дверь её была распахнута. Подле избушки толпился народ. Люди заходили в неё без шапок и выходили оттуда вздыхая, с кроткими, опечаленными лицами.

Васю вынесли в маленьком, словно бы мальчишеском гробу. Лицо покойного было прикрыто полотном. Цветов в домовине не было, венков люди не несли. За гробом тащилось несколько старух, никто не голосил. Всё свершалось в деловом молчании. Темнолицая старуха, бывшая староста церкви, на ходу читала молитвы и

косила холодным зраком на заброшенную, с упавшими воротами, сорванными с крыши тесинами мангазину и осуждающе трясла головою.

Я зашёл в караулку. Железная печка с середины была убрана. В потолке холодела дыра, по свесившимся корням травы и хмеля в неё падали капли. На полу разбросаны стружки. Старая нехитрая постель была закатана в изголовье нар. Валялись под нарами сторожевая колотушка, метла, топор, лопата. На окошке, за столешницей, виднелась глиняная миска, деревянная кружка с отломленной ручкой, ложка, гребень и отчего-то не замеченный мною сразу шкалик с водой. В нём ветка черемухи с набухшими и уже лопнувшими почками. Со столешницы сиротливо глядели на меня пустыми стёклами очки.

«А где скрипка-то?» — вспомнил я, глядя на очки. И тут же увидел её. Скрипка висела над изголовьем нар. Я сунул очки в карман, снял скрипку со стены и бросился догонять похоронную процессию.

Мужики с домовиной и старухи, бредущие кучкой следом за нею, перешли по брёвнам Фокинскую речку, захмелевшую от весёлого половодья, поднимались к кладбищу по кособогу, подёрнутому зелёным туманчиком очнувшейся травы.

Я потянул бабушку за рукав и показал ей скрипку, смычок. Бабушка строго нахмурилась и отвернулась от меня. Затем сделала шаг шире и зашептала с темнолицей старухой:

— Расходы... накладно... сельсовет-то не больно...

Я уже умел кое-что соображать и догадался, что старуха хочет продать скрипку, чтобы возместить похоронные расходы, уцепился за бабушкин рукав и, когда мы отстали, мрачно спросил:

— Скрипка чья?

— Васина, батюшко, Васина, — бабушка отвела от меня глаза и уставилась в спину темнолицей старухи. — В домовину-то... Сам!.. — наклонилась ко мне и быстро шепнула бабушка, прибавляя шагу.

Перед тем, как люди собрались накрывать Васю крышкой, я протиснулся вперёд и, ни слова не говоря, положил ему на грудь скрипку и смычок, на скрипку бросил несколько живых цветочков мать-мачехи, сорванных мною у моста-перекидыша.

Никто ничего не посмел мне сказать, только старуха богомолка пронзила меня острым взглядом и тут же, воздев глаза к небу, закричалась: «Помилуй, Господи, душу усопшего Станислава и родителей его, прости их согрешения вольные и невольные...»

<...> Ушёл человек, и жизнь в этом месте остановилась. Но деревня-то жила, подрастали ребятишки, на смену тем, кто уходил с земли. Пока Вася-поляк был жив, односельчане относились к нему по-разному: иные не замечали его, как лишнего человека, иные даже и поддразнивали, пугали им ребятишек, иные жалели убогого человека. Но вот помер Вася-поляк, и селу стало чего-то не доставать. Непонятная виноватость одолела людей, и не было уж такого дома, такой семьи в селе, где бы не помянули его добрым словом в родительский день и в другие тихие праздники, и оказалось, что в неза-

метной жизни был Вася-поляк вроде праведника и помогал людям смиренностью, почтительностью быть лучше, добрей друг к другу. <...>

Последней военной осенью я стоял на посту возле пушек в небольшом, разбитом польском городе. Это был первый иностранный город, который я видел в своей жизни. Он ничем не отличался от разрушенных городов России. И пахло в нём так же: гарью, трупами, пылью. Меж изуродованных домов по улицам, заваленным ломью, кружило листву, бумагу, сажу. Над городом мрачно стоял купол пожара. Он слабел, опускался к домам, проваливался в улицы и переулки, дробился на усталые кострища. Но раздавался долгий, глухой взрыв, купол подбрасывало в тёмное небо, и всё вокруг озарялось тяжёлым багровым светом. Листья с деревьев срывало, кружило жаром вверху, и там они истлевали. <...>

Днём мы заняли город, а к вечеру откуда-то, словно из-под земли, начали появляться люди с узлами, с чемоданами, с тележками, чаще с ребятишками на руках. Они плакали у развалин, вытаскивали что-то из пожарниц. Ночь укрыла бездомных людей с их горем и страданиями. И только пожары укрыть не смогла.

Неожиданно в доме, стоявшем через улицу от меня, разлились звуки органа. От дома этого при бомбёжке отвалился угол, обнажив стены с нарисованными на них сухощёкими святыми и мадоннами, глядящими сквозь копоть голубыми скорбными глазами. До потёмок глядели эти святы и мадонны на меня. Неловко мне было за себя, за людей, под укоряющими взглядами святых, и ночью нет-нет да выхватывало отблесками пожаров лики с повреждёнными головами на длинных шеях.

Я сидел на лафете пушки с зажатым в коленях карабином и покачивал головой, слушая одинокий среди войны орган. Когда-то, после того как я послушал скрипку, мне хотелось умереть от непонятной печали и восторга. Глупый был. Малый был. Я так много увидел потом смертей, что не было для меня более ненавистного, проклятого слова, чем «смерть». И потому, должно быть, музыка, которую я слушал в детстве, переломилась во мне, и то, что пугало в детстве, было вовсе и не страшно, жизнь припасла для нас такие ужасы, такие страхи...

Да-а, музыка та же, и я вроде бы тот же, и горло моё сдавило, стиснуло, но нет слёз, нет детского восторга и жалости чистой, детской жалости. Музыка разворачивала душу, как огонь войны разворачивал дома, обнажая то святых на стене, то кровать, то качалку, то рояль, то тряпки бедняка, убогое жилище нищего, скрытые от глаз людских — бедность и святость, — всё-всё обнажилось, со всего сорваны одежды, всё подвергнуто унижению, всё вывернуто грязной изнанкой, и оттого-то, видимо, старая музыка повернулась иной ко мне стороною, звучала древним боевым кличем, звала куда-то, заставляла что-то делать, чтобы потухли эти пожары, чтобы люди не жались к горящим развалинам, чтобы зашли они в свой дом,

Работаем со словом

Домовина (устар. и обл.) — гроб.

Зрак (книжн. устар.) — взгляд, взор.

Родительский день — дни особого поминовения родителей и всех усопших в церковном календаре.

под крышу, к близким и любимым, чтобы небо, вечное наше небо, не подбрасывало взрывами и не сжигало адовым огнём.

Музыка гремела над городом, глушила разрывы снарядов, гул самолётов, треск и шорох горящих деревьев. Музыка властвовала над оцепенелыми развалинами, та самая музыка, какую, словно вздох родной земли, хранил в сердце человек, который никогда не видел своей родины, но всю жизнь тосковал о ней.

Историко-культурный комментарий

► «Прощание с Родиной» — так называется полонез ля минор, написанный польским композитором Михалом-Клеофасом Огинским в 1794 году. Однако в историю музыки он вошёл как полонез Огинского. Считается, что композитор написал это произведение, когда вынужден был покинуть родину, Речь Посполитую. Сегодня известно около 60 его фортепианных и вокальных произведений, в том числе 26 полонезов, 4 марша, 3 мазурки, галоп и менуэт. ◀

Размышляем над прочитанным

1. В связи с жизненными обстоятельствами писателю неоднократно приходилось менять место жительства. Как вы думаете, почему на закате лет он вернулся в Овсянку?

2. Как создавалась повесть в рассказах В. П. Астафьева «Последний поклон»? Сформулируйте главную мысль рассказа и подтвердите свою точку зрения фрагментами из текста. В каких словах музыканта и словах мальчика заключается главная мысль рассказа?

3. От чьего имени ведётся повествование в рассказе? Почему автор избрал такой художественный способ?

4. Герою повезло, ему встретился «тот загадочный, не из мира сего человек, который обязательно приходит в жизнь каждого парнишки, каждой девчонки и остаётся в памяти навсегда». Почему Вася-поляк произвёл на мальчика такое глубокое впечатление? Как изменился для него мир? Была ли в вашей жизни столь знаменательная встреча?

5. Какие картины возникали в сознании мальчика, когда он слушал музыку? Какие художественные средства использует автор для передачи этих впечатлений?

6. Приведите примеры диалектной лексики и просторечных форм слов из текста рассказа. Подумайте, почему автор так широко использует их в своём произведении.

7. При каких обстоятельствах повзрослевший герой вспомнил встречу с Васей-поляком и его музыкой?

► В зависимости от природных условий, образа жизни, культуры, обычаев у каждого народа в течение веков формировался свой тип жилья. При всём многообразии жилищ всех их объединяло одно очень важное качество — они являлись для каждого человека родным домом, потому что в нём проживала его семья, где его любили и ждали.

Прочитайте фрагменты повести эвенкийской писательницы **Галины Ивановны Кэптукэ** (1951–2019) «Имеющая своё имя, Желтула-река» и подумайте, что входит в понятие «дом» у эвенков. В чём своеобразие жилища эвенков? Какие детали внутреннего убранства вас заинтересовали? Можно ли назвать место, где остановилась эта семья, родительским домом? Почему вы так считаете? Какие чувства испытывает рассказчица? Как вы думаете, что главное в понятии «дом»?

Г. И. Кэптукэ

Имеющая своё имя, Желтула-река

Фрагменты

Прохудились берестяные покрышки летнего чума. Здесь отец надёрёт много бересты, мать выварит её в кипятке, и мы все будем шить новую одежду для летнего жилища.<...>

Спешно разбираем временный бивак, чтобы попить чай. Снимаем выюки с оленей, разводим несколько дымокуров. Усталые олени охотно ложатся на землю передохнуть. Оленей мы не отпускаем. Пьём чай. Отец вынимает длинный маут, топор, охотничий нож всегда с ним. Зовёт с собой Силе, и они идут туда, где звенят колокольчики. Мать пока ничего не объясняет нам: если мы это должны знать, то нам расскажут.

Проходит время, вот отец с братом спускаются к нам. Отец несёт в руках два старинных колокольчика, они нанизаны на толстую проволоку, уже заржавевшую. Брат несёт маут и топор. Трогать руками колокольцы и звенеть ими нам не разрешают. Брат рассказывает, что колокольчики висели на дереве и были оставлены кем-то очень и очень давно, потому что проволока выросла в ствол берёзы. Они были подвешены когда-то на совсем ещё молодую берёзу, а теперь она выросла, и проволока, обмотанная вокруг ствола, так глубоко ушла в древесину, что пришлось перерубить её. Проволока проржавела и была теперь хрупкой, ломалась, её съела ржавчина. Колокольчики же висели не на самом стволе, а рядом, на отходящей от него ветке. Сколько бы они провисели ещё? Видимо, недолго, потому что проржавевшая проволока могла не удержаться при сильном ветре и колокольчики упали бы на землю. Поэтому они звенели сегодня так сильно — пришло время найти их кому-то. Им оказался мой отец. Что означает эта находка? Кто и с какими мыслями повесил колокольчик на дерево? Этого пока я не знаю. Мать приносит нимэк — красиво расшитый выюк для хранения особенных семейных вещей. Колокольчики прячут туда. Мы собираемся и едем дальше. К вечеру останавливаемся на берегу Желтулы.

Мать находит багульник-ченгкирэ, проветривает содержимое нимака. Окуривает дымом багульника священного белого оленя Дурбая, его красиво расшитую уздечку, кумалан. Что-то будет вечером...

Наступает вечер. Солнце село, олени уходят пастись. Привязываем собак, а крикливому щенку надевается намордник. Всё ясно: сегодня вечером отец будет петь дярйичин. Иногда он делает это, а мы, дети, должны помогать ему. Он будет просить у духа реки Джелтулы хорошей охоты и удачи. А может быть, что-то ещё. <...>

Все мы начинаем пить чай. Дрова в печке прогорели, и в темноте, в открытую дверцу печи, видны краснеющие углы. Отец начинает петь, а мы вторим ему после каждой его фразы. Мы одни здесь, никого из взрослых звенков кроме матери и отца нет, поэтому помогать отцу в его пении должны и мы, дети. Дярйичин — это просьба, изложенная в песне. Певцу обязательно должен вторить хор. А наш хор — это мать, мой брат, сёстры и я. Только маленькой сестрёнке можно не петь, чтоб не перепутать слова, она ещё не доросла. <...>

Мы вторим отцу, а мать кидает на печь кусочки сала, кладёт ветви багульника. Приятный запах подгоревшего багульника и горящего жира ударяет нам в ноздри. <...>

Я почему-то ничего не ем, начинает болеть горло. Мне становится трудно дышать, потому что моя шея отчего-то становится толстой. На следующий день я прихожу в себя только временами. Вижу, как суетятся около меня мама и тётка. Временами я слышу их

разговор и опять ничего не помню. Просыпаюсь от звона колокольчика. Где он звенит? И почему так сильно звенит, будто постоянно трясут им? Я открываю глаза. Около меня сидит тётка, дверь палатки открыта. На переднюю жердь палатки подвешен найденный на Джелтуле колокольчик, к нему привязана верёвка. Мать стоит у двери и, дёргая за верёвку, звенит колокольчиком. Звон колокольчика летит и летит куда-то. Мама звенит и звенит колокольчиком, потом её сменяет тётка, и неутомляющий звон стоит у меня в ушах.

«Это они хотят вернуть папу, они зовут его, чтоб он вернулся скорее домой. Когда вернётся отец, я обязательно поправлюсь, он что-нибудь придумает, он как-нибудь вылечит меня», — думая так, я опять проваливаюсь куда-то. <...>

Просыпаюсь вновь и слышу голос отца. Он кладёт мне на лоб смоченную водой тряпку. Здесь же в палатке старик Чэриктэ. Как так быстро вернулся отец, неужели он смог доехать и привезти Чэ-

Работаем со словом

Бивák — место временного проживания на природе.

Дымоку́р — дымящий костёр, разжигаемый для защиты от комаров, мошек.

Кумала́н — национальный ковер звенков из оленьих шкур с чередованием белых и чёрных фрагментов.

Мау́т — ременной аркан у оленеводов.

Чум — переносное жилище кочевников-оленеводов в виде конического остова из шестов, покрытого оленьими шкурами (зимой), берестой или корой (летом).

риктэ всего за два дня? Оказывается, он встретил Чэриктэ на полпути, тот уже сам направлялся к нам.

— Ты слышал колокольчик? — спрашиваю я у отца.

— Да, я услышал его и быстро вернулся. Теперь ты поправишься, Чэриктэ вылечит тебя.

Вечером в нашей палатке раздаются звуки бубна и пение Чэриктэ. Я то проваливаюсь куда-то и ничего не слышу, то слышу изда- лека голос поющего Чэриктэ. Начинает светать. Отец поднимает заднее полотнище палатки, с одной стороны ставит две молоденькие срубленные берёзки, с другой — две лиственницы. Мать делает из новых разноцветных тряпочек серёжки. Меня поднимают, поят ча- ем...

1. Подготовьте презентацию на одну из предложенных тем:

- «Бортничество в жизни средневековой Руси».
- «Изображение пасеки в русской живописи».
- «Вася пил чай не по-нашему, не вприкуску и не из блюдца». А как по-нашему? Читаем в словаре Даля, что чай в прежние времена в России можно было пить «въ прикуску, въ накладку, въ прилизку, въ приглядку». Это как? Подготовьте презентацию, используйте в ней картины известных русских художников.

2. Подготовьте доклад для школьной научной конференции, выбрав одну из тем:

- «Символическая роль яблока в мифах, легендах и сказках разных народов».
- «Русская иконопись на черепице и на холсте: исторический аспект».

3. Создайте аудиоальбомы и видеоролики:

- Полонез Огинского в своё время был чрезвычайно популярен в России. Составьте аудиоальбом из творческого наследия автора (5—7 наименований), включив в него музыкальные произведения разных жанров.
- Видеоролик «Стихи Е. Евтушенко и Б. Ахмадулиной в кино».

4. Подготовьте поэтический час «Родительский дом», подобрав стихотворения современных российских поэтов об отчем доме.

И сколько в жизни ни ворочай
Дорожной глины, вопреки
Всему ты в дом вернёшься отчий,
И в угол встанут сапоги...
И пусть — хоть лет под девяносто —
Старик прошамкает: «Сынок!»
Но ты принёс своё сыновство
И положил его у ног.

Е. Винокуров. Отчий дом

РУССКИЙ ХАРАКТЕР — РУССКАЯ ДУША

«НЕ ДО ОРДЕНА. БЫЛА БЫ РОДИНА...»

Великая Отечественная война

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...

А. Т. Твардовский

Наверное, нет сегодня ни одного школьника, который не знал бы, какие огромные потери нанесла нашей стране Великая Отечественная война. На фронт уходили все, кто был способен держать оружие, желая отстоять свободу Родины, пусть даже ценой своей жизни.

В рядах защитников Отечества было немало молодых поэтов, которые в силу своего юного возраста, таланта особенно остро восприняли трагедию войны и рвались на фронт. Некоторым поэтам, погибшим в Великой Отечественной войне, было чуть больше 20 лет, поэтому в число потерь нашей страны можно внести и то литературное достояние, которое так и осталось ненаписанным. А те, кто вернулся, до самой смерти не могли погасить в себе чувство вины перед погибшими. Полны горечи вынесенные в эпиграф известные строки поэта Александра Твардовского.

Родившийся в 1919 году и вернувшийся с фронта живым поэт Борис Слуцкий спустя годы напишет:

Девятнадцатый год рожденья —
Двадцать два в сорок первом году
Принимаю без возраженья,
Как планиду и как звезду.

Работаем со словом

Плани́да (прост.) — судьба, доля, участь (обычно о плохой, тяжёлой судьбе).

В 1919 году родились и поэты Михаил Кульчицкий и Николай Майоров, не пришедшие с фронта.

Николай Майоров встретил войну студентом исторического факультета Московского государственного

университета. Студенту Литературного института им. А. М. Горького Михаилу Кульчицкому прочили большое поэтическое будущее,

потому что уже в его ранних стихах чувствовался оригинальный лирический почерк. Как и многие другие поэты, начавшие свой творческий путь в предвоенные годы, они создавали собственную картину мира с предельной ясностью, видели своей задачей продолжить дело отцов, воевавших в Гражданскую, стремясь защитить и сохранить их идеалы. Они были романтиками — яркими, смелыми, бескомпромиссными.

Многие поэты этого поколения так не рассказали нам о своей жизни и своей войне. Довоенные стихи Николая Майорова были просто утрачены — пропал отданный приятелю перед уходом на фронт чемодан с рукописями. Но сохранилось и дошло до нас его стихотворение «Мы», в котором в 1940 году поэт создал портрет своего поколения и словно предвидел свою судьбу. На последнем стихотворении Михаила Кульчицкого «Мечтатель-фантазёр, лентяй-завистник!..» стоит дата 26 декабря 1942 года — день его отправления на фронт. Не вернувшийся с войны поэт Борис Смоленский охарактеризовал своё поколение так:

Я сегодня весь вечер буду,
Задыхаясь в табачном дыме,
Мучиться мыслями о каких-то людях,
Умерших очень молодыми,
Которые на заре или ночью
Неожиданно и неумело
Умирали, не дописав неровных строчек,
Не долюбив,
Не досказав,
Не доделав...

Очень молодыми были и Ваганов, герой одноимённого рассказа Юрия Марковича Нагибина, и солдат-обозник Товарняков из рассказа Евгения Ивановича Носова «Переправа». Стихи погибших поэтов стали и им вечным памятником.

Содружество муз

► Песни о Великой Отечественной войне составили отдельный пласт советской поэзии. Найдите в Интернете и прослушайте аудиозапись песни на слова Д. Сухарева «Вспомните, ребята...». Создайте собственную подборку военных песен. Подумайте, что, кроме темы, объединяет их. ◀

Историко-культурный комментарий

► Даниил Семёнович Данин (1914—2000) — советский и российский прозаик, сценарист, литературный критик. ◀

Почему молодые поэты отправились на фронт Великой Отечественной войны в первых рядах? Какую утрату понесла вместе с их гибелью русская литература?

Николай Петрович Майоров

Литературные имена России

► Николай Петрович Майоров (1919—1942) — поэт-фронтовик. Погиб в 22 года.

Стихи Николая Петровича Майорова не были известны широкому читателю при жизни, но потомки увидели в нём глашатая целого поколения.

Николай Майоров рано начал писать стихи. В 1937 году поступил в Московский государственный университет на исторический факультет, а с 1939 года одновременно учился в Литературном институте им. А. М. Горького. В Москве Майоров познакомился с известными в молодёжных кругах поэтами Борисом Слуцким, Михаилом Лукониным, Давидом Самойловым.

На войну Майоров ушёл добровольцем в октябре 1941 года, был политруком пулемётной роты и участвовал в тяжелейшей Ржевско-Вяземской операции зимой 1942 года, где погибло несколько тысяч солдат и офицеров. Стрелковый полк, в котором служил Николай Майоров, несколько месяцев в сорокаградусный мороз удерживал деревню Баранцево на Смоленщине. Там поэт и погиб в бою 8 февраля 1942 года, он был похоронен в братской могиле. ◀

Из первых уст

► Та линия, которую мы гнули,
Дорога, по которой юность шла,
Была прямою от стиха до пули —
Кратчайшим расстоянием была.
Недаром за полгода до начала
Войны
мы написали по стиху
На смерть друг друга.
Это означало,
Что знали мы.

Б. А. Слуцкий ◀

Он [Николай Майоров] знал, что он поэт. И, готовясь стать историком, прежде всего утверждал себя как поэт. У него было на это право. Незаметный, он не был тих и безответен. Он и мнения свои защищал, как читал стихи: потрясая перед грудью кулаком, чуть вывернутым тыльной стороной к противнику, точно рука несла перчатку боксёра. Он легко возбуждался, весь розовея. Он не щадил чужого самолюбия и в оценках поэзии был резко определён. Он не любил в стихах многоречивой словесности, но обожал земную вещность образа. Он не признавал стихов без летящей поэтической мысли, но был уверен, что именно для надёжного полёта ей нужны тяжёлые крылья и сильная грудь. Так он и сам старался писать свои стихи — земные, прочные, годные для дальних перелётов.

Д. Данин ◀

Стихотворение «Мы» литературоведы называют «манифестом поколения». Как вы думаете, почему?

Мы

Это время
трудновато для пера.

В. Маяковский

Есть в голосе моём звучание металла.
Я в жизнь вошёл тяжёлым и прямым.
Не всё умрёт. Не всё войдёт в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы —
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жён!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображён.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,

Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперёд, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача.
А тот трубил, мир ни во что не ставя
(Ремень сползал с покатога плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.
Был камень твёрд, уступы каменисты,
Почти со всех сторон окружены,
Глядели вверх — и небо было чисто,
Как светлый лоб оставленной жены.

Так я пишу. Пусть неточны слова,
И слог тяжёл, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда зноем выпрямила губы.

Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.

И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

1940

Работаем со словом

Обмотки — здесь: полоса ткани, которой обматывают голень от ботинка до колена.

Каталог — список, перечень каких-л. однородных предметов (книг, рукописей, картин и т. п.), составленный в определённом порядке. Слово произошло от древнегреческого «каталог» (katálogos). Ещё в XVIII веке говорили «каталог», то есть по греческому образцу. Ударение каталог устаревшее, в орфоэпическом словаре имеет помету «не рек.». В русском литературном языке сегодня правильным считается только ударение на последнем слоге: каталог.

Из первых уст

- ...Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам?
Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждём приказа нового. И пусть
Не думают, что мёртвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

Н. Майоров. 1940 ◀

Размышляем над прочитанным

1. Каким вы представляете предвоенное поколение, описанное в стихотворении «Мы»? Подтвердите свой ответ цитатами из текста.

2. Найдите в тексте детали, которые говорят об умении людей предвоенного поколения преодолевать трудности. В чём истоки этого умения?

3. Какие слова и выражения создают в стихотворении ощущение тревоги, предчувствие войны?

4. Докажите, что поэт предчувствует свою раннюю гибель. Как передаётся это чувство в стихотворениях Майорова? Чем, по мнению поэта, его поколение запомнят потомки?

5. Выпишите цитаты, в которых встречаются местоимения «я» и «мы». Противопоставлены ли эти образы, или «я» — это часть «мы»? Вспомните стихотворение М. Ю. Лермонтова «Дума». Есть ли общность в употреблении местоимений «я» и «мы» в стихотворениях Майорова и Лермонтова?

6. Найдите в стихотворении цитаты, в которых показаны характерные черты предвоенного поколения (портрет; внутренний мир; прошлое, настоящее и будущее; отношение к любви, к Родине).

7*. Сравните образы поколения в стихотворении Майорова и в повести Б. Л. Васильева «Завтра была война». Докажите, что для молодых людей этой эпохи были характерны мужество, стойкость, вера в идеалы. Приведите примеры из стихотворения и из повести.

Михаил Валентинович Кульчицкий

Литературные имена России

► **Михаил Валентинович Кульчицкий** (1919—1943) — советский поэт-фронтовик. Писать стихи начал очень рано и уже в шестнадцать лет опубликовал своё первое стихотворение в журнале «Пионер». После школы год учился на филологическом факультете Харьковского университета, а затем переехал в Москву, переведясь по настоянию своего друга, поэта Б. А. Слуцкого, на вто-

рой курс Литературного института им. А. М. Горького. В Кульчицком сразу заметили «поэта от Бога» со сложившимся поэтическим почерком и прочили ему большое будущее.

С первых дней войны Кульчицкий записался добровольцем в армию, но на фронт сразу не попал, был включён в сформированный в Москве истребительный батальон, охранял Центральный телеграф. Батальон был расформирован, студенты вновь начали учиться, а Кульчицкий поступил в пулемётно-миномётное училище и после его окончания в декабре 1942 года уже в звании младшего лейтенанта ушёл на фронт. Михаила вместе с другими выпускниками училища отправили под Сталинград, где он и погиб 19 января 1943 года. Имя младшего лейтенанта Кульчицкого выбито в Пантеоне Славы на Мамаевом кургане в Волгограде.

Борис Слуцкий, для которого гибель друга стала личной драмой, после войны добился издания сборника стихов Кульчицкого и посвятил ему несколько стихотворений. Одно из них — «Голос друга».

Из первых уст

- Писатели в писатели,
А ты ни во что не вышел.
Зато в могиле, в печати ли
Ты всех нас лучше и выше.
А ты ни во что не вышел,
Ты просто пророс травой.
И я, как собака, вою
Над бедной твоей головою.

Б. А. Слуцкий ◀

Историко-культурный комментарий

- Тёплые отношения связывали Михаила Кульчицкого и Лилю Юрьевну Брик, музу Маяковского, которая приглашала в гости молодых поэтов, обсуждала с ними стихи, поддерживала их тягу к литературе. В Кульчицком она хотела видеть поэтического наследника Маяковского. Перед отправкой на фронт Михаил 26 декабря 1942 года последний раз побывал у Л. Ю. Брик и принёс ей стихотворение «Мечтатель, фантазёр, лентяй-завистник!..», которое считают лучшим в его творчестве и, скорее всего, последним. ◀

Прочитайте стихотворение «Мечтатель, фантазёр, лентяй-завистник!..» и подумайте, чем оно похоже на стихи В. В. Маяковского. Какие чувства вызывает это стихотворение?

Мечтатель, фантазёр, лентяй-завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?
И всадники проносятся со свистом
вертящихся пропеллерами сабель.
Я раньше думал: «лейтенант»
звучит вот так: «Налейте нам!»
И, зная топографию,
он топает по гравию.

Война — совсем не фейерверк,
а просто — трудная работа,
когда, черна от пота, вверх
скользит по пахоте пехота.
Марш!
И глина в чавкающем топоте
до мозга костей промёрзших ног
наворачивается на чёботы
весом хлеба в месячный паёк.
На бойцах и пуговицы вроде
чешуи тяжёлых орденов.
Не до ордена. Была бы Родина
с ежедневными Бородино.

Работаем со словом

Топография — здесь: раздел геодезии, изучающий земную поверхность и способы её измерения и изображения на плане или карте.

Чёботы (нар.-разг.) — башмаки, сапоги.

Размышляем над прочитанным

1. Как вы думаете, для чего поэт противопоставляет образы и картины в первой части стихотворения и во второй? Какие образы отсылают читателя к событиям русской истории?

2*. Найдите в стихотворении контекстуальные антонимы и объясните их поэтический смысл.

3. Как вы понимаете финальные строки стихотворения? В чём заключается их пафос?

 4. Проанализируйте рифмы стихотворения и найдите в них простые и составные, точные и неточные (для справки можно использовать «Словарь литературоведческих терминов» С. П. Белокурова: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com>). Сделайте вывод о поэтическом мастерстве автора.

 5. Найдите в стихотворении примеры аллитераций и объясните их смысловую роль.

6. Прочитайте стихотворение Б. А. Слуцкого «Голос друга», посвящённое Михаилу Кульчицкому. Почему, по-вашему, поэт не делит фронтовиков на пришедших и не вернувшихся с войны?

7. Выучите наизусть одно из стихотворений погибших поэтов.

Из первых уст

► До войны многим казалось, что... такая война должна отшвырнуть поэзию далеко за пределы магистралей, по которым она раз-

вивалась в дни и годы, предшествовавшие войне, что в огромном зловещем грохоте, который поднялся утром 22 июня 1941 года, должен был потонуть слабый, немощный человеческий голос поэта... Но самый факт одиннадцатимесячного существования поэзии в условиях войны опроверг эти опасения и прогнозы. Поэзия существует. Поэзия стала самым мобильным, самым активным, самым лобовым видом литературы в эти одиннадцать месяцев... Это первое, что говорит об явной несостоятельности прежнего ложного утверждения, будто «когда разговаривают пушки, музы молчат». Музы не замолчали. Наоборот, их голос окреп.

А. А. Сурков, май 1942 г. ◀

Круг чтения

► Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. Новая библиотека поэта. Большая серия. ◀

Диалог культур

► **Алим Пшемахович Кешоков** (1914—2001) — кабардинский писатель и поэт. Он прошёл всю войну: сначала был кадровым офицером, а затем, после ранения в боях под Сталинградом, служил корреспондентом армейской газеты «Сын Отечества». Опыт военных лет лёг в основу его стихов, романов и повестей, многие из которых носят автобиографический характер. Одним из таких произведений является роман «Сломанная подкова» о подвиге 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, в которой служил А. П. Кешоков.

Прочитайте стихотворение Алима Кешокова «Незавершённый портрет». Подумайте, как оно соотносится со стихотворением Николая Майорова «Мы». Как вы думаете, подтверждает ли стихотворение Кешокова о художнике высказывание А. А. Суркова: «Музы не замолчали. Наоборот, их голос окреп»?

*А. Кешоков
(перевод М. Петровых)*

Незавершённый портрет

Нелегко художнику-солдату,
Краток на путях войны привал, —
Наш товарищ фронтовой когда-то
Нас в часы досуга рисовал.

Кто хотел послать портрет невесте,
Кто родных порадовать спешил:
— Нарисуй меня, но честь по чести,
Безбородым, как до фронта был.

И художник на клочках бумаги
Рисовал, досуга не цenia.
Как-то раз в одном глухом овраге
Рисовать он начал и меня.

Ранят иль убьют бойца, но дома
На стене висит его портрет
И одной улыбкою знакомой
Утешает в том, что писем нет.

День настал — погиб солдат-художник.
Мой портрет закончить не успел,
Не узнал конца путей тревожных:
Нет бойца, а вот рисунок цел.

Он хранится в небольшой тетради.
Это память друга моего...
На портрет незавершённый глядя,
Не себя я вижу, а его.

1945 ◀

Юрий Маркович Нагибин

Литературные имена России

► **Юрий Маркович Нагибин** (1920—1994) — писатель-прозаик, журналист, сценарист, участник Великой Отечественной войны. Нагибин писал рассказы, повести, сценарии, но главным своим произведением считал «Дневник», исповедальную книгу воспоминаний.

Юрий Нагибин родился в Москве. Отец Нагибина был дворянином, его расстреляли за участие в белогвардейском восстании ещё до рождения сына. Нагибин хорошо учился, с отличием окончил школу и поступил на сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии, но осенью 1941 года, не окончив ВГИК, ушёл на войну и служил в отделе политуправления Волховского фронта, а затем в политотделе 60-й армии

Воронежского фронта, занимаясь разбором вражеских документов, ведением радиопередач, выпуском пропагандистских листовок. Затем стал специальным корреспондентом газеты «Труд», где работал до конца войны, побывав в самых горячих точках фронтов: под Ленинградом, в Сталинграде, при освобождении Минска, Вильнюса и Каунаса.

После войны Нагибин продолжал работать журналистом, писал прозу и киносценарии, по которым снято более 30 фильмов, наиболее известные из которых — «Председатель», «Бабье царство», «Дерсу Узала», «Чайковский», «Гардемарины, вперёд!». ◀

Из первых уст

► Мои рассказы и повести — и есть настоящая моя автобиография.

Ю. М. Нагибин ◀

Прочитайте рассказ Ю. М. Нагибина «Ваганов». Подумайте, чем похож его главный герой на поэтов военного поколения.

Ваганов

В сокращении

— ...То было летошний год. Ещё Ваганов с нами воевал, — сказал старшина Гришин.

— Никифор Игнатьевич, а где сейчас Ваганов? — спросил Коля Кондратенков, пятнадцатилетний кавалерист, сын эскадрона.

Худое, как будто вылущенное лицо Гришина с вислыми усами стало нежным.

— Алёша Ваганов врага в самое горло грызёт. Он зверёк не нам чета. У него война особая...

— Да ведь Ваганова убили под Архиповской, — сказал я, но осёкся под тяжёлым взглядом Гришина.

— Эх, товарищ лейтенант, молодой вы ещё, и такие слова... Нешто Алёша Ваганов даст себя убить? Это ж подстроено всё для военной тайны...

Высокий кабардин Гришина, подкидывая спутанные ноги, приблизился к хозяину и тонкой нервной губой шлёпнул его по уху.

— Балуй, чёртов сын...

Работаем со словом

Летошний (устар.) — прошлогодний.

Кабардин — здесь: кабардинская порода лошадей, выведенная в северокавказской области Кабарда.

Гришин повернулся на локоть, ухватил замшевую губу кабардина, тряхнул и отпустил. Кабардин засмеялся, обнажив розовые дёсны и белую кость резцов, вызеленных травой.

— Вы, товарищ лейтенант, у нас без году неделя, — стараясь быть

вежливым, продолжал Гришин, но взгляд его выдавал затаённый гнев, — а я Ваганова на коня садиться учил. Вот на этого самого Чертополоха. Нет у меня права военную тайну разглашать, а всё же скажу: воюет Алёша в самой неметчине, бьёт врага в спину, нам путь облегчает. Вот.

<...>

В словах Гришина звучала такая вера, такая убеждённость в том, что Ваганов жив, что я показался самому себе мелким человеком...

Ваганова убили под Архиповской во время прорыва фронта. Увлечённый преследованием, он ворвался в деревню, занятую неприятелем. С ним был товарищ. Они могли спастись, но под товарищем убили лошадь. Он был схвачен гитлеровцами, прежде чем успел встать на ноги. Ваганов вернулся, чтобы умереть вместе с ним. Дрался он отчаянно. Уже мёртвого, его всего истыкали клинками, танк протаскивал по его телу свою гусеницу. Ваганов был так изуродован, что никто не мог его признать, когда через час с небольшим в деревню ворвался 5-й эскадрон, ведомый самим генерал-майором Башиловым. Ваганова опознал лишь сам Башилов, его приёмный отец. С бледным лицом, сведённым страшной гримасой боли, и пустыми глазами Башилов опустился на колени и поцеловал сына в обезображенный рот. Стянул с плеч бурку и осторожно, словно боясь разбудить, укрыл Ваганова.

В конце деревни ещё слышалась стрельба, группа гитлеровцев засела в церковном подвале. Башилов поднялся с колен, коротким броском руки указал на церковь:

— За нашего товарища...

Ваганова похоронили с воинскими почестями, а через несколько дней по бригаде пронёсся слух, что он жив. <...> Слух поддерживался и такими ветеранами, как Гришин, не верившими ни в бога, ни в чёрта, и доверчивыми юнцами, влюблёнными в Ваганова. Слух стал правдой эскадрона, правдой бригады, другой правды знать не хотели.

Я видел Ваганова однажды... Кавалерийская бригада генерала Башилова прорвала застоявшуюся оборону противника, я был «брошен» в прорыв вместе с другими корреспондентами нашей фронтовой газеты. Как и следовало ожидать, здесь всем было не до нас. Напрасно промучившись с полдня, мы сели в прифронтовой деревушке.

Я обосновался в большой чистой избе на краю деревни. Старушка хозяйка принесла горячей молодой картошки, самовар и чайник с настоем «гоноболя».

Как привычна, но всегда до боли обидна была бедность прифронтовой деревни, живущей под огнём в какой-то очумелой покорности, со своими пустыми закутками и обезголосевшими насестами. Источник жизни этих деревень — воинские части, прохожие и проезжие солдаты и офицеры, несущие с собой надежду, запах жизни, неизменное гороховое пюре и комбижир.

Работаем со словом

Гоноболь — местное название ягоды голубики.

Студебекер — марка грузового автомобиля, США.

Я выложил свой припас и пригласил старушку к столу. Но она предпочла «сухой паёк» и, получив его, скрылась за печку. Я присел к окну и стал пить зеленоватый, и цветом и вкусом напоминающий лекарство, чай.

Под окном росла берёза. Она была расщеплена миной, половина её, чёрная и засохшая, умерла, другая, склонённая к земле, зеленеда свежим глянцевым листом. Под этой берёзой на скамейке собралась компания: танкист в промасленном комбинезоне, с гармонью на потёртом ремне, белообрый сипёр, два шофёра со свежими розовыми лицами в чёрной рамке отмытой к вискам и шее грязи, несколько девиц в цветастых платьях и калонах. Выходя на круг, девицы снимали калоши: оттопав положенное, снова надевали их и отходили в сторону. Из кавалеров непохож был белообрый сипёр. Но то ли гармонист был лишён огонька, то ли танцоры вяловаты, а только в пляске не чувствовалось размаха, они казались бледной и натужной, как повинность.

Подошла хозяйская дочь и тяжело, с ленцой, опустилась на лавку у окна. У неё было большое красивое лицо. Казалось, она ощущает свою красоту как бремя. Усталость чувствовалась в её чуть опущенных плечах, тяжёлых веках, более смуглых, чем щёки и лоб.

— Что же вы не танцуете? — спросил я.

Очень нужно, — ответила она, не повернув головы.

Она глядела мимо пляшущих, на потонувший в рослых травах погост с тремя светлыми, белёсо-матовыми липами, словно искупавшимися в молоке.

По правую руку широкая деревенская улица выливалась в большак. Вблизи устья большака голубела огромная лужа, в которой с надсадным воем, похожим на гуд пчелиного роя, тонул тупорылый «студебекер». Два всадника, расплеская лужу, вынеслись на околицу и, завернув коней, осадили их у нашего дома.

Один из них, кургузый, спешился, кинул поводья своему спутнику и, грузно переваливаясь на толстых ногах, заковылял к двери. Испуганно охнула, сорвавшись на козлах, гармонь: вскопчил танкист, отдавая честь. Как пружинкой подкинуло с присядки белообрый сипёр.

— Отдыхайте, отдыхайте! — ворчливо бросил тучный кавалерист.

Шаги его глухо прозвучали по земляному полу сеней, распахнулась дверь, и я увидел красное лицо, сердитые глаза и кургузую, с наклоном вперёд, фигуру грозного генерала Вашилова.

Я встал.

— Кто такой? — недовольно, в упор спросил, словно выстрелил. Вашилов.

— Из фронтовой газеты.

— Писатель, — усмехнулся он, показав крупные жёлтые зубы. — Харчуйтесь, писатель.

— Может, мне уйти, товарищ генерал-майор?

Сердитые глаза Вашилова набухли кровью сосудов:

— Сказано, харчуйтесь! Помещайте — сам выгоню!

Вскоре он вышел в голубой трикотажной рубашке и брюках с лампасами. Наклонив голову под поршенок рукомойника, стал по-

ливать шею с толстым вздутием за-
тылка, побряхтывая и ворча. Каза-
лось, он чем-то недоволен и раздра-
жён: вода ли недостаточно холодная,
рукомойник ли слишком скупно вы-
пускает воду.

Дверь распахнулась, в горницу
стремительно шагнул высокий кавалерист, прибывший вместе с ге-
нералом. Костлявое крыло бурки зацепилось за косяк, полы разле-
телись, обнаружив в своём пещерном нутре тонкую, как тростник,
юношескую фигуру.

— У Рябчика ссадина на цевочке, товарищ генерал! — сказал он
звонко.

— А я тебе что говорил? Подорожнику надо приложить.

— Сделано, товарищ генерал! — блеснул тот радостной улыбкой.

Генерал, ожесточённо вытиравший суровым полотенцем лицо и
шею, вместе с высоким кавалеристом прошёл за печь. Я услышал
их тихий разговор.

— Испугался я нынче за тебя, Алёша. Больно уж ты горяч...

Этот голос, как будто вобравший в себя всё тепло мира, поразил
меня. Неужели обладатель его тот самый Башилов, чей ворчливо-
недовольный бас я слышал несколько минут назад?

— Ну что ты, отец. Ты же знаешь, меня пуля не берёт!

— Не берёт, не берёт... А только смотри, ты у меня один, — с
трещинкой хрипотцы сказал голос.

Скрытая нежность — эта обычная изнанка суровых душ — каза-
лась мне поразительной в Башилове. Один из самых лихих рубак
конного корпуса, Башилов был уважаем всеми, но никем не любим.
А между тем он обладал всеми качествами, которые привлекают к
командиру сердца подчинённых. Он был нелицеприятен, заботлив,
справедлив и совершенно немелочен в своей требовательности. Ни-
где не жилось солдатам лучше, чем в бригаде Башилова. Но он был
замкнут и суров. Говорили, что Башилов потерял семью в первые
дни войны: кажется, это было правдой.

Ваганова генерал подобрал на Полтавщине, когда бригада с боя-
ми вырвалась из окружения. Ваганов спал в придорожной канаве,
положив голову на твёрдый кулак, рядом с ним валялось странное
самодельное оружие: кухонный нож, всаженный в длинную толстую
палку. Подросток дрожал и плакал во сне, но, разбуженный при-
косновением руки генерала, сразу вскочил, схватился за своё ору-
жие со злобным блеском мгновенно проснувшихся глаз. Оказалось,
он поджидал гитлеровцев. Поджидал двое суток и, не выдержав, ус-
нул. Его мать и сестрёнки погибли от вражеской бомбы в своём до-
ме, когда он лежал на огороде, чтобы лучше видеть бомбёжку. Го-
ворил мальчишка неохотно, каждое слово приходилось рвать из не-
го чуть не клещами.

— Пропадёт малец зазря, — сказал адъютант генералу, — мо-
жет, возьмём его с собой?

Генерал ничего не ответил, он только хмуρο пощипывал жёсткую
щетину усов. Зато сказал Ваганов, бледными страстными глазами
дерзко глядя прямо в лицо генералу:

Работаем со словом

Цёвочка (цёвка) — надкопытная кость
у лошади.

Оряси́на (прост.) — здесь: длинная
палка, дубина, жердь.

— Вы тикаете — и тикайте! А мне фашистов убивать надо!

— Дурак! — с удивившей адъютанта мягкостью проговорил генерал, — убивать вышел, а сам дрыхнешь в канаве. Да и кого ты такой вот убьёшь? Идём с нами, мы тебя научим убивать. Это вот, — он тронул висящую на боку шашку, — получше твоей орясины.

Мальчишка с жадностью взглянул на шашку.

— А мне такую дадите?

— Покажешь себя — свою отдам!..

Два мрачных лица: одно — юношеское, со следами недавних слёз, другое — сухое и старое, тронулись улыбкой.

Определив Ваганова во 2-й эскадрон, генерал, казалось, забыл о нём совсем. Только через год призвал он его к себе, показал свой знаменитый удар, разрывающий надвое человека, и усыновил. В течение всего этого года генерал незаметно для окружающих внимательно следил за Вагановым. Он укрепился в своей первой догадке, что в этом юноше горит огонь более сильный, чем в других оскорблённых душах.

— Всё-таки побереги себя, Алёша, — говорил генерал. — Не век же тебе убивать! С твоей душой далеко шагнуть можно.

Я не слышал ответа Ваганова, слышал, как генерал спросил:

— Неужто не перебродил ещё?

— Нет, — со смехом ответил Ваганов. — Разгуляться не пришлось. Заорали: «Гитлер капут!» — и с лошадей долой. Зря шашку вынимал: порубать-то почти и не пришлось!

Ваганов вышел из-за печи и, развязав тесёмки, скинул бурку на лавку. Она легла, свернувшись, словно отдыхающий зверь.

Ваганов был строен и гибок, как хлыст. Он выглядел щёголем, хотя на нём была самая обычная солдатская одежда, довольно поношенная, с крестиками штопок. Но она так ладно облегла его тело, так покорно следовала каждому движению мышц, как это никогда не бывает с казённой одеждой.

Всё же вначале я увидел только очень стройного и очень молодого кавалериста. Ваганова я понял чуть позднее, почувствовав исходящую от него, как ток, нервную, страстную силу, которой была пронизана каждая клеточка его тела.

Скрытое напряжение страсти его невероятно чуткой натуры обнаруживалось даже не в слове, не в жесте, а в чуть заметных волнах крови под тонкой кожей, невольном посверке глаз, взмахе ресниц, каких-то нежных тенях, пробегающих по его очень юному лицу.

Ваганов вышел из избы и присоединился к танцующим.

— Что так вяло, ребята?

— Давай веселей, если можешь, — отозвался гармонист.

— Да ты не потянешь, — подзадорил Ваганов.

— Оно конечно, нам, псковским, куда до вас, рязанских! — протянул гармонист, вскинул голову и на весь разворот разорвал мехи. Словно вздохнула от обиды душа музыканта, разом прорвалась к живому звуку. Пошла, пошла гармонь, то обмирая в робком дыхании, то взвихриваясь вызовом и задором.

У Ваганова опьянели глаза, он бросился в пляску, как в бой. В его пляске была какая-то нежная ожесточённость.

— Давай! — кричал он гармонисту.

А тот, закаменев лицом, всё быстрее и быстрее бросал пальцы по клапанам, выламывал плечи, сердясь и изнемогая в борьбе с танцором.

Ваганов ударил о землю коленом перед одной из девиц. Та засмушалась для порядка и вышла на круг, заломив одну руку к затылку, другую отведя, как для защиты, и поплыла вокруг бешено кидającego в присядке ноги кавалера.

— Ходи веселей! — кричал Ваганов.

Та заторопилась неладно скучной утицей вслед меднозобому ярму селезню.

— Куда Нюшке против него держаться, — сказала красивая дочь хозяйки.

И, словно услышав эти презрительные слова, Нюшка бочком-бочком вышла из круга. Верно, и она почувствовала своё несоответствие кавалеру.

Ваганов вскочил, развёл руками.

— Эх, какой все народ холодный!..

Взгляд его упал на наше окно. Лицо хозяйской дочери вспыхнуло. Словно подчиняясь молчаливому приказу, она спустила с плеч шаль и вышла на улицу. Казалось, вместе с шалью она сняла и тяготившее её бремя. Куда девалась ленца, вся живая юность радостью вспыхнула в ней.

И все почувствовали: вот два достойных партнёра, или, вернее, противника. Это слово точнее определяет характер отношений пары в русской пляске, где вызов ярче соединения, где заман ведёт к отстранению в пляске, пронизанной борьбой, гордостью, непокорством.

Она знала: противник может захватить её, сбить, одолеть, как Нюшку, если она попытается сравняться с ним в быстроте. Она пошла плавно и неспешно, уравниваясь с ним в силе чувства, единственного дающего согласие в танце. Одно движение плеча, взлёт ресниц — и они равны; притоп ногой, неожиданный с разлётом юбки поворот, и уж не ей, а Ваганову приходится разжигать свой огонь, чтобы не отстать в страсти.

Они были равны друг другу. Он шёл всюду, куда она его звала. Путь его был нелёгок. Горы, реки, пропасти, дремучие леса метала она ему под ноги. Но он не боялся трудных путей. Птицей проносился он над всеми препятствиями и, настигая, кричал:

— А ну ещё!..

И ни один из них не уступил в этом поединке. Сдался третий — гармонист.

— Дай пощаду, кавалерист, — сказал он, отнимая от гармонии упределое до красноты лицо.

— Неужто уже всё? — спросил Ваганов. — Вишь, я сухой совсем.

— Если ты и воюешь, как пляшешь, ценный ты человек, — сказал белобрысый сапёр.

Работаем со словом

Заман — действие по глгг. заманить, заманивать.

Ваганов засмеялся:

— Ну, воюю я с цельной душой, пляшу с остаточков...

Последнее, что я заметил, отправляясь спать на сеновал, было лицо хозяйской дочери. Прелесть её лица не замыкалась более в грубой определённости черт, а уходила в простор, как сияние.

Я спал на сеновале. Было за полночь, когда пришёл Ваганов. Он был не один. Я услышал тихий разговор.

— Спокойной ночи, хороших снов, — говорил Ваганов, вскарабкиваясь по лестнице.

— Что ж так скоро, Алёша? — с тоской проговорил грудной женский голос.

Ваганов остановился, мне видна была его рука, вцепившаяся в балку.

— Нельзя мне, понимаешь, нельзя! А то пропаду совсем. Я себя ни до какой такой жизни не допускаю...

— Постой, Алёша! — просил женский голос. — Ведь, может, не свидимся больше...

— Нельзя! — Рука Ваганова сильнее вцепилась в балку. — С вашим братом осторожней надо. А то забудешь всё...

— Видать, много вы нашего брата перевидали, — ревниво сказала девушка, — то-то вы такие нежадные...

Ваганов ответил тихо, принуждённо:

— Если дождёшься, первой будешь.

— Ой ли?

— В глаза погляди — вру я?

— А долго ждать-то? — спросила девушка, и в голосе её была печаль и немного насмешки.

— До победы! — Ваганов засмеялся, поцеловал девушку и быстро вскарабкался на сеновал.

Через минуту я уже чувствовал его горячее дыхание около своего лица.

...Ваганов спал, врывшись руками в солому. Сквозь окошко в крыше на него падал зеленоватый свет месяца. Ему снились какие-то сны, он улыбался, вскрикивал, не глухо, как спящий в мучительной душевной возне подсознания, а ясно и звонко; раз он вырвал руку из соломы и косо резанул ею воздух. Казалось, и во сне он живёт с той же страстной напряжённостью.

Под утро пришла хозяйская дочь, босая, на плечах старенький полушубок. Она наклонилась к Ваганову, долго глядела на него, поцеловала его закрытые глаза и сошла вниз.

Я проснулся рано, ещё только светало, и подумал, что постыдно упускаю превосходный материал, сам давшийся мне в руки. Но Ваганова уже не было рядом. Я спустился вниз и увидел хозяйскую дочь, строгую, прибранную; она сидела у окна и глядела на дорогу...

Размышляем над прочитанным

1. Разделите рассказ на смысловые композиционные части. Определите их реальную последовательность. Почему автор начинает повествование со

смерти Ваганова, а потом рассказывает, каким он был в жизни? Что даёт такая «обратная» композиция для понимания смысла рассказа?

2. Почему солдаты не верили в смерть Алёши Ваганова?

3. Докажите, что внешность генерала Башилова и его внутренний мир не совпадают.

4*. Сравните Алёшу Ваганова и генерала Башилова: портреты, отношение к войне, поступки, речь, оценки автора и других героев. Найдите общее и различия в образах этих героев.

5. Проанализируйте художественные детали, связанные с героями рассказа: Башиловым, Вагановым, хозяйской дочерью. Докажите, что Нагибин — мастер художественной детали.

6. Проанализируйте эпизод пляски Ваганова с хозяйской дочерью со слов «Ваганов вскочил, развёл руками» до слов «Ну, воюю я с цельной душой, пляшу с остаточков». Что уравнивало партнёров в танце? Почему они не уступили друг другу в плясовом поединке? Как понять последнюю строчку эпизода?

Круг чтения

► Ю. М. Нагибин. Царскосельское утро. ◀

Евгений Иванович Носов

Литературные имена России

► Евгений Иванович Носов (1925—2002) после окончания 8 класса в 1943 году ушёл на фронт и служил в противотанковой артиллерийской бригаде армии маршала К. К. Рокоссовского, участвовал в форсировании Днепра, освобождении Минска и польского города Белостока.

После войны Носов вернулся в школу, сразу в 10 класс, с раненой рукой и пенсионным удостоверением в кармане, окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького.

К военной теме Носов долго не обращался, но в первых произведениях о войне проявилась его писательская сдержанность, отсутствие ярких картин военных подвигов. Писатель рассматривал войну через призму народной жизни и рассказывал чаще всего не о боевых действиях, а о людях в военное время, об их внутренней жизни. Ярким произведением о войне стал рассказ «Переправа» (1989), действие которого происходит во время вступления советских войск в Европу в 1944 году. ◀

► К молодёжи я отношусь должным образом. Вы — наше будущее, другого у нас нет... Современная молодёжь прежде всего удивляет своей развитостью. Но с другой стороны, наши дети, обретая и аккумулируя огромные знания и сведения, почти никак их не применяют, у них нет практики жизни.

Е. И. Носов ◀

Прочитайте рассказ «Переправа» и подумайте, почему эту книгу о войне отличает светлый настрой и вера в лучшее. Удивил ли вас этот рассказ? Чем?

Переправа

Прошло то лето в стремительном наступлении. Ещё в конце июня наша батарея вела огонь с плацдарма на берегу Днепра, а уже к сентябрю, продвинувшись чуть ли не на шестьсот километров, подошла к Польше.

Впереди, над черепичными крышами и зелёными кущами городков и местечек, стали маячить непривычные силуэты тёмных готических костёлов, начиналась иная земля, и в частях царило возбуждённое оживление: Европа!

В одну из коротких передышек старшина выдал нам свежее обмундирование взамен вконец износившегося, комбат, оглядев построенную батарею, приказал всем постричься, побриться и начистить сапоги.

Но уже на другой день новые гимнастёрки, да и мы сами, забылись до прежней обыденности. Войска валили нескончаемым потоком. В клубах дорожной пыли грохотали танки, артиллерия, шли зачехлённые «катюши», оседали под тяжестью боеприпасов грузовики, скрипели конные обозы со всякой солдатской пожитью. А мимо, уступая главную дорогу технике, по обочинам и тропкам всё топала и топала матушка-пехота.

Иногда от нечего делать кто-нибудь задевал с машин:

— Эй, пехота! Сто вёрст прошла — ещё охота! Давай сюда, перекурим!

Однако усталые, взмокшие пехотинцы, обвешанные скатками, подсумками, сапёрными лопатками, молча и сосредоточенно продолжали гуськом обтекать забитую машинами дорогу.

Но вот за пыльной, прореженной обстрелом рощицей вдруг открылась какая-то река с понтонной переправой. С высокого склона нам было видно, как скопившиеся войска вздулись гигантским

Работаем со словом

Гаубица — тип артиллерийского орудия.

Патронный цинк — ящик для хранения патронов к стрелковому оружию, сделанный из цинка.

клубком, из которого медленно выпутывалась узенькая лента машин и орудий и, вытянувшись на переправе, устремлялась по ту сторону.

— Всё, братцы, припухаем... — заметил один из батарейцев, опасливо озираясь по сторонам. — Не хватало ещё немецких пикировщиков.

— Прошло их время, — отозвался другой. — Гляди-ка!

Над переправой пронеслась четвёрка «Лавочкиных» — недавно появившихся на фронте скоростных истребителей, прикрывавших с воздуха это уязвимое и опасное место.

Сидеть на застрявших машинах, время от времени продвигающихся на десяток-другой метров, вскоре наскучило, и мы с командиром нашего орудия старшим сержантом Боярским прыгнули за борт. Нам не терпелось скорее спуститься к реке, попить заграничной водицы, умыться и просто так полежать на зелёном лужку до той поры, пока пустят на переправу и нашу батарею.

Внизу, на въезде, шумел, размахивал руками запаренный и охрипший капитан. По красной повязке па рукаве кителя мы догадались, что это был сам начальник переправы. Его осаждали шофёры и ездовые, напирали со всех сторон, что-то кричали и требовали, но он, увертываясь и ошалело мотая головой в запылённой фуражке, неприступно твердил:

— Ничего не знаю! Нич-чего не знаю!

Он только что пропустил па мост колонну тяжёлых гаубиц и, заглядывая в блокнотик, превозмогая шум и галдёж, сипло вызывал:

— Триста восьмой полк! Где триста восьмой?!

Пехота триста восьмого, не спрашивая разрешения, уже давно была на той стороне, но полковые обозы, оттеснённые мехчастями, съехали на берег и только теперь, дождавшись своей очереди, на рысях начали выкатываться из прибрежных лозняков. Погромыхивали походные кухни, некоторые уже кадившие дымком, зелёные армейские фуры и просто крестьянские телеги, нагруженные патронными цинками, санитарными носилками, мешками с крупой и сухарями, тюками прессованного сена. Кони тоже были далеки от прежних кадровых стандартов — иные по-домашнему под дугой, с верёвочными вожжами, мослатые, вислобрюхие, с бабьими распущенными косицами по глазам, — неказистые обозные лошадёнки, невесть где добытые за время долгого наступления из глубины России. Начальник переправы, поглядывая на них, хмуро кривился, должно быть от того, что вынужден был пропускать такую пёструю обшарпанную базарщину на ту сторону. Казалось, будь его воля, он завернул бы весь этот колхоз, свалил бы в кучу и поджёг к чёртовой бабушке. Но война не признавала никакой эстетики, и по ребристому настилу моста, разя дёгтем и конским потом, обыденно и скучно затарахтели обозные телеги.

И вдруг начальник переправы, всякое повидавший, вздрогнул и обалдело вытаращил глаза: над задком очередной повозки, покачиваясь из стороны в сторону, возвышалась над сенными тюками какая-то лошадиная не лошадиная, баранья не баранья, а чёрт знает какая морда с круглыми ушами и рыжим кудлатым коком.

— Стой! Стой! — Капитан сорвался с места и вскинул руки запрещающим крестом. — Стой, говорят!

Ездовые, не понимая в чём дело, недоумённо натянули вожжи, затрукали, обоз остановился. На крик повалили любопытные. Вскочили с лужайки и мы с Божерским.

А это ещё что такое? — доносился голос начальника переправы.

Над толпой, что-то жуя, шевеля дряблыми синими губами, рожим валенком торчала голова верблюда. Протиснувшись, мы увидели длинную телегу с решётчатыми бортами, сквозь которые выглядывало несколько станковых пулемётов.

Коренастый, дочерна загорелый возница, похожий на фотографический негатив ещё и оттого, что на нём сидела почти добела выцветшая пилотка, непонимающе мигал белыми ресницами.

Что ещё за новость? — гневно добивался начальник переправы, тыча блокнотом в сторону верблюда, должно быть олицетворявшего в его глазах крайнюю разболтанность и беспорядок. — Тебя спрашивают!

Сами видите... Верблюд это... — промямлил наконец обозник.

Какой ещё верблюд?! — побагровел капитан оттого, что животное это было всё-таки названо со всей очевидной определённо-стью. — Какой ещё, спрашиваю, верблюд?! — побагровел капитан. Ты бы мне ещё корову в оглобли поставил... Запоричивай к едрене фене!

— Как же так, товарищ капитан...

— А вот так! Никаких верблюдов!

Мне назад никак нельзя. У меня пулемёты.

— Ничего не знаю!

Возница растерянно посмотрел на собравшихся.

— Товарищ капитан...

— Всё! Всё! Не задерживай мне движение, а то вызову караульных. Совсем разболтались, понимаешь... Армия это тебе или цыганский табор? Да ты хоть соображаешь, кочанная твоя голова, куда яступают наши войска? Перед нами Европа, вот она, а ты прёшься со своим верблюдом, позорить Советскую Армию. Тыфу!

Капитан ожесточённо сиюнул и брезгливо окинул воспалёнными от колготы и бессонницы глазами громадскую скотину в лохмах бурой шерсти на опавших горбах и тонких ляжках, столь чуждую здесь, на фронтовой дороге. Верблюд же продолжал с буддийским спокойствием перекидывать из стороны в сторону нижнюю челюсть, как бы по-своему, по-верблюжьи пренебрегая людской суетой и переправкой и даже тем обстоятельством, что перед ним простиралась Европа — за тысячи верст от его родных колкучек и солончаков.

Хороши, скажут, освободители... — продолжал распаляться капитан. — И куда только командир смотрит? Такой же, наверное, разгильдяй.

Неожиданно по всему спуску, забитому войсками, вспыхнула такая-то суматоха. Разбредившиеся было артиллеристы опростетью бежали к своим орудиям, пехотинцы спешно строились в колонны, командиры, придерживая планшетки, торопились к своим подразделениям.

По склону, пробираясь сквозь сгрудившиеся войска, спускались две чёрные «эмки». И вот уже до переправы донеслось сдержанное и настороженное:

— Командующий! Командующий едет!

Капитан торопливо одернул китель и, погрозив ездовому пальцем: «Вот я тебя! Чтоб духу твоего здесь не было!» — побежал от моста.

Перепуганный обозник задёргал вожжами, зачмокал: «Чоп! Чоп!» — но пока всё это дошло до верблюда, пока тот раскачивал свои длинные ходули и потом неспешно воротил телегу в сторону, и вовсе перегородив ею въезд на переправу, — где-то совсем рядом уже хлопнули автомобильные дверцы. Сквозь ряды солдат, замерших по стойке «смирно», к предместью направлялась группа генералов и штабных офицеров. Среди них, возвышаясь над остальными чуть ли не на голову, шёл ладный, молодцеватый генерал с крутым разлётом бровей под алым околышем фуражки. Это был сам Рокоссовский.

Историко-культурный комментарий

► **Рокоссовский Константин Константинович (1896—1968)** — один из крупнейших полководцев Второй мировой войны, дважды Герой Советского Союза, единственный в истории СССР маршал двух стран: СССР и Польши.

Важнейшими событиями в военной карьере К. К. Рокоссовского стали Сталинградская битва, где он разработал блестящую операцию по освобождению города, и сражение на Курско-Орловской дуге, где были опробованы новые методы ведения боевых действий, но сам маршал считал своей главной победой освобождение Белоруссии в 1944 г. ◀

Начальник переправы, выбрасывая носки пыльных брезентовых сапог, хватил строевым и, шлёпнув задниками в пяти метрах перед командующим, запел хриплым речитативом:

— Товарищ командующий! Вверенные вам войска ведут переправу через...

— В чём дело, капитан? — остановил его Рокоссовский. — Что за базар на переправе?

Начальник переправы, вытянув руки по швам, мельком обернувшись, пытаясь удостовериться, стоит ли этот распроклятый верблюд. Но командующий уже заметил злополучного зверя и, обходя капитана, вместе с остальными генералами и офицерами направился к повозке, возле которой, спрыгнув на землю, стоял ни жив ни мёртв вконец перепуганный возница.

— Верблюд, товарищ командующий, — семена сбоку, пытался пояснить ситуацию начальник переправы. — Я ему: нельзя, а он не понимает...

Командующий, подойдя к повозке, со вниманием оглядел верблюда. На его живом лице обозначились мальчишеское любопытство и удивление.

— Каков, а? — обернулся он к генералам. — Философ! Ну и почему вы его не пропускаете, капитан? Прямое политическое недомыслие. — Рокоссовский вскинул бровь. — Какой части, солдат?

— Ездовой Товарняков, второй роты второго батальона триста восьмого полка...

— Какая армия?

— Шестьдесят пятая, товарищ командующий.

— Сталинградец, значит?

— Так точно, товарищ генерал армии!

— Выходит, вместе воевали. Ну, а верблюд у тебя откуда?

— Тоже оттуда, из тех мест.

— Чего же ты на лошадей не поменяешь?

— Да где же их было взять? — развёл руками ездовой. — Моих под Сталинградом побил, я и запряг вот его. А теперь и менять жалко, привык. Еду — доеду. Вон уж сколько проехано вместе. Хотели его на мясо забить, да я не дал. Чего же его забивать — исправный, не хромает.

Командующий усмехнулся, снова с интересом посмотрел на верблюда.

— Но не по уставу ведь, а? Вот и начальник переправы не пускает...

— Дак, товарищ командующий! Верблюд, ежели разобраться, он получше лошадей будет. Он у меня вроде долгоиграющий.

— Какой-какой?

— Недельного заводу, — оживился солдат. — Лошадь кажинный день есть-пить просит. А этот и день идёт, и неделю — ничего не требует. Вот как под Волковыском охалку веников съел, так и по сей день. А уже котормы сутки в походе. Очень экономная скотина.

— М-да... Ну вот что, капитан. — Командующий похлопал верблюда по мягкой шее. — Нечего нам перед Европой стыдиться. Кроме этого верблюда вон у нас ещё какая техника — мостов не хватает. Кстати, сегодня же начинайте наводить новую переправу. Тут же рядом, чтобы в два потока.

— Есть! — вытянулся капитан.

— А верблюда пропустите, пропустите. Пусть в Европе смотрят и на него. И кое-кто лишний раз вспомнит, что мы пришли от самых стен Сталинграда.

Обрадованный ездовой, забежав вперёд, схватил верблюда за повод.

— Постой, — удержал его Рокоссовский. — Что же ты — сталинградец, а наград не вижу? С пустой грудью вступаешь в Европу. Иль воевал плохо?

— Так ведь... — Ездовой дёрнул погонями. — В обозе я... Какие награды?

Рокоссовский обернулся к адъютанту:

— Запишите-ка бойца. Сообщите в полк, пусть представят.

Верблюд, не внемля ничему, всё в том же невозмутимом раздумье продолжал глядеть поверх переправы на затуманенные шпили готического собора.

— Ну, солдат, догоняй, догоняй своих. Не задерживай движение. До встречи в Берлине! И командующий, улыбнувшись, взял под козырёк.

Размышляем над прочитанным

1. Какие чувства, несмотря на описание тягот войны, вызывает у читателя этот рассказ?

2. Почему начальника переправы волнует внешний вид полковых обозов? С какими чувствами он пропускает на другой берег «пёструю обшарпанную базарщину»? Объясните смысл этого выражения.

3. Найдите в тексте рассказа описание верблюда. С какой целью автор называет его поведение на переправе «буддийским спокойствием»? Чему оно противопоставляется?

4*. Какую роль играет в рассказе приём контраста? Приведите примеры из текста.

5*. Какими способами создания комического пользуется автор? С какой целью? Найдите в тексте рассказа примеры неожиданности и несоответствия.

6. Найдите в рассказе элементы композиции: пейзаж, портрет, художественные детали. Объясните их роль в рассказе.

7. Подготовьте выразительное чтение по ролям диалога Рокоссовского и ездового Товарнякова. Инсценируйте этот фрагмент рассказа, постарайтесь передать интонацией внутреннее состояние героев.

Содружество муз

► Повесть Е. И. Носова «Усвятские шлемоносцы» экранизирована под названием «Родник» (реж. А. Сиренко, 1982). Посмотрите этот фильм и напишите рецензию на него. ◀

Круг чтения

► Е. И. Носов. Радуга. Тридцать зёрен. Шопен, соната номер два. Красное вино победы. Фронтовые кашевары. Усвятские шлемоносцы. ◀

► Прочитайте фрагменты романа А. П. Кешокова «Сломанная подкова» и найдите точки соприкосновения с рассказами Ю. М. Нагибина «Ваганов» и Е. И. Носова «Переправа». Какими предстают образы кавалеристов в произведениях Ю. М. Нагибина и А. П. Кешокова? Почему, несмотря на то что в романе рассказывается о трагической судьбе кавалерийской дивизии, повествование, как и в рассказе Е. И. Носова, носит жизнеутверждающий характер?

А. П. Кешоков

Сломанная подкова

Фрагменты

(перевод В. Солоухина)

В Комитете обороны шли споры: создавать такую дивизию или не создавать. Зулькарней Кулов стоял за создание Нацдивизии, хотя бы уже потому, что сама идея создания её принадлежала ему же, Кулову. Таким способом он хотел выразить безграничную преданность кабардинцев и балкарцев делу дружбы с другими народами и лично вождю народов. Он надеялся показать всем решимость горцев стоять насмерть перед грозной силой врага и тщетность надежд фашистов на распад многонационального государства, на измену отдельных народов общему делу и общей борьбе.

Но были и противники создания Нацдивизии. Они говорили, что война эта общая, не кабардинская, не калмыцкая, не ингушская, но Великая Отечественная, общенародная война. Представители каждого народа и без того участвуют в ней, находясь вместе с другими бойцами в составе многочисленных полков и дивизий. По конституции, говорили противники Кулова, не каждый маленький народ защищает свою маленькую республику или область, но все народы вместе защищают своё общее, единое отечество. И надо бы лучше сосредоточить своё внимание на других обязанностях перед страной и перед фронтом, а формирование воинских соединений предоставить тем, кому назначено этим заниматься.

В споре победил Кулов. Тогда возник второй вопрос: какую дивизию создавать — стрелковую или кавалерийскую. Опять разделились голоса. Приверженцы и радетели национальных традиций ратовали за кавалерийскую дивизию. Приводились примеры, как ещё в войсках Суворова и Кутузова служили кабардинцы, составляя отдельные эскадроны. Да и во все другие времена участвовали в походах и кампаниях русских войск. Противники кавалерии возражали, ссылаясь на то, что в современной войне этот род войск отходит на второй план. Если кавалерия раньше успешно действовала на степных просторах, то ныне танки и мотопехота вытесняют её. На одном из совещаний Комитета обороны Зулькарней пригласил раненого полковника Кубанцева, убеждённого приверженца кавалерии, и тот доказал, что кавалерия не устарела. <...>

Комиссар между тем знакомил бойцов с планом операции, чтобы каждый во всех мелочах представлял себе задачу и всю трудность её решения.

— Ночь полна неожиданностей, опасностей, — говорил комиссар, — не всем суждено вернуться целыми и невредимыми. Поэтому готовьте себя к худшему. <...>

— Кто из вас помнит строки из поэмы Пушкина «Кавказский пленник»? — неожиданно спросил Доти и, чтобы не ставить бойцов в трудное положение, сам начал читать:

Черкес оружием обвешен;
Он им гордится, им утешен,
На нём броня, пицаль, колчан,
Кубанский лук, кинжал, аркан
И шашка, вечная подруга
Его трудов, его досуга.
Ничто его не тяготит,
Ничто не брякнет; пеший, конный —
Всё тот же он; всё тот же вид
Непобедимый, непреклонный...

Вот как классик литературы рисовал нашего предка. Каждый из нас тоже обещан оружием. Не тем, конечно, которым гордились наши предки, но обратите внимание: «Ничто его не тяготит, ничто не брякнет...» Давайте же подгонять свое снаряжение так, чтобы ни единый звук не мог вас выдать. Я каждого из вас лично по фамилии просил в свою группу, потому что идём на опасное дело. В моих глазах каждый из вас тоже «непобедимый, непреклонный...». <...>

У комиссара polegло больше трети людей, и штурмующая группа поредела. Но победа всё же одержана. Маленькая победа величистой с курган. Однако и такую победу нельзя было добыть без большой крови. <...>

Но бой в станице уже затих. Ото всюду выползают люди, повозки. Бродят по полю, ищут своих. Конники выстрелами из пистолетов добивают ещё живых лошадей, барахтающихся в крови. Кони умные. Добивают одну лошадь, другая прячет голову, сует её под хвост мёртвой, лежащей рядом. Из выпуклых воспалённых глаз текут чистые слёзы. Бедный Бекан! Ему поручено сберечь элиту кабардинской лошади, а сколько здесь погибает этой элиты! <...>

Сердце седельщика наполнилось благодарностью к Поху. Всё-таки лошадь доказала свою принадлежность к кабардинской породе — не забыла обратной дороги, не заплуталась в ночи.

Когда подъезжали к Нальчику, лошадь выбилась из последних сил. Она едва тянула двуколку, дышала тяжело, ввалившиеся бока вздувались и опадали, белая пена падала на дорогу. Лошадь останавливалась, переводила дух, оглядывалась усталыми и молящими глазами, затем, не дожидаясь кнута, сама трогалась с места. Бекан понимал лошадь, не подстегивал её, не торопил. ◀

Работаем со словом

Нацдивизия — здесь: 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия, в 1942 году участвовавшая в боях в районе Сталинграда и Северного Кавказа.

Седельщик — мастер, изготавливающий седла.

ЗАГАДКИ РУССКОЙ ДУШИ

Судьбы русских эмигрантов

Чувство, что ты эмигрант, а не путешественник появилось в Париже. Ты можешь желать, чего угодно, думать, о чём угодно, но ты должен прочно устроиться, уезжать некуда. Ты дыши воздухом, какой есть и за это будь ещё благодарен.

Б. К. Зайцев

Октябрьская революция 1917 года и Гражданская война привели к тому, что многие русские интеллигенты не смогли принять изменения, произошедшие в России, и были вынуждены эмигрировать за рубеж. Появилось большое количество русских беженцев, массовый отток которых происходил до середины 1920-х годов. Этот процесс получил в истории название «первой волны» русской эмиграции. Русские интеллигенты — учёные, изобретатели, писатели, деятели культуры — уезжали в основном в страны Западной Европы, образуя в европейских столицах (Париже, Берлине, Праге, Белграде, Софии) центры русской эмиграции. Эмигранты уезжали и на восток, в Харбин (Китай), многие осели в США. Уникальность «первой волны» русской эмиграции заключалась в том, что, несмотря на уверенность в скором возвращении на Родину, большая часть эмигрантов впоследствии не только не смогла вернуться в Россию, но и не стала органичной частью социума страны проживания.

В 1922 году два пассажирских судна, названных впоследствии «философскими пароходами», увезли из Петрограда в Германию более 160 представителей интеллигенции, включая философов, которые активно выступали против советской власти. В соответствии с декретом РСФСР 1921 года они были лишены гражданства и навсегда лишились возможности вернуться в Россию. Выдворение инакомыслящих происходило также на пароходах из Одессы и Севастополя и поездами из Москвы в Латвию и Германию.

Большинство уезжавших верили, что покидают Родину временно, поэтому и за рубежом стремились сохранить русский язык, родную культуру, традиции, бытовой уклад. Эмигранты «первой волны» становились носителями образа России в мировом сообществе, поэтому возникло идеологическое и культурное противостояние «русского зарубежья» и СССР, существовавшее в течение многих десятилетий.

Прожив за рубежом долгое время, многие русские писатели и поэты осознали, что пути домой у них нет, что новой России они не нужны, Марина Цветаева написала об этом: «Той России нету, как и той меня».

Поэт Георгий Иванов до конца своей жизни лелеял надежду, что сможет хотя бы «вернуться в Россию стихами». Его предсказание сбылось: в конце XX века русские читатели смогли открыть

для себя литературу русского зарубежья, потому что в России после долгого перерыва были опубликованы книги таких талантливых писателей, как Борис Зайцев и Аркадий Аверченко, Иван Шмелёв и Дон Аминадо, Георгий Адамович и Иван Бунин, и многих других.

Из первых уст

- За всё, за всё спасибо. За войну,
За революцию и за изгнание.
За равнодушно-светлую страну,
Где мы теперь «влачим существованье».

Нет доли сладостней — всё потерять.
Нет радостней судьбы — скитальцем стать,
И никогда ты к небу не был ближе,
Чем здесь, устав скучать,
Устав дышать,
Без сил, без денег,
Без любви,
В Париже...

Г. Адамович

В ветвях олеандровых трель соловья.
Калитка захлопнулась с жалобным стуком.
Луна закатилась за тучи. А я
Кончаю земное хождение по мукам,

Хождение по мукам, что видел во сне —
С изгнанием, любовью к тебе и грехами.
Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию — стихами.

Г. Иванов ◀

Вопросы и задания

1. Что вы знаете о литературе русского зарубежья? Какие произведения писателей-эмигрантов вы уже изучали на уроках литературы?
2. Почему многие представители русской интеллигенции не смогли вернуться в Россию?
3. Какие чувства и настроения являются главными в эмигрантских стихотворениях Г. Адамовича и Г. Иванова? Подтвердите свои мысли цитатами.

Литературные имена России

► **Борис Константинович Зайцев** (1881—1972) — русский писатель и переводчик, одна из последних крупных фигур Серебряного века. Его имя русские читатели смогли узнать только в 1990-е годы, когда в России начали публиковаться произведения русского зарубежья.

Зайцев начал писать в 17 лет. В начале XX века познакомился с А. П. Чеховым, В. Г. Короленко и Л. Н. Андреевым, помогавшими ему в начале литературной деятельности, а затем с И. А. Буниным, с которым дружил долгие годы. Первый сборник рассказов Зайцева был опубликован в Санкт-Петербурге в 1906 году.

Октябрьскую революцию и Гражданскую войну Борис Зайцев воспринял трагически: в эти годы были убиты его родственники, за активное участие в организации помощи голодающим он был арестован, затем едва не умер от сыпного тифа и принял решение уехать из России. В Париже, где он прожил около полувека, Зайцев публиковал свои произведения и одновременно занимался подготовкой материалов для литературных биографий И. С. Тургенева, А. П. Чехова, В. А. Жуковского. После Второй мировой войны Зайцева избрали председателем Союза русских писателей во Франции. «Живя вне Родины, — писал Б. К. Зайцев, — я могу вольно писать о том, что люблю в ней: о своеобразном складе русской жизни, русских святых, монастырях, о замечательных писателях России».

Всем своим творчеством Борис Зайцев утверждал ценности духовные, без которых люди теряют смысл бытия: «Ничто в мире зря не делается. Всё имеет смысл. Страдания, несчастья, смерти только кажутся необъяснимыми. Прихотливые узоры и зигзаги жизни при ближайшем созерцании могут открыться как бесполезные. День и ночь, радость и горе, достижения и падения — всегда научают. Бессмысленного нет».

Из первых уст

► В своём творчестве Зайцев продолжает традиции И. Тургенева и А. Чехова; религиозное восприятие мира, неприязнь писателя к гонке за материальным благополучием и упорядоченным, безопасным существованием, а также симпатия к непоседам и изгнанникам — вот связующие линии его творчества.

Вольфганг Казак ◀

► За рубежом у Зайцева пробудилось православное ощущение мира. Поэтому очерки у него — не просто очерки, а, как на иконе, подобны светописи. Архимандрит Киприан его прозу назвал «иконной мира». Что-то в этом угадано.

С. Федякин ◀

Прочитайте рассказ Зайцева «Лёгкое бремя», написанный в эмиграции, и подумайте, что помогло выжить и выстоять русским людям, оказавшимся вдали от Родины.

Лёгкое бремя

— Как же, как же, Марсель знаю, и даже, по совести говоря, не совсем так, как вы. То есть, не то чтобы очень любовался видом от Собора тамошнего, на горе, моряцкого, или же буйабесы сравнивал, в каком ресторане лучше, сидя на набережной, вновь пред синим этим морем... Мне Марсель тяжеле дался, Бог с ним. Я там восемь месяцев служил чернорабочим, поезда разгружал. Ну и занятие, я вам скажу.

Он разгладил чёрную, двумя крылами, видимо, полковническую бороду.

— Поработали. Нас на «Марселе-товарном» целая артель подобралась, всё русских. Офицеры и судейские, бывшие учителя, студенты, всякие. Н-н-да... Немало я на своей спине разного добра перетаскал. Однажды даже кровь горлом двинула, с натуги, что ли... Нет, если бы не выбрался, с Божией помощью — наверное, теперь не разговаривал бы тут. В моих годах, изволите ли видеть, уж не так и к жизни рвёшься, но семья, детишки, это, знаете ли, очень дело пронзительное, да-с, в нашем положении всё так и думаешь: нет, помирать нельзя, стой столбом, ломи горбом, а только не поддавайся. Иной раз через улицу идёшь, автомобиль летит — ан нет, не может меня, мерзавец, задавить, никак не может, у меня четверо на руках, что ж им, на улицу идти?

В Марселе я всякого навиделся, и не приведи Бог. Пьяные матросы, поножовщина и разврат в порту, и дети — этого я всего не выношу, терпеть не люблю, как говаривал наш бригадный генерал из немцев, царствие ему небесное, мученической смертью погиб. Ну, а всё-таки вот и вспомнилось мне одно — так, один вечер выдался у нас у всех особенный.

Работаем со словом

Буйабёс — знаменитый французский рыбный суп, традиционный для марсельских рыбаков.

Контр-мэтр — во Франции: помощник мастера; начальник смены на заводе или в порту.

Тяжеле (обл., устар.) — тяжелее, сравн. ст. нареч. тяжело.

Полковник закурил, поправил на пальце большой перстень с печаткою.

— Дело это было весной, на Страстной неделе, в самое для нашего брата на чужбине трудное время, потому, знаете, воспоминания одолевают... и берёзки наши распускающиеся, разлив, куличи, пасхи, и сама весна русская, весенний воздух... здесь же воздух, может быть, ещё слаже и нежнее с моря, и самое море в эти дни особенно сиреневое, и когда ночью над ним белые и голубые огни сияют, то, конечно, красота замечательная, но не то... Хорошо-с, вот мы все эти «бывшие-то», а ныне как бы каторжные, и работаем, как всегда, мешки с зерном таскаем — взвалишь на спину, еле дышишь и по тропочке знакомой так, согнувшись в три погибели, и бежишь, только чтобы добежать и от ноши от своей избавиться. Вот нам и говорит контр-мэтр, француз: «Хотите, русские, в России побывать?» — «То есть, как это, мол, так, в России, когда здесь ваша страна, французская?» — «Да уж так, — говорит, — она хоть и наша, а всё-таки тут и Россия есть. Идите-ка, смотрите».

Ну, разумеется, все наши побросали работу, за ним идут. Он на запасные пути, там товарные вагоны, целый поезд, только что пришёл из порта. Отворили первый вагон — как всегда, мешки. Контр-мэтр велел один снять и развязал. «Вот она и есть, — говорит, — ваша Россия. Это пшеница русская, из Одессы».

Русская... Как сейчас помню, вечерело.

Звёздочки уж показались первые. Паровозы кое-где посвистывают, на море сирена воеет, ветерком тёплым тянет — а вдруг сразу так тихо стало, наши все обступили... все к зерну тянутся... А кто на коленки стал, руки в мешок запускает, гладит... И молчим все. Шапки снимали, только зёрнышко всё ласкаем, с руки на руку пересыпаем, а зерно, правду вам сказать, золотое. Тёплое, янтарное зерно. Тут казак один кубанский прямо наземь кинулся, носом в пшеницу в эту уткнулся, у самого на глазах слёзы, всё дышит, нюхает — не нанюхается... «Господи, — закричал, — Мати Божия, да то ж зерно наше, кубанское...» И даже голос перехватило. Ну, знаете, долго так вокруг стояли, народ бывалый, тёртый, мало чего не видели, да, а тут... всё что-то глаза утирали.

Полковник остановился, вновь погладил лирообразную свою бороду, помолчал, пыхнул трубкою.

— Потом мы пшеничку эту самую, нашу расейскую, на себе, конечно, таскали, всё на тех же наших спинках — уж не очень ноне барских. Но и таскать легче было. Вот вам и загвоздка. Вес всё тот же, силы те же, а бежишь и только знаешь: это наша, матушка, родимая... И сколько натерпелись на родной земле, и сколько гнева, ненависти в сердце, ужаса, а тут вот как-то отошло, ну и душе стало полегче, освежительнее...

Я вообще вам скажу, я тогда этот случай понял не совсем просто — да и не я один. Ну, что особенного? Понятное дело, в Марсель русскую пшеницу возили, и как нам не наткнуться на неё? Всё-таки же показалось это доброй вестью, благой вестью. Точно бы и нас вот, вовсе уж заброшенных, нагих и сырых, осенил крылом Ангел Господень, и святое Его пёрышко на нас упало.

Работаем со словом

Сирый — здесь: беспомощный, убогий, несчастный, одинокий, бесприютный, бедный.

Расейский (от *Расея* — *сниж. и прост.* к *Россия*, употребляется в современном языке в ироническом контексте, а также в стилизованной речи. То же, что **российский**).

Сла́же (*устар. и обл.*) — *слаще, сравн. ст. к прил. сладкий*.

Но́ве (*устар. и обл.*) *нареч.* — *ныне, нынче*.

Мыта́риться (*прост.*) — *испытывать мытарства, муки*.

Порт в Марселе.
Худ. К. А. Коровин.
1890-е

«Бог дал жизнь, Бог даст и хлеб» — и представьте, ведь недолго мы с той Пасхи промытарились на этой каторге. Оно и сейчас нелегко, ну, кое-куда разбрелись, кое-как пристраиваемся, кто чем... И даже дети наши учатся. Вот-с... а Марсель... Нет, Бог с ним.

1926

Размышляем над прочитанным

1. Какие страницы жизни русских эмигрантов Борис Зайцев открывает читателю?

2. Почему привезённые из Одессы мешки с русской пшеницей так взволновали марсельских грузчиков?

3. Каким писатель изображает рассказчика? Найдите детали (портрет, речь, описание душевного состояния) и заполните цитатную таблицу. Сделайте вывод о мастерстве писателя.

4. Можно ли назвать этот рассказ исповедью? Обоснуйте свой ответ.

5. Найдите в рассказе цитаты, отражающие нравственную позицию писателя: стойко переносить испытания, не допускать ненависти в сердце, сохранять душевное равновесие, веру в лучшее.

6. Какие строки рассказа показались вам самыми сильными? В чём их патриотический пафос?

7. Прокомментируйте название рассказа. В чём его метафорический смысл?

8. Какие слова и выражения в рассказе указывают на его библейский подтекст? Прокомментируйте их.

- Б. К. Зайцев. Волки. Мгла. Сон. Тихие зори (рассказы).
Голубая звезда (повесть). ◀

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Литературные имена России

- Аркадий Тимофеевич Аверченко (1880—1925) — русский писатель-сатирик, редактор, издатель, драматург, автор юмористических рассказов и фельетонов.

Наибольшую известность получил как автор, редактор, издатель знаменитого петербургского журнала «Сатирикон». Публикации Аверченко в «Сатириконе» отличались тонким юмором и умением подмечать в людях забавные черты человеческой натуры. В 1910—1912 годы выходит сразу пять книг рассказов Аверченко, принесших ему славу русского Марка Твена и О. Генри.

После Октябрьской революции советская власть закрыла журнал, творчество Аверченко официально признано буржуазным и неблагонадёжным, и, прожив два года в родном Севастополе, в 1920 году писатель вынужден покинуть Родину. В эмиграции он чувствовал себя своим среди многочисленных русских беженцев и продолжал работать, хотя, как и его соотечественники, тосковал по России и испытывал трудности. Его новые рассказы были полны ностальгии по старой жизни, и смех писателя пронизывали нотки грусти. В Париже в 1921 году вышел сборник памфлетов, которому Аверченко дал острое и недвусмысленное название — «Дюжина ножей в спину революции».

В 1920—1922 годы, живя в Константинополе, писатель руководил созданным им театром под названием «Гнездо перелётных птиц».

До 80-х годов XX века Аверченко оставался в Советском Союзе запрещённым автором — читатели смогли оценить талант сатирика только в конце XX века, когда открылся широкий доступ к литературе русского зарубежья. ◀

Из первых уст

- Мой глаз приятно подмечал в Аверченке ту мягкую естественную, природную воспитанность, которая даётся только чётким и ум-

ным людям. Его очарование в обществе было несравнимо. Он умел держать себя в новой и незнакомой среде легко, в меру свободно, неизменно находчивый, внимательный, ясный, равный и ровный со всеми и для всех. Это большое искусство, им может владеть только талантливая душа, и Аверченко был дан дар пленительного шарма. Он покорял.

П. М. Пильский

Имя Арк. Аверченко, одного из популярнейших современных русских писателей, привлекло массу публики, которой было интересно увидеть живого Аверченко, и, судя по настроению в зрительном зале, она не разочаровалась: Аверченко не только талантливый юморист, но и прекрасный рассказчик. Его чтение всё время прерывалось дружным смехом слушателей.

А. Панин ◀

Работаем со словом

Фамилия «Аверченко» в современном русском языке не склоняется, однако в русской разговорной речи и художественных произведениях иногда допускается склонение украинских фамилий, оканчивающихся на **-енко**. Такое употребление в современном литературном языке является просторечным.

Памфлёт (от англ. *pamphlet* — брошюра, буклет) — сатирическое произведение обличительного характера, резко высмеивающее явления социальной жизни, политических и общественных деятелей.

Прочитайте рассказ А. Т. Аверченко «Русское искусство», написанный в эмиграции, и подумайте, чего в нём больше — смешного или грустного.

Русское искусство

— Вы?

— Я.

— Глазам своим не верю!

— Таким хорошеньким глазам не верить — это преступление.

Отпустить подобный комплимент двём на Пере, когда сотни летящего мимо народа не раз толкают вас в бока и в спину, для этого нужно быть очень светским, чрезвычайно элегантным человеком.

Таков я и есть.

Обладательница прекрасных глаз, известная петербургская драматическая актриса, стояла передо мной, и на её живом лукавом лице в одну минуту сменялось десять выражений.

— Слушайте, Простодушный! Очень хочется вас видеть. Ведь вы — мой старый милый Петербург. Приходите чайку попить.

— А где вы живёте?

Во всяком другом городе этот простой вопрос вызвал бы такой же простой ответ: улица такая-то, дом номер такой-то.

Работаем со словом

Пёра — историческое (греческое) название района в европейской части Константинополя (Стамбула). Современное (турецкое) название района — Бейоглу; он окружён водами Босфора и бухты Золотой Рог.

Токатлиан — площадь в старом Константинополе.

Но не таков городишко Константинополь!

На лице актрисы появилось выражение небывалой для неё растерянности:

— Где я живу? Позвольте. Не то Шашлы-Башлы, не то Биюк-Темрюк. А может быть, и Казанлы-Базанлы. Впрочем, дайте мне лучше карандаш и бумажку, я вам нарисую.

Отчасти делается понятна густая толпа, толкующаяся на Пере; это всё

русские стоят друг против друга и по полчаса объясняют свои адреса: не то Шашлы-Башлы, не то Бабаджан-Османлы.

Выручают обыкновенно карандаш и бумажка, причём отправной пункт — Токатлиан: это та печка, от которой всегда танцует ошалевший русский беженец.

Рисуются две параллельных линии — Пера. Потом квадратик — Токатлиан. Потом...

— Вот вам, — говорит актриса, чертя карандашом по бумаге, — Токатлиан. От этой штучки вы идите налево, сворачивайте на эту штучку, потом огибаеете эту штучку, и тут второй дом, где я живу. Номер 22. Третий этаж, квартира барона К.

Я благоговейно спрятал в бумажник этот странный документ и откланился.

На другой день вечером, когда я собрался в гости к актрисе, зашёл знакомый.

— Куда вы?

— Куда? От Токатлиана прямо, потом свернуть в одну штучку, потом в другую. Квартира барона К.

— Знаю. Хороший дом. Что ж это вы, дорогой мой, идёте в такое аристократическое место — и в пиджаке.

— Не фрак же надевать!

— А почему бы и нет? Вечером в гостях фрак — самое разлюбезное дело. Всё-таки, это ведь заграница!

— Фрак так фрак, — согласился я. — Я человек сговорчивый.

Оделся, и, сверкая туго накрахмаленным пластроном фракной сорочки, отправился на Перу танцевать от излюбленной русской печки.

Если в Константинополе вам известна улица и номер дома, то это только половина дела. Другая половина — найти номер дома. Это трудно. Потому что седьмой номер помещается между 29-м и 14-м, а 15-й скромно заткнулся между 127-б и 19-а.

Вероятно, это происходит потому, что туркам наши арабские цифры неизвестны. Дело происходило так: решив перенумеровать дома по-арабски, муниципалитет наделал несколько тысяч дощечек с разными цифрами и свалил их в кучу на главной площади. А потом каждый домовладелец подходил и выбирал тот номер, закорючки и загогулины которого приходились ему более по душе.

Искомый номер 22 был сравнительно приличен: между 24-м и 13-м.

На звонок дверь открыла дама очень элегантного вида.

— Что угодно?

— Анна Николаевна здесь живёт?

— Какая?

— Русская. Беженка.

— Ах, это вы к Аннушке! Аннушка! Тебя кто-то спрашивает.

Раздался стук каблучков, и в переднюю выпорхнула моя приятельница в фартуке и с какой-то тряпкой в руке.

Первые слова её были такие:

— Чего тебя, ирода, черти-то по парадным носят? Не мог через чёрный ход притить?!

— Виноват, — растерялся, — сказали...

— Что сказала, то и сказала. Это мой кум, барыня. Я его допреж того в Петербурхе знала. Иди уж на кухню, раздевайся там. Недотёпа!

Кухня была тёплая, уютная, но не особенно пригодная для моего элегантного фрака. Серая тужурка и каска пожарного были бы здесь гораздо уместнее.

— Ну, садись, кум, коль пришёл. Самовар, чать, простыл, но стакашку ещё нацедить — возможное дело.

— А я вижу, вы с граи-кокет перешли на характерные, — уныло заметил я, вертя в руках какую-то огромную ложку с дырочками.

— Чаво? Я, стало быть, тут у кухарках пристроилась. Ничего, хозяева добрые, не забивают.

— На своих харчах? — деловито спросил я, чувствуя, как на моей голове невидимо вырастает медная пожарная каска.

— Хозяйские. И отсыпное хозяйское.

— И доход от мясной и зеленой имеете?

— Законный процент. (В последнем слове она сделала ударение на «о»). А то, может, щец похлебаешь? С обеда остались. Я б разогрела.

Вошла хозяйка.

— Аннушка, самовар поставь.

Во мне заговорил джентльмен.

— Позвольте, я поставлю, — сказал я, кашлянув в кулак. — Я мигом. Стриженная девка не успеет косы заплести, как я его ушкварю. И никаких гвоздей. Вы только покажите: куда насыпать уголь и куда налить воды.

— Кто это такой, Аннушка? — спросила хозяйка, с ошолобленным видом разглядывая мой фрак.

— Так один тут. Вроде как сродственник. Он, барыня, тихий. Ни тебе напиться, ни тебе набезобразить.

— Вы давно знакомы?

Работаем со словом

Граи-кокёт — актёрское амплуа. **Кокет** — амплуа актрисы, исполняющей роли красивых, изящных и задорных женщин, **граи-кокет** — более старших по возрасту. **Характерные роли** — роли, отмеченные бытовым или сословным внешним своеобразием.

— С Петербурга, — скромно сказал я, переминаясь с ноги на ногу. — Аннушка в моих пьесах играла.

— Как... играла... Почему в ваших?

— А кто тебя за язык тянет, эфиоп, — с досадой пробормотала Аннушка. — Места только лишишься из-за вас, чертей. Видите ли, барыня... Ихняя фамилия — Аверченко.

— Так чего ж вы тут, Господи! Пожалуйста в столовую, я вас с мужем познакомлю. Мы очень рады.

— Видала? — заносчиво сказал я, подмигивая. — А ты меня всё ругаешь. А со мной господа за ручку здороваются, к столу приглашают.

С чёрного хода постучались. Вошёл ещё один Аннушкин гость, мой знакомый генерал, командовавший третьей армией. Он скромно остановился у притолоки, снял фуражку с галуном и сказал:

— Чай да сахар. Извините, что поздно. Такое наше дело швейцарское.

Мы сидели в столовой, за столом, покрытым белоснежной скатертью. Мы трое — кухарка, швейцар и я.

Хозяин побежал в лавку за закуской и вином, хозяйка раздувала на кухне самовар.

Константинополь начала XX века. Район Пёра.

Константинополь. Золотой Рог.
Худ. В. Д. Поленов. 1882

А мы сидели трое — кухарка, швейцар и я — и, сблизив головы, тихо говорили о том, что ещё так недавно сверкало, звенело и искрилось, что блистало, как молодой снег на солнце, что переливалось всеми цветами радуги и что теперь залилось океаном топкой грязи.

Усталые затуманенные слезами глаза тщетно сверлят завесу мглы, повешенную господом Богом... Какая это мгла? Предраассветная? Или это сумерки, за которыми идёт ночь, одиночество и отчаяние?

Размышляем над прочитанным

1. Какие способы создания комического использует автор? Приведите примеры из текста.

2. Какие художественные детали помогают читателю представить образ героя рассказа? Почему во фраке герой выглядит особенно нелепо?

3. Прокомментируйте фрагмент диалога Аннушки и героя:

— На своих харчах? — деловито спросил я, чувствуя, как на моей голове невидимо вырастает медная пожарная каска.

— Хозяйские. И отсыпное хозяйское.

— И доход от мясной и зеленой имеете?

— Законный процент. (В последнем слове она сделала ударение на «о»).

О чём говорят герои? Используя интернет-словари, прокомментируйте непонятные слова. Что хотел подчеркнуть автор словами «на моей голове невидимо вырастает медная пожарная каска»?

4. Проанализируйте речь Аннушки и найдите в ней просторечные слова и выражения. С какой целью она их употребляет?

5*. Прочитайте финал рассказа и определите его пафос.

6. Почему рассказ называется «Русское искусство»?

7. Подготовьте радиопостановку фрагмента рассказа «Русское искусство» со слов «Что угодно?» до слов «Такое наше дело швейцарское».

Круг чтения

► А. Т. Аверченко. Широкая Масленица. Рыцарь индустрии. Волчья шуба. История болезни Иванова. День человеческий. Чёртовое колесо.

Стихотворения поэтов первой волны русской эмиграции: Георгия Адамовича, Дона Аминадо, Константина Бальмонта, Ивана Бунина, Георгия Иванова, Владимира Набокова, Ирины Одоевцевой, Владислава Ходасевича и др. ◀

О ВАШИХ РОВЕСНИКАХ

Прощание с детством

Неизбежно с неведомым дети роднятся:
Звёзды! Бури морские! Над бездной мосты!
Станет поступь другой. Сны другие приснятся.
Вдруг исчезнут игрушки. Нахлынут мечты.
И былое померкнет перед небывалым,
И покажется милый родительский дом
Неуютным в сравненье с походным привалом, —
Мы об этом ещё пожалеем потом.

В. Д. Берестов

В жизни каждого человека есть несколько этапов: завершается какой-то период и начинается следующий. У школьников своеобразным рубежом, конечно, является окончание 9 класса, а вслед за этим — окончание школы. Затем наступает новая полоса — юность, когда большинство вчерашних школьников становятся студентами или идут работать. Наступает новый этап: детство заканчивается, но оно не уходит совсем, а навсегда остаётся в воспоминаниях. Прощание с детством — это не только потеря, но и приобретение. Появляется новое окружение, новые друзья, навыки будущей профессии, а главное — осознание того, что за все свои шаги и поступки человек должен отвечать сам, пробуя во всех делах свои молодые силы.

Переход от отрочества к юности не всегда происходит безболезненно, все люди совершают ошибки. Но вместе с «шишками» приходит и опыт. Новые умения появляются не сами собой, а в результате усилий, которые каждый должен научиться делать над собой. Приходит и эмоциональный опыт: то, на что не обращают должного внимания в подростковом возрасте (любовь, взаимопонимание, сострадание, великодушие), в юности становится важным, укрепляется в сердце.

Знаете ли вы, что ещё полвека назад обязательным образованием была семилетка и выпускники 7 классов уже в 14 лет шагали в большую жизнь? Кто-то, конечно, продолжал учиться в старшей школе, кто-то поступал в профессиональное училище или техникум. Но многие уже в 14 лет начинали работать на заводах и фабриках, чтобы материально помочь своим семьям, и учились заочно. Несомненно, это требовало от подростков большей ответственности в своих решениях и особенно в выборе профессии. Но на пороге юности ваши сверстники тех далёких лет так же, как и вы, прислушивались к новым состояниям своей взрослеющей души, мечтали о настоящей дружбе и верной любви, радовались ярким событиям и впечатлениям жизни, хотели покинуть родительский дом и стать самостоятельными, увидеть мир, стремились поразить окружающих смелыми и неожиданными поступками. Среднюю школу юноши и девушки заканчивали в возрасте 16—17 лет, и студенты того времени могли быть вашими ровесниками, как и герой повести Юрия Коваля «От Красных ворот».

► Звенят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: «пятнадцать лет».
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нет!
Ещё вчера в зелёные берёзки
Я убегала, вольная, с утра.
Ещё вчера шалила без причёски,
Ещё вчера!

Весенний звон с далёких колоколен
Мне говорил: «Побегай и приляг!»
И каждый крик шалунье был позволен,
И каждый шаг!

Что впереди? Какая неудача?
Во всём обман и, ах, на всём запрет!
— Так с милым детством я прощалась, плача,
В пятнадцать лет.

М. И. Цветаева ◀

Вопросы и задания

1. Прочитайте эпиграф к статье «Прощание с детством» и прокомментируйте его последнюю строчку.
2. Близки ли чувства лирической героини М. И. Цветаевой, вступающей в юность, вашему ощущению жизни? Обоснуйте свой ответ.

Юрий Иосифович Коваль

Литературные имена России

► Юрий Иосифович Коваль (1938—1995) — поэт, писатель, художник, сценарист игровых и мультипликационных фильмов, автор песен, диафильмов. Произведения Юрия Ковалья пронизаны особым лирическим юмором, который понятен и детям, и взрослым.

Окончив школу, Юрий Коваль стал студентом историко-филологического факультета Московского государственного педагогического института имени Ленина, где в то время работали выдающиеся преподаватели, а именно его однокашников и сокурсников теперь известны всем: поэт и актёр Юрий Визбор, поэт, прозаик и сценарист Юрий Ряшенцев, поэт и драматург Юлий Ким, режиссёр театра и кино Пётр Фоменко.

Писать рассказы Коваль начал в школьные годы, публиковаться — в институтской многотиражке. Одновременно он пробовал себя и как художник, изучал жанры изобразительного искусства, занимаясь живописью, скульптурой, графикой. Это позволило ему получить по окончании института право преподавать в школе русский язык, литературу, историю и рисование.

Коваль очень много ездил по стране и постоянно писал, пробуя себя в разных жанрах. Так появились юмористический детектив «Приключения Васи Куролесова», повести «Недопёсок» и «Алый», по которым были сняты известные фильмы.

Работаем со словом

Многотира́жка — печатная газета предприятия, учреждения со значительным тиражом, в отличие от стенгазеты, изготавливающейся в одном экземпляре.

После путешествия по северным рекам он написал одну из лучших своих книг — повесть «Самая лёгкая лодка в мире», получившую Почётный диплом Международного совета по литературе для детей и юношества. ◀

Из первых уст

▶ Слово Юрия Коваля будет всегда, пока есть кириллица, речь вообще и жизнь на Земле.

Татьяна Бек

Юрий Коваль — писатель нужный, чрезвычайно необходимый. Скажу иначе: Коваль — писатель чрезвычайной необходимости. Так весомей звучит, необходимей, чрезвычайней. Необходимый он даже не потому, что написал «Недопёска» — «одну из лучших книг на земле», как назвал её поэт Арсений Тарковский. А потому, и это в первую очередь, что он знает все звериные языки Земли — кошачий, собачий, птичий, — включая языки экзотические, такие как пчелиный и черепаший. Коваль вообще знал много чего. <...>

Книги Коваля (каждая!) такие же чудесные, как Жар-птица.

А. Етоев ◀

Какие книги Юрия Коваля вы читали? Чем они вам запомнились?

Прочитайте повесть «От Красных ворот» и подумайте, чем похож её главный герой на вас и ваших одноклассников.

Историко-культурный комментарий

▶ Триумфальная арка «Красные ворота», построенная в 1709 году по приказу Петра I в честь победы над шведами под Полтавой, вначале была деревянной и неоднократно разрушалась из-за частых пожаров в Москве, но в середине XVIII века была перестроена по проекту архитектора Д. В. Ухтомского и стала величественным камен-

ным сооружением, выполненным в стиле барокко. Арка была украшена лепниной, росписью и бронзовыми фигурами, гербами губерний Российской империи и портретом императрицы Елизаветы Петровны.

В конце 1920-х годов арка «Красные ворота» была разрушена из-за расширения Садового кольца и прокладки трамвайных путей. В 1935 году под площадью была проведена первая линия московского метро.

При разработке проекта станции метро «Красные ворота» архитектор Иван Фомин выполнил вестибюль станции в форме арки триумфальных ворот. Сегодня это название носит и площадь, где они находились, и станция метро. ◀

Вход на станцию метро «Красные ворота» в Москве

От Красных ворот

(Отрывок)

<...> Я всю жизнь терпеть не мог маленьких беленьких собачонок. И в особенности тех, у которых были такие розовые глазки, принакрытые бровками.

Розовые, розовые, розовые глазки!
Из-за вас
в который раз
хожу на перевязки.

Я не понимал, как можно ходить на перевязки из-за такой чепухи.

Беленьких собачонок с розовыми глазками я не считал собаками. Для меня это были бегающие шампиньончики.

Я питал страсть к гончим псам, к благородным сеттерам — ирландским и гордонам, я уважал дратхааров, преклонялся перед западносибирской лайкой.

Впрочем, Милорд не был таким уж маленьким и беленьким. Его нельзя было назвать шампиньончиком.

Для фокстерьера у него был хороший рост, а белую его рубашку украшали чёрные и коричневые пятна. Одно ухо — чёрное, а вокруг глаза расширялось коричневое очко, симпатично сползающее к носу. И никаких розовых глазок осмысленные, карие, с золотишкой. <...>

У Красных ворот стоял наш дом — серый и шестиэтажный, эпохи модернизма. Но не в серости его и шестиэтажности было дело. Важно было, что он стоял у Красных ворот.

Я гордился тем, что живу у Красных ворот.

В детстве у меня была даже такая игра. Я выбегал к метро и спрашивал у прохожих:

— Ты где живёшь?

— На Земляном или на Садовой, — отвечали прохожие.

— А я у Красных ворот. Это звучало сильно.

Обидно было, конечно, что никаких ворот на самом деле не было, не существовало. Они стояли здесь когда-то давно-давно, а теперь на их месте построили станцию метро. Эта станция, построенная в эпоху серого модернизма, могла сойти и за ворота, но то были ворота под землю, а ворота под землю никогда не могут заменить ворот на земле.

Не было, не было Красных ворот, и всё-таки они были. Я не знаю, откуда они брались, но они были на этом месте всегда. Они даже как будто разрослись и встали над метро и над нашим домом.
<...>

Надо сказать, что проблема полёта домашних животных никогда особенно не занимала меня, а в период подготовки к экзаменам я не мог уделять этому делу никакого времени.

Просто-напросто, отбросив учебники, я выходил с Милордом к фонтану.

К нам присоединилось и некоторое третье лицо — тонкий кожаный поводок, который я пристёгивал к ошейнику собаки. Дома пристёгивал поводок, у фонтана отстёгивал.

Поводок был необязателен. Милорд сам по себе ходил у моего ботинка. Но все приличные владельцы собак имели поводки. Поводок считался важным звеном, связывающим человека с собакой, и я это звено имел.

Это кожаное тоненькое, но крепкое звено Милорд ненавидел. Он не понимал его смысла. Он считал, что нас связывает нечто большее.

Как только я отстёгивал поводок у фонтана, Милорд немедленно принимался его грызть.

Это сердило. Я не мог каждый день покупать связывающие нас звенья. И я старался отнять у Милорда кожаное изделие.

Уступчивый обычно Милорд оказался здесь на редкость упрям. Я не мог выдрать поводок из его зубов. Фокстерьеры вообще славятся мёртвой хваткой, и Милорд поддерживал эту славу изо всех сил.

С мёртвой хватки и начались необыкновенные полёты Милорда.

Однажды у фонтана он вцепился в поводок особенно мёртво. Так и сак старался я расцепить его зубы и спасти поводок. Многие жители нашего двора повысовывались в окна, потому что у фонтана слышалось грозное рычанье и мои крики в стиле: «Отдай! Отцепись!»

Оконные зрители раздражали меня, я дергал поводок всё сильнее. Милорд же всё сильнее упирался и сквозь зубы рычал.

Я затоптался на месте, туго натянув поводок, закружился, и Милорду пришлось бегать вокруг меня. Я затоптался быстрее — Милорд не успевал переставлять ноги, они уже волочились и вдруг оторвались от земли.

Низко, над самой землёю летал вокруг меня Милорд. Он рычал, но поводок изо рта не выпускал.

Я кружился всё быстрее, Милорд подымался в воздухе всё выше и скоро достиг уровня моей груди.

Голова у меня у самого уже закружилась, но я поднял его в воздух ещё выше, и вот он летал на поводке в воздухе высоко у меня над головой.

Зрители остекленели в окнах.

Никогда в жизни ни одна собака не летала ещё в нашем дворе вокруг фонтана.

Наконец чудовищная центробежная сила разжала мёртвую хватку, Милорд отпустил поводок и, подобно лохматому и рычащему булыжнику, выпущенному из пращи, полетел от меня над фонтаном.

Он врезался задом в окно первого этажа, которое, впрочем, было затянато крепкою стальною противофутбольной сеткой.

Отпружинив от сетки, Милорд снова ринулся ко мне, вцепился в ненавистный поводок, и я снова закрутил его над фонтаном.

Необыкновенные полёты гладкошёрстного фокстерьера сделались любимым зрелищем мелких жителей нашего двора и крупной уличной шпаны. Когда мы гуляли у фонтана, вокруг нас всегда топтались тёмные типы с просьбою «повертеть Милорда». Я же, отупевший от собственных успехов, частенько уступал их просьбам.

Я раздраживал Милорда поводком, давал ему покрепче ухватиться и начинал, как волчок, крутиться на месте, постепенно отрывая собаку от земли.

Иногда мне удавалось угадать момент, когда чудовищная центробежная сила должна была вот-вот победить мёртвую хватку, и я постепенно опускал собаку на землю. Большей же частью этот момент угадать мне не удавалось, и чудовищная центробежная сила побеждала мёртвую хватку, и, подобно булыжнику, выпущенному из пращи, Милорд улетал от меня над фонтаном и попадал задом в окно первого этажа, затянута крепкою стальною сеткой.

А там, за этим окном, всегда, и даже летом, готовила уроки отличница Эллочка, и многие считали, что я нарочно целюсь в её окно своей летающей собакой.

Но, хотя Эллочка всегда внутренне притягивала меня, я никогда в её окно Милордом не прицеливался. Глубокий внутренний интерес, который я чувствовал к Эллочке, как-то сам по себе воплощался в собачьем полёте, и как же, наверно, удивлялась Эллочка, когда, оторвав свои очи от бледных ученических тетрадей, вдруг видела, как в окно её летит по воздуху задом гладкошёрстный фокстерьер.

Летающий Милорд не всегда попадал в это чудесное окно. Иногда улетая от меня, он врезался в прохожих, опрокидывал урны. Голубчик, он вовсе не обращал внимания на то, во что врезался. Ему явно нравилось летать, и, врезавшись во что-то, он тут же вскакивал на ноги и мчался ко мне, готовый вступить в мёртвую схватку с чудовищной центробежной силой.

Пришёл месяц сентябрь, и я вступил под своды Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина.

«Под своды» — это сказано правильно. Институт наш имел как-то особенно много сводов, куда больше, чем все другие московские вузы. И главный, стеклянный его свод увенчивал огромнейший Главный зал. А в Главном зале нашего института свободно мог бы уместиться шестизэтажный дом эпохи модернизма.

Прохлада и простор — вот какие слова приходят мне на ум, когда я вспоминаю Главный зал нашего института. Луч солнца никогда не проникал сквозь его стеклянный потолок, здесь всегда было немного пасмурно, но пасмурный свет этот был ясен и трезв. Что-то древнеримское, что-то древнегреческое чудилось в самом воздухе этого зала, и только особенный пасмурносеребряный свет, заливающий его пространство, подчёркивал северность этого храма науки.

А на галереях, усложнённых пилястрами и балюстрадами, на галереях с элементами колоннад было ещё много сводов, а под сводами этими... боже! Чего только не бывало под этими сводами! Какие вдохновенные лица горели на галереях и блистали на кафедрах, какие дикий типы толкались у колонн и толпились у ног двух важнейших скульптур нашего времени. Только лишь один простой перечень славных имён занял бы сотню самых убористых страниц, и нет никаких сил составить такой перечень, но и удержаться безумно трудно.

Историко-культурный комментарий

► История Московского педагогического государственного университета (МПГУ) начинается с 1872 года, когда были основаны Московские высшие женские курсы, существовавшие до 1918 года. В 1918 году они были преобразованы во Второй Московский государственный университет. В 1930 году Второй МГУ был разделён на три самостоятельных вуза, в числе которых был Московский государственный педагогический институт, носивший в 1941—1997 годах имя В. И. Ленина. В 1990 г. МГПИ получил статус университета и современное название (МПГУ). ◀

Главный зал Московского педагогического государственного университета

Ну вот хотя бы — Юрий Визбор. Ну Юлий Ким. Ну Пётр, хотя бы, Фоменко, ну Юрка Ряшенцев, ну Лёшка Мезинов, ну Эрик Красновский... Нет, не буду продолжать, иначе мне никогда не вырваться из-под магического знака великих и родных имён, так и буду вспоминать, так и буду перечислять до конца дней своих, забросив к чёртовой матери детскую и юношескую литературу, да ведь и как забыть эти лица, освещённые вечным пасмурным светом, льющим с наших северных небес в глубину Главного зала?! Вот, скажем, Алик Ненароков? И не только он! А Гришка-то Фельдблюм? А Валерка Агриколянский?

А какие же ходили здесь девушки! Да что же это за чудеса-то бегали тогда по бесконечным нашим лестницам и галереям?! Бог мой, да не я ли отдал в своё время всю жизнь за Розу Харитонову? Невозможно и невыносимо просто так, без сердечного трепета называть имена, которые вспыхивали тогда под пасмурным серебряным и стеклянным нашим потолком. И я трепещу, и вспоминаю, и буквально со слезами полными глаз думаю... Впрочем, хватит слёз и глаз, но вот ещё одно имя — Марина Кацаурова.

Именно из-за неё притащил я в институт Милорда.

Посреди Главного зала, под северным и серебряным нашим стеклянным потолком, раскрутил я Милорда. Чудовищная центробежная сила взяла верх над мёртвою фокстерьерской хваткой — и рычащий Милорд полетел над головами доцентов и врезался в почётнейшую доску, на которой было написано: «Славные сталинские соколы-стипендиаты».

Запахло отчислением.

Дня через два меня пригласил в кабинет наш именитый декан Фёдор Михайлович Головенченко. На его имя подали докладной конспект, в котором описывалось моё поведение. Среди прочих оборотов были в нём и такие слова: «... и тогда этот студент кинулся собакой в доску».

— «И тогда этот студент, — читал мне Фёдор Михайлович, многозначительно шевеля бровями, — кинулся собакой в доску».

И Фёдор Михайлович развёл величаво философские брови свои.

— Что же это такое-то? — сказал он. — «Кинулся собакой». Вы что же это — грызли доску? Тогда почему «кинулся собакой в доску»? Надо бы — «на доску». Или студент был «в доску». Что вы на это скажете?

Я панически молчал. Я не мог подобрать ответ, достойный великого профессора.

— Впрочем, — размышлял Фёдор Михайлович. — Следов погрыза или другого ущерба на доске не обнаружили. Доска, слава Богу, цела... Но поражает словесная фигура: «... и тогда этот студент кинулся собакой в доску». Что же это такое?

— Извините, мне кажется, что это — хорей, — нашёлся наконец я.

— Хо-рэй? Какой хо-рэй?

— Четырёхстопный.

— В чём дело? О каком вы хо-рэе?

— «И тогда этот студент кинулся собакой в доску»...

Я полагаю, что это хорей, Федор Михайлович, но с пиррихием.

Фёдор Михайлович воздел длани к сводам и захохотал.

— Божественный хо-рэй! — воскликнул он. — Божественный хо-рэй! И он ещё рассуждает о хо-рэе! Подите вон, знаток хорэя, я не желаю больше думать о собаке и доске!

Я попятился, наткнулся на какое-то кресло, замаялся в дверях, не понимая, прощён ли я.

— О, закрой свои бледные ноги! — воскликнул тогда декан, и, бледный, закрыл я дверь деканата.

Оказалось всё-таки, что я прощён, но потом не раз вспоминал заключительную фразу профессора. Я не мог понять, почему великий декан, грозно прощая меня, привёл классический пример одностийшия — «О, закрой свои бледные ноги». Наверно, мой жалкий вид не мог возбудить в его памяти никаких стихов, кроме этих.

Больше я Милорда в институт, конечно, не водил. Но как же плакал и рыдал он, когда я уходил из дому, он забивался под кровать и лежал там в тоске, нежно прижавшись к старому моему ботинку. Сердце разрывалось, но я ничего не мог поделать — собака есть собака, а студент есть студент.

К концу сентября Милорд совершенно зачах. Огромное разочарование наступило в его жизни. Ему казалось, что он нашёл ботинок, возле которого можно двигаться всю жизнь, а ботинок этот удвигался каждое утро в педагогический институт.

В первое воскресенье октября я повёз его в лес, на охоту.

Была тогда странная осень.

Золото, которое давно должно было охватить лес, отчего-то запоздало, ни золотишки не виднелось в березняках, ни красной крапинки в осинах. Сами берёзовые листья как-то неправильно и стыдливо шевелились под ветром. Им неловко было, что они ещё такие зелёные, такие молодые, а давно уж должны были озолотеть.

Я шёл вдоль болотистого ручья, медленно постигая берега его.

Я ждал уток, и они взлетали порой, и первым подымался селезень, а следом — утка, и только потом, в небе, они перестраивались иначе — первой шла утка, а за нею — селезень. Впрочем, осенью всегда трудно разобраться, где утка, где селезень, не видно немисливо-зелёной весенней селезневой головы, только по взлёту и полёту можно догадаться.

Странная была тогда осень. Утки отчего-то разбились на пары, а надо было им собираться в стаи и улетать на юг.

Утки, разбившиеся на пары, и листья, которые не желали золотеть, изо всех сил затягивали лето.

Я иногда стрелял. Милорд при звуках выстрелов выскакивал высоко из травы, выглядывая улетающую добычу. Он не понимал меня и моей стрельбы, потому что в душе не был, конечно, утятником. Его тянуло в лес. Мне же хотелось подбить утку, чтоб Милорд понял в конце концов, что не зря поклонялся моим сапогам и ботинкам.

Было любопытно, как он поведёт себя, когда я подбью утку. Сообразит, что её нужно подать из воды, или нет? Я был уверен, что сообразит.

Наконец какой-то селезень зазевался. Он только ещё начал хлопать крыльями, чтоб подняться с воды, как я врезал дробью ему под крыло. Утка, скрежеща крыльями, ушла.

Селезень бил крылом по воде совсем неподалёку, надо было перепрыгнуть ручей, чтобы достать его. В азарте я позабыл, что решил поручить это дело Милорду, и прыгнул.

Я прыгнул с трясинистого берега, и нога, которой я оттолкнулся, привязала немного, трясина прихватила сапог, сняла его с ноги наполовину, и пока я перелетал с берега на берег, сапог отпал с моей ноги и упал в неприятную ржавую жижу.

Очутившись на другом берегу, я не сразу сообразил, что делать: спасать сапог или бежать к селезню, который всё ещё бил крылом по воде.

Милорд сообразил сразу. Он кинулся в ржавую жижу, схватил сапог, вытащил на берег и уложил точно у правой ноги, на которую сапог приходился. Потом пробежал по берегу, быстро достал селезня и положил к левой обутой ноге.

А к полудню попали мы в лес — настоящий матёрый сосняк. Сосны росли на буграх, и не было больше никаких деревьев — сосны, сосны, а на открытых солнцу песчаных откосах восходил к небу необыкновенный, униженный синими морозными ягодами можжевельник.

Я разложил костёр. Мне хотелось накормить Милорда утиным супом, но, пока я возился да раздувал огонь, Милорд исчез.

Этого не бывало никогда. Милорд всегда кружился у моего ботинка. Я вдруг сильно напугался, свистел и кричал, бегал по лесу и, когда вернулся к костру, услышал далёкий собачий лай.

Это был голос Милорда, и шёл он из-под земли.

И только тут я увидел под сосновыми песчаными корнями — нора, ведущая в глубь бугра.

Я пал на землю, покрытую сосновыми иголками, разбросал маслята и рыжики, которые мешали слушать, и приник ухом к бугру. Так странно было слышать собачий лай из глубины земли.

Лай вдруг прервался, послышалось рычанье. Так точно рычал Милорд, когда вцеплялся в поводок, и я понял, что он отдался мёртвой хватке, вцепился под землёй в кого-то и не отпустит ни за что, пока в дело не вмешается чудовищная центробежная сила. Несколько часов лежал я на земле и слушал его голос, а сделать ничего не мог. Не было у меня, конечно, никакой лопаты, а если б и была, то какого чёрта и где копать?

— Милорд! — кричал я иногда в отчаянии. — Кончай эту ерунду!

Конечно, он меня слышал, но бросать барсука, а скорее всего это был барсук, не собирался.

— Ухожу! Ухожу на электричку! — в отчаянии кричал я, но он понимал, что я никуда не уйду, так и буду торчать на барсучьем бугре до вечера, а потом и всю ночь, и весь следующий день, в общем, пока в дело не вмешается чудовищная центробежная сила.

И я решил уйти. Милорд услышит из-под земли мои шаги, поймёт, что я и вправду ухожу. Пусть выбирает: я или мёртвая хватка.

Я затоптал с яростью костёр. Громко топая, пошёл я к ручью. Боже, как же я топал и проклинал песок за то, что он гудит под каблуком не так гулко, как надо бы.

Милорд появился внезапно и как ни в чём не бывало, просто вдруг выпрыгнул сбоку из травы. Ухо у него было разорвано, вся морда в крови. Но он не обращал на это никакого внимания и только лишь веселился, что догнал меня.

Я всё-таки подтащил его к ручью, слегка омыл морду, раскупоил патрон, присыпал раны порохом.

Уже вечерело, и мы пошли к станции через болото, напрямик.

В одном особенном каком-то зелёном и сыром месте Милорд вдруг высоко подпрыгнул. Опустился в траву и снова прыгнул, как-то странно, боком. Пока я бежал к нему, он всё прыгал на месте.

Это была гадюка. Чёрная, аспидная. Я выстрелил и перешиб ей шею.

На следующее утро, как всегда, опустил я на пол босые ноги, и Милорд тут же лизнул меня в пятку.

«Слава Богу, — подумал я. — Не успела укусить».

Я пошёл умываться, и Милорд двинулся за мной. Он полз по полу, перебирая передними лапами. Задние отнялись.

От Красных ворот, которые стояли над нашим домом, я бежал по Садовой к Земляному Валу. Милорда я держал на руках, он лизал меня в подбородок.

— Держите его крепче, — сказал ветеринар. — Зажмите пасть.

Я прижал Милорда к клеёнчатому столу, сжал изо всех сил пасть, и врач всадил ему в живот тупую иглу.

А мама моя названивала в ветеринарную академию, но никак не могла найти человека, который знал бы, как лечить фокстерьеров от укусов гадюк. Наконец, нашёлся человек, который рекомендовал марганцевые ванны.

Каждое утро Милорд выползал из-под моей кровати и отправлялся на поиски мамы. Он жалобно скулил, умоляя сделать ему очередную марганцевую ванну.

А я двадцать дней подряд бегал с ним по Садовой к ветеринару. Уколы эти были ужасны, игла тупа. С трудом удерживал я Милорда.

Ванны и уколы помогли. Лапы постепенно начинали двигаться. Вскоре Милорд уже кое-как ковылял, потом скованно припрыгивал и в конце концов бегал нормально. Всё вроде бы пошло по-старому, изменилось одно: он не лизал меня утром в пятку, перестал двигаться рядом с моим ботинком.

Я превратился просто в хозяина собаки, в человека, у которого проживает гладкошёрстный фокстерьер.

Я переживал ужасно. Я понимал, что всё пройдёт и когда-нибудь Милорд позабудет ту чудовищную боль от ветеринарной иглы. А Милорд боялся меня. Он думал, что я вдруг схвачу его и снова потащу на укол.

Да, странная была тогда осень. Деревья в Москве облетели только в конце октября. Двор наш весь был засыпан листьями ясеня, тополя, американского клёна.

Дворничиха тётя Наташа сметала листья метлой в огромные кучи, и Милорду нравилось залезать в эти кучи листьев. Ему казалось, что там кто-то шуршит.

Он разгребал листья лапами, фыркал, рычал, кидался в охристую глубину. Но листья, конечно, шуршали от старости, никого в себе не тая.

Я тоже делал вид, что там кто-то есть, и вместе с Милордом накидывался на кучи листьев, разгребал их, разбрасывал в разные стороны.

Иногда я нарочно запрятывал в листья кусок сахара или сухарик, и в полном восторге мы находили его.

Не знаю уж, что помогло — время или листья, но, кажется, листья. Однажды я опустил с кровати на пол босые ноги и почувствовал — пятку мою лизнули. Я так радовался в этот день, что хотел даже прогулять институт, и надо было бы прогулять и уехать с Милордом куда-нибудь за город, на Москву-реку, в Уборы, надо было бы перерыть там и перебрать все опавшие листья.

Но я — по глупости — пошёл в институт, а когда вернулся — Милорд встретил меня во дворе.

Вместе мы обшарили все кучи листьев, нашли куса два сахара, и я побежал наверх, на третий этаж, обедать. Милорда я спокойно оставил погулять во дворе. Его ведь все знали во дворе, и все любили, а на улицу Милорд без меня никогда не выходил.

Я обедал ещё, когда услышал, что со двора мелкая шпана громко называет по имени моё имя.

Я выбежал во двор.

— Мужик! — кричала мелкая шпана. — Мужик в серых брюках! Пристегнул его на поводок! Пристегнул и потащил! — Туда, туда по Садовой! От Красных ворот, которые стояли над нашим домом, я бежал по Садовой-Черногрязской к Земляному Валу. Передо мной и за мной вслед бежала мелкая дворовая шпана.

— Вон он! Вон он! Вон он! — кричали они. Я бежал и не видел нигде Милорда и мужика в серых брюках. Меня обгоняли троллейбусы и машины, движение огромного города обгоняло меня, тысячи и сотни мужиков в серых брюках разлетались в стороны. Я понимал, что всё кончено и я больше никогда в жизни не увижу Милорда, и всё-таки бежал, а навстречу мне летела в глаза холодная серая пыль, и я не понимал, что это уже снег. Я бежал по Садовой к Земляному Валу. От Красных ворот.

Из первых уст

► Юрий Коваль — чистая литература, прозаик на всём протяжении. В слово «прозаик» я вкладываю особый смысл. Это человек, чувствующий слово не меньше, чем поэт, но в прозе. Я вообще считаю, что русская литература непрофессиональна по традиции. Она любительская. Быть любителем, высоким любителем, так чтобы выдавать образцы, а не продукцию, — вот это и есть традиция русской литературы. Поэтому, хотя Коваль и считался детским писателем, он был прозаиком прежде всего, и для него больше всего значило слово. Книжки у Юры все разные; менять, даже изобретать

жанр в каждой новой книге я считаю правильным. Я исповедую золотой век русской литературы — тогда стрелялись и не успевали повторяться. Никакого производства. Отсутствие производства — это, по-моему, признак, а теперь уже можно сказать — призрак русской литературы. Сейчас, когда появился рынок, появились и профессия, и производство. Сакрального смысла русское слово уже не несёт или может потерять и перестать нести, а Коваль в этом смысле был служителем русской речи...

Андрей Битов

Проза Юрия Коваля необыкновенна, а источники её самые что ни на есть человеческие, простые — это и рассказы матери («Полынные сказки»), и байки отца, что был начальником областного угрозыска в Подмоскovie («Приключения Васи Куролесова»), и главное, конечно, собственные ощущения, что родились из огромного и уникального опыта учителя, путешественника, охотника, художника, музыканта...

Ю. Нечипоренко ◀

Размышляем над прочитанным

1. С каким настроением вы закончили чтение отрывка из повести «От Красных ворот»? Объясните свои чувства.

2. Какие поступки рассказчика можно назвать детскими? Объясните почему. Что свидетельствует о его взрослении? Проследите по тексту динамику взросления героя.

3. Выпишите из повести все описания Милорда. Как в них проявляется мастерство писателя?

4*. Выпишите из повести элементы комического. Как можно их классифицировать? Объясните основания для их классификации.

5. Найдите в повести пейзажи, интерьеры, художественные детали. Каким образом писателю удаётся сделать их особенно выразительными? Подготовьте сообщения о роли этих элементов композиции в повести.

6. Проанализируйте эпизод разговора рассказчика с деканом филологического факультета со слов «Посреди Главного зала, под северным и серебряным нашим стеклянным потолком, раскрутил я Милорда...» до слов «Больше я Милорда в институт, конечно, не водил». Какими способами автор создаёт комический эффект?

7. Прокомментируйте слова Андрея Битова, сказанные о Юрии Ковале.

Круг чтения

► Ю. И. Коваль. Самая лёгкая лодка в мире. Шамайка. Суер-Вьер. Чистый Дор. Алы. Полынные сказки. Пять похищенных монахов. Бабочки. Жеребёнок. Журавли. Избушка на Вишере. Листобой. Стеклянный пруд. ◀

ЛИШЬ СЛОВУ ЖИЗНЬ ДАНА

«Припадаю к великой реке...»

Пожалуй, главное, что характеризует человека, это язык. Родной язык — это как Родина, её не отнимешь и не заменишь. Можно знать много языков, но твой родной язык незаменим. А как иначе? Человек и начинается, прежде всего, с языка. И Родина тоже определяется с того места, где ты родился и вырос. Это всегда главное в человеке — язык и Родина.

К. Шифнер

Только вдали от Родины начинаешь понимать, как важен и дорог для тебя родной язык, волнуешься, увидев в газетном киоске издания на своём родном языке. Сегодня, наверное, нет таких стран, где живут люди только одной национальности. Большинство стран многонациональны, люди разных национальностей, живущие в них, часто говорят на своём родном языке только дома, а за его пределами проникаются магией того главного языка, на котором говорят в обществе.

Русский язык объединяет людей разных национальностей, живущих в России, и многие из них считают его своим родным языком.

Российский и немецкий писатель и журналист Карл Фёдорович Шифнер, родившийся в городе Омске в семье российских немцев, и уехавший в Германию, на свою историческую родину, в 1995 году, писал: «Любят люди делиться по национальностям. Дескать, я татарин, а ты русский, стало быть, мы разные. Разные, но не совсем. Все мы граждане Великой России, и все мы вполне можем считать себя русским народом, говорящим общим русским языком, живущим в русской культуре, хотя каждый из нас имеет ещё и конкретную национальность и даже дополнительно свой особый язык. Русская культура и русский язык всех объединяет и обогащает все народы, живущие в России. Меня такой расклад устраивает и даже радует. Я по крови немец, но пока жил в России, меня считали русским. И я сам считал себя русским. Теперь, когда живу в Германии, я должен бы считать себя немцем, но не получается — чувствую себя по-прежнему русским. И коренные немцы всех прибывших из бывшего Советского Союза непременно считают русскими. И правы, конечно — мы оттуда, где русская культура и все говорят на русском языке».

Иосиф Александрович Бродский видел в русском языке главное достояние народа. Александр Аркадьевич Галич, вспоминая на чужбине русских эмигрантов первой волны, утверждал, что Россия там, где жива русская речь. В полных гордости за своё Отечество стихах современного поэта Сергея Александровича Каргашина звучит такая внутренняя сила, которая заставляет читателя ощутить единство со своей страной.

Прокомментируйте высказывания Карла Шифнера о родном и русском языках. Согласны ли вы с мнением писателя? Объясните свою позицию.

Прочитайте стихи И. А. Бродского и С. А. Каргашина о России и русском языке. Какие мысли и чувства их объединяют?

Иосиф Александрович Бродский

Литературные имена России

► Иосиф Александрович Бродский (1940—1996) — выдающийся русский поэт XX века, лауреат Нобелевской премии по литературе (1987). В 1964 году был обвинён в тунеядстве и сослан в д. Норенская Архангельской области. Судебное дело Бродского стало известно во всём мире и благодаря мировому резонансу осенью 1965 года Бродский вернулся в Ленинград. Стихотворение «Мой народ» написано во время ссылки.

На жизнь и становление поэтического таланта Бродского большое влияние оказала Анна Андреевна Ахматова.

В 1972 году Бродский эмигрировал в США, где преподавал русскую и английскую поэзию в колледже в штате Массачусетс. В Россию он уже не вернулся. ◀

Мой народ

Мой народ, не склонивший своей головы,
Мой народ, сохранивший повадку травы:
В смертный час зажимающий зёрна в горсти,
Сохранивший способность на северном камне расти.

Мой народ, терпеливый и добрый народ,
Пьющий, песни орущий, вперёд
Устремлённый, встающий — огромен и прост —
Выше звёзд: в человеческий рост!

Мой народ, возвышающий лучших сынов,
Осуждающий сам проходимцев своих и лгунов,
Хоронящий в себе свои муки — и твёрдый в бою,
Говорящий бесстрашно великую правду свою.

Мой народ, не просивший даров у небес,
Мой народ, ни минуты не мыслящий без
Созиданья, труда, говорящий со всеми, как друг,
И чего б ни достиг, без гордыни глядящий вокруг.

Мой народ! Да, я счастлив уж тем, что твой сын!
Никогда на меня не посмотришь ты взглядом косым.
Ты заглушишь меня, если песня моя не честна.
Но услышишь её, если искренней будет она.

Не обманешь народ. Доброта — не доверчивость. Рот,
Говорящий неправду, ладонью закроет народ,
И такого на свете нигде не найти языка,
Чтобы смог говорящий взглянуть на народ свысока.

Путь певца — это родиной выбранный путь,
И куда ни взгляни — можно только к народу свернуть,
Раствориться, как капля, в бессчётных людских голосах,
Затеряться листком в неумолчных шумящих лесах.

Пусть возносит народ — а других я не знаю судей,
Словно высохший куст, — самомнение отдельных людей.
Лишь народ может дать высоту, путеводную нить,
Ибо не с чем свой рост на отшибе от леса сравнить.

Припадаю к народу. Припадаю к великой реке.
Пью великую речь, растворяюсь в её языке.
Припадаю к реке, бесконечно текущей вдоль глаз
Сквозь века, прямо в нас, мимо нас, дальше нас.

Из первых уст

► Или я ничего не понимаю, или это гениально как стихи, а в смысле пути нравственного это то, о чём говорит Достоевский в «Мёртвом доме»: ни тени озлобления или высокомерия...

А. А. Ахматова ◀

Размышляем над прочитанным

1. Какие чувства возникли у вас после прочтения стихотворения И. А. Бродского? Объясните почему.

2. Выпишите из строф 1—4 все черты народа, которые выделяет автор. Подумайте, почему именно эти характеристики кажутся поэту самыми важными.

3. Почему лирический герой счастлив, что он сын великого народа? В чём он видит свою связь с народом?

4. Согласны ли вы, что «Путь певца — это родиной выбранный путь»? Обоснуйте свой ответ.

5. Как понять строку «Лишь народ может дать высоту»?

6*. Какие связи между народом и языком видит поэт? Сопоставьте его слова с высказыванием И. С. Тургенева: «Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

7. Прокомментируйте мнение А. А. Ахматовой, высказанное о стихотворении И. А. Бродского «Мой народ».

Литературные имена России

► Сергей Александрович Каргашин (род. 1965) — журналист, поэт, автор пяти поэтических книг. Популярностью пользуются песни на стихи С. Каргашина.

Окончил факультет журналистики в 1992 году.

Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий им. А. Невского «России верные сыны» (2000) и «Хрустальной розы Виктора Розова» (2006). ◀

Я — русский! Спасибо, Господи!
Я — поле. Бабушкин крест.
Я — избы Рязанской области.
Я — синь подпирающий лес.
Я — русский! По самое горлышко.
Во веки веков. Насквозь.
Я — лебедя белого пёрышко.
Я — воина павшего кость.
Какие б ни выпали горести,
Всем бедам хриплю назло:
Я — русский! Спасибо, Господи!
Я — русский. Мне так повезло!..
Пусть времени кружатся лопасти,
Меня у меня — не отнять.
Россия, как крепость над пропастью,
Стояла и будет стоять!

Размышляем над прочитанным

1. Почему лирический герой гордится тем, что он русский?
2. Какие образы Родины создаёт поэт? Почему лирический герой отождествляет себя с ними?
3. Каким предстаёт в стихотворении образ времени?
4. Чем объясняется оптимизм финальных строк стихотворения?
5. Найдите в стихотворении повторяющиеся слова. С какими разными интонациями нужно читать их? Объясните почему.
6. Какие изобразительно-выразительные средства русской речи поэт использует в стихотворении? С какой целью?
7. Какие образы стихотворения противопоставлены и почему?
- 8*. Рассмотрите репродукцию картины Ильи Глазунова «Вечная Россия (сто веков)». Какие исторические персонажи, изображённые на картине, вам знакомы? В чём их заслуга перед Родиной?

Вечная Россия (сто веков). Худ. И. Глазунов. 1988

1. Используя материалы книги «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. Новая библиотека поэта. Большая серия. СПб, 2005» и военные песни, подготовьте сценарий поэтического спектакля «Памяти погибших поэтов» и покажите этот спектакль на школьной сцене.

2. Подготовьте конкурс на лучшее исполнение диалогов из изученных и самостоятельно прочитанных рассказов о Великой Отечественной войне.

3. Подготовьте и проведите презентацию устного альманаха «Поэзия и проза русского зарубежья».

4. Создайте киносценарий видеоролика «Милорд на охоте» (по повести Ю. Коваля «От Красных ворот»), используя следующую таблицу:

Номер кадра	Содержание кадра	Смена планов	Звук в кадре	Звук за кадром

5. Подготовьте поэтический спектакль, составленный из стихотворений о России и русском языке, изученных в основной школе и прочитанных самостоятельно, и покажите его на школьной сцене.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- С. 6. В. В. Мазуровский. Дело казаков Платова под Миром 9 июля 1812 года. 1912. Из собрания музея-панорамы «Бородинская битва».
- С. 8. Дж. Доу. Портрет фельдмаршала графа М. Барклая-де-Толли. 1829. © Fine Art Images / Легион Медиа.
- С. 9. И. И. Теребенёв. «Не удалось тебе нас переладить на свою погудку, поплещи же, басурман, под нашу дудку!». 1812.
- С. 11. О. А. Кипренский. Портрет Василия Андреевича Жуковского. 1816. Государственная Третьяковская галерея.
- С. 12. Д. Дайтон. Русская кавалерия атакует французскую пехоту под Бородино. Около 1813. / Легион Медиа.
- С. 14. Р. М. Волков. Портрет князя М. И. Голенищева-Кутузова. 1813.
- С. 16. П. Ф. Соколов. А. С. Пушкин. 1836. Всероссийский музей А. С. Пушкина.
- С. 17. В. Эберле. Вид Бородинского поля. 1843.
- С. 22. А. В. Тыранов, И. И. Лазечников. 1834. Всероссийский музей А. С. Пушкина.
- С. 27. А. Ф. Смирнов. Пожар Москвы. 1813.
- С. 29. М. И. Цветаева. 1915. TASS Archive / Diomedea.
- С. 30. Дж. Доу. Портрет Александра Алексеевича Тучкова. 1822—1825. Государственный Эрмитаж.
- С. 32. С. Б. Богодолова. Петербург при заходе солнца. 1850.
- С. 36. Б. В. Щербakov. Пушкин в Петербурге. 1949.
- С. 37. О. А. Кипренский. Портрет А. А. Олениной. 1828.
- С. 37. Б. Патерсен. Петербург. Вид на Казанский собор со стороны Невского проспекта. 1800-е. Всероссийский музей А. С. Пушкина.
- С. 38. О. Э. Мандельштам. Фото М. С. Нанпелбаума. © Fine Art Images / Легион Медиа.
- С. 40. Т. В. Потехина. Вид на реку Нева в Санкт-Петербурге. Адмиралтейство.
- С. 41. Сенатская площадь. Санкт-Петербург. © Karasev Victor / Shutterstock.
- С. 42. А. А. Ахматова. Фото М. С. Нанпелбаума. © Fine Art Images / Легион Медиа.
- С. 43. В. И. Суриков. Вид памятника Петру I на Сенатской площади в Петербурге. 1870.
- С. 45. Летний сад. Санкт-Петербург. © Kokhanchikov / Shutterstock.
- С. 46. Д. Самойлов. © Alexandr Kayazev / Picvario.
- С. 47. Адмиралтейство в Санкт-Петербурге. © Anna Pakutina / Shutterstock.
- С. 48. Л. В. Успенский. © Уткин / Россия сегодня.
- С. 53. В. С. Садовников. Вид на Благовещенский мост. 1851. © Fine Art Images / Легион Медиа.
- С. 55. Иоанновский мост. Санкт-Петербург. © Литлак Игорь / Фотобанк Лори.
- С. 58. А. К. Саврасов. Степь днём. 1852.
- С. 61. И. З. Суриков. © Макаров Алексей / Фотобанк Лори.
- С. 62. Неизвестный автор. Царицын. Гравюра. Начало XVIII века.
- С. 63. Н. Е. Сверчков. Застыгнувшие бурей. 1880—1890-е. Русский музей.
- С. 66. Неизвестный художник. П. А. Вяземский. 1817. Литография.
- С. 67. И. К. Айвазовский. Образ степи. Середина XIX века.
- С. 68. А. П. Чехов. 1901. Everett Historical / Shutterstock.
- С. 70. А. И. Кунинджи. Степь. 1875.
- С. 71. А. Е. Архинов. Обратный. 1896.
- С. 73. Тюльпаны в степи. Калмыкия. © Vitaly Pyasov / Shutterstock.
- С. 74. Калмыцкая степь. © Serj Malomuzh / Shutterstock.
- С. 77. А. В. Маковский. На пастухе. 1916. © The History Collection / Легион Медиа.
- С. 78. И. И. Богданов-Карбатовский. Происхождение честных древ Креста Господня. 1778.
- С. 79. Яблоневый сад. Ivan Galasheuk / Shutterstock.
- С. 79. Репродукция иконы «Преображение Господне» из села Чамерово. XV в. Из собрания музея им. А. Рублёва / Россия сегодня.
- С. 80. Благовещенский собор. © Денис Ларкин / Фотобанк Лори.
- С. 81. Неизвестный художник. Новгородская икона «Спас Нерукотворный». 30–90-е годы XII века. Государственная Третьяковская галерея.
- С. 82. Н. М. Григорьев. Хоровод. 1917. © The Picture Art Collection / Легион Медиа.
- С. 83. К. Д. Бальмонт. © Макаров Алексей / Фотобанк Лори.
- С. 85. Е. А. Евтушенко. © Giorgio Lotti / Легион Медиа.
- С. 88. Б. А. Ахмадулина. © Василий Малышев / Россия сегодня.
- С. 89. Б. А. Мессерер. Портрет Беллы Ахмадулиной с шарфом.
- С. 89. Б. А. Мессерер. Памятник Ахмадулиной в Тарусе. © Илюхина Наталья / Фотобанк Лори.
- С. 92. Е. И. Носов. / Россия сегодня.
- С. 93. Памятник Е. И. Носову в г. Курске. © Иван Марчук / Фотобанк Лори.
- С. 96. В. В. Янаки. Щедрая осень. 2006.
- С. 103. Снайперы одной из частей Красной армии: К. Калинин, Н. Харченко, З. Петрова. Действующая армия, 1945 год / РГКФД.
- С. 105. И. Я. Вилибин. Домовой. Литография. 1934. Россия, частное собрание. © Fine Art Images / Легион Медиа.
- С. 106. А. П. Платонов. Sovfoto / Universal Images Group / Shutterstock / ФОТОДОМ.
- С. 110. И. П. Дикунов, Э. Н. Пак. Памятник А. П. Платонову в Воронеже. 1999 г. © Михаил Марковский / Фотобанк Лори.
- С. 117. В. П. Астафьев. © А. Д. Заболоцкий.
- С. 117. Дом-музей бабушки Астафьева. © Александр Циликин / Фотобанк Лори.
- С. 140. Е. В. Вучетич. Скульптура воина «Стоять насмерть!» на Мамаевом кургане в Волгограде. / Shutterstock.
- С. 141. Ю. М. Нагибин © Василий Малышев / Россия сегодня.
- С. 153. К. К. Рокоссовский. / Легион Медиа.
- С. 160. Б. К. Зайцев. © Fine Art Images / Легион Медиа.

- С. 163. К. А. Коровин. Порт в Марселе. 1890-е годы. Государственная Третьяковская галерея.
 С. 164. А. Т. Аверченко. © Fine Art Images / Legion Media.
 С. 168. Константин Поленов. Район Пёра. Unattributed postcard / Legion Media.
 С. 168. В. Д. Поленов. Константинополь. Золотой рог. 1882.
 С. 171. Ю. И. Коваль.
 С. 173. Метро «Красные ворота». © Виктор Тараканов / Фотобанк Лори.
 С. 176. Главный зал МПУ. © Наталья Фёдорова / Фотобанк Лори.
 С. 184. И. А. Бродский. / Россия сегодня.
 С. 186. С. А. Каргашин.
 С. 187. И. С. Глазунов. Вечная Россия (сто веков). © Fine Art Images / Diomedia.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеев Б. И. Только дух животворит: Эссе. — URL: <http://www.voskres.ru/literature/critics/ageev.htm> (дата обращения: 30 сентября 2020).
 Андиферов Н. П. Душа Петербурга. — М.: Книга, 1991.
 Астафьев В. П. Весенний остров: Рассказы для среднего и старшего школьного возраста. — Пермь: Пермское кн. изд-во, 1964.
 Ахмадулина Б. А. Ночь упавших яблок. — М.: Олимп, Астрель, 2010.
 Ахматова А. Стихотворения и поэмы / сост. В. М. Жирмунский. — Л.: Сов. писатель, 1976. — (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание).
 Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990.
 Бродский И. А. Мой народ. // Д. Быков. Шестидесятники: литературные портреты. — М.: Молодая гвардия, 2019.
 Громов М. П. «Степь» как литературный памятник // А. П. Чехов. Степь. — М.: Наука, 1995. — (Литературные памятники).
 Емчушенко Е. А. Избранные произведения. В 2 т. — М.: Худ. лит., 1975.
 Емчушенко Е. А. Тихо оказавшийся классиком // Десять веков русской поэзии: Антология. В 5 т. — М.: Русский мир, 2013–2017 // Новые известия. — 2008. — 17 окт.
 Жуковский В. А. Собрание сочинений. В 4 т. Т.1. Стихотворения. — М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1959–1960.
 Зайцев Б. К. Избранное. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 1998.
 Зайцев Б. К. Москва. — Paris, 1939.
 Иванов Г. В. Петербургские зимы. — М.: Азбука, 2000.
 Каргашин С. А. Я — русский!.. // Земляки: Дорога домой: сайт. — URL: http://ya-zemlyak.ru/avtpoezia.asp?id_avt=348 (дата обращения: 30 сентября 2020).
 Ключевский В. О. Курс русской истории. В 8 т. Т.1. — М.: Госполитиздат, 1956.
 Коваль Ю. И. Опасайтесь лысых и усатых. — М.: Книжная палата, 1993.
 Коробкова Е. Икона мира писателя Бориса Зайцева // Известия. — 2016. — 11 февр. — URL: <http://iz.ru/news/603856> (дата обращения: 30 сентября 2020).
 Короленко В. Г. Антон Павлович Чехов // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. — М.: Худ. лит., 1960.
 Коряков М. Листки из блокнота. Поэзия. — Нью Йорк: Новое Русское Слово, 1968.
 Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
 Нагибин Ю. Рассказы. — М.: Гослитиздат, 1957.
 Нечипоренко Ю. Проза Ю. Коваль. — URL: <http://ruszhizn.ruspole.info/node/3607> (дата обращения: 29 сентября 2020).
 Нечипоренко Ю. Коваль своего счастья // Литературная газета. — 2013. — 6 февр. — № 5 (6402).
 Носов Е. И. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 4. — М.: Русский путь, 2005.
 Носов С. А. Конспирация, или Тайная жизнь петербургских памятников — 2. — СПб.: Изд-во К. Тублина, 2015.
 Одолевцева Н. В. На берегах Невы. — М.: Азбука, 2009.
 Панин А. [А. С. Бухов]. Театр и искусство. Вечер Ари. Аверченко // Эхо. — 1923. — 12 янв. — № 9 (685).
 Песни Оренбургских казаков. 1. Песни исторические / собрал А. И. Микутин. — Оренбург, 1904. — URL: <http://sovzavsksong.ru/literatura/> (дата обращения: 30 сентября 2020).
 Петербург русской поэзии (XVIII–начало XX века): Поэтическая антология / сост. М. В. Отрадин. — Л.: Изд. ЛГУ, 1988.
 Пильский П. Затуманившийся мир. — Рига: Грамату Драуге, 1929.
 Платонов А. П. На заре туманной юности. — М.: Детская литература, 2020. — (Школьная библиотека).
 Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. Критика и публицистика. — М.: ГИХЛ, 1959–1962.
 Саакянц А. Марина Цветаева. Страницы жизни и творчества. — М.: Сов. писатель, 1986.
 Самойлов Д. Волна и камень: Книга стихов. — М.: Сов. писатель, 1974.
 Самойлов Д. Равнодушие: Стихотворения и поэмы. — М.: Худ. лит., 1972.
 Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград в русской поэзии: Антология / И. И. Сивельников, ред. — СПб.: Лимбус Пресс, 1999.
 Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. — М.; Л.: Сов. писатель, 1965. — (Библиотека поэта. Большая серия).
 Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. — СПб.: Искусство, 2003.
 Успенский Л. В. Записки старого петербуржца. — Л.: Лениздат, 1990.
 Шайтанов И. О. О времени слышные весты // Д. Самойлов. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. — М.: Худ. лит., 1989.
 Шиллеса А. Борис Зайцев и его беллетризованные биографии. — New York, USA: Издание русского книжного дела «Волга», 1971.
 Штрайх С. Я. Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. — М.: Наука, 2007. — (Литературные памятники).
 Энциклопедия Русской эмиграции. — URL: <http://www.vokabula.ru/slovari/enciklopediya-russkoy-emigratsii> (дата обращения: 30 сентября 2020).

Учебное издание

**Александрова Ольга Макаровна
Аристова Мария Александровна
Беляева Наталья Васильевна
Добротина Ирина Нургаиновна
Критарова Жанна Николаевна
Мухаметшина Резеда Фаилевна**

Родная русская литература

9 класс

Учебное пособие для общеобразовательных организаций

Ответственный за выпуск *О. П. Москвина*

Редактор *О. П. Москвина*

Художественный редактор *Е. В. Дьячкова*

Внешнее оформление *Е. И. Гольцовой*

Макет *Е. И. Гольцовой*

Художник *О. В. Попович*

Цветоделение и обработка иллюстраций *Е. В. Дьячковой*

Компьютерная верстка и техническое редактирование

Е. В. Булгаковой, С. В. Китаевой

Корректоры *Е. В. Барановская, Н. А. Ерохина*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000.

Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01 Подписано в печать 07.10.2020. Формат 84×108^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 13,32. Тираж 5500 экз. Заказ № 61988СМ.

Акционерное общество «Издательство «Просвещение». Российская Федерация, 127473, г. Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16, стр. 3, этаж 4, помещение 1.

Предложения по оформлению и содержанию учебников — электронная почта «Горячей линии» — lrp@pros.ru.

Отпечатано в России.

Отпечатано в филиале «Смоленский полиграфический комбинат»

АО «Издательство «Высшая школа».

Российская Федерация, 214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

Тел.: +7 (4812) 31-11-96. Факс: +7 (4812) 31-31-70.

E-mail: spk@smolpk.ru <http://www.smolpk.ru>

Родная русская Литература

Завершённая предметная линия
по родной (русской) литературе
авторов О. М. Александровой и др.
включает учебные пособия:

- Родная русская литература. 5 класс
- Родная русская литература. 6 класс
- Родная русская литература. 7 класс
- Родная русская литература. 8 класс
- Родная русская литература. 9 класс

9

Полный ассортимент продукции издательства «Просвещение»
вы можете приобрести в официальном интернет-магазине shop.prosv.ru:

- низкие цены;
- оперативная доставка по всей России;
- защита от подделок;
- привилегии постоянным покупателям;
- разнообразные акции в течение всего года.

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
www.prosv.ru

ISBN 978-5-09-076929-7

9 785090 769297